

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

Правовые позиции
Конституционного Суда
Российской Федерации

Сборник нормативных правовых актов

Издание Государственной Думы
Москва • 2011

УДК 340.131 (470)
ББК 67.400.12 (2Рос)
П 685

Составители:

М. Н. Ласточкина, начальник Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации;
А. Н. Харитонов, заместитель начальника Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, постоянный представитель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации;
С. С. Хруцкий, главный советник аппарата Комитета Государственной Думы по Регламенту и организации работы Государственной Думы;
В. В. Мельников, консультант отдела Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

П 685 Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: сборник нормативных правовых актов. — М.: Издание Государственной Думы (электронное), 2011. — 160 с.

Во втором издании сборника представлены позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженные в его постановлениях и определениях по законодательному процессу, уголовному и налоговому законодательству, по вопросам, относящимся к ведению Российской Федерации и к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также по вопросам, связанным с процедурой принятия законов Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации.

Предназначено для специалистов, занимающихся законотворческой деятельностью, сотрудников юридических служб органов государственной власти и управления, преподавателей и студентов юридических учебных заведений, юристов.

УДК 340.131 (470)
ББК 67.400.12 (2Рос)

СОДЕРЖАНИЕ

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации применительно к федеральному законодательному процессу	4
Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по уголовному законодательству	58
Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по налоговому законодательству.....	79
Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам, относящимся к ведению Российской Федерации и к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации	134
Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам, связанным с процедурой принятия законов Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации.....	147

**ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО
К ФЕДЕРАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМУ ПРОЦЕССУ**
(по состоянию на 31 марта 2011 года)

Положения частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 31 ЯНВАРЯ 2011 Г. № 1-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ ЧАСТЕЙ ПЕРВОЙ, ТРЕТЬЕЙ И ДЕВЯТОЙ СТАТЬИ 115, ПУНКТА 2 ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 208 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И АБЗАЦА ДЕВЯТОГО ПУНКТА 1 СТАТЬИ 126 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)» В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ЗАКРЫТОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «НЕДВИЖИМОСТЬ-М», ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «СОЛОМАТИНСКОЕ ХЛЕБОПРИЁМНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ» И ГРАЖДАНКИ Л.И. КОСТАРЕВОЙ».

Вопрос. О процедуре судебной защиты применительно к отдельным видам судопроизводства и о возможности установления в рамках того или иного вида судопроизводства особых процедур.

Из мотивировочной части:

«...федеральный законодатель, осуществляя регулирование права собственности и связанных с ним отношений по владению, пользованию и распоряжению имуществом (статья 71, пункты «в», «о» Конституции Российской Федерации), должен действовать в рамках предоставленных ему Конституцией Российской Федерации дискреционных полномочий и руководствоваться требованиями её статьи 55 (часть 3), согласно которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

...ограничения права собственности, равно как и свободы предпринимательской и иной экономической деятельности, могут вводиться федеральным законом, только если они необходимы для защиты других конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, отвечают требованиям справедливости, разумности и соразмерности, носят общий и абстрактный характер, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо данных конституционных прав.

Ограничения такого рода могут быть обусловлены, в частности, предоставлением суду полномочия разрешать в порядке уголовного судопроизводства по ходатайству следователя или дознавателя вопрос о наложении на период предварительного расследования и судебного разбирательства ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, других

имущественных взысканий или возможной конфискации. Применение данной уголовно-процессуальной меры, имеющей принудительный характер и вторгающейся помимо воли собственника в его правомочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом, должно осуществляться — как того требуют конституционные гарантии охраны частной собственности законом и допустимости лишения имущества не иначе как по решению суда, выражающие принцип неприкосновенности собственности, а также конституционные гарантии судебной защиты — при эффективном, а не формальном контроле суда, соответствующие полномочия которого установлены с учётом правовой природы спорных отношений.

...Федеральный законодатель — исходя из требований статей 46–53, 118, 120, 123 и 125–128 Конституции Российской Федерации — закрепляет способы и процедуры судебной защиты применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел, учитывая особенности соответствующих материальных правоотношений, характер рассматриваемых дел, существо и значимость вводимых санкций и правовые последствия их применения. *Этим, однако, не исключается возможность установления в рамках того или иного вида судопроизводства особых процедур, которые должны обеспечить эффективность судебной защиты прав и свобод человека и гражданина при рассмотрении определённых категорий дел. Вводя такие процедуры в правовое регулирование, федеральный законодатель обязан соблюдать принципы, лежащие в основе организации и осуществления правосудия, разграничения судебной юрисдикции, обеспечения прав и свобод человека и гражданина (статья 18; статья 47, часть 1; статья 118, часть 2; статьи 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации). Не вправе отступить от этих требований и правоприменитель при уяснении смысла и толковании норм применяемого закона».*

Положения пункта 4 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 29 МАРТА 2011 Г. № 2-П ПО ДЕЛУ
«О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ ПУНКТА 4
ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 16 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОБЩИХ
ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ
МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ — ГОРОДСКОГО ОКРУГА
«ГОРОД ЧИТА».**

Вопрос. О реализации законодателем дискреционных полномочий в сфере правового регулирования общих принципов организации местного самоуправления.

Из мотивировочной части:

«...Реализуя в соответствии с Конституцией Российской Федерации свои дискреционные полномочия в сфере правового регулирования общих принципов организации местного самоуправления, включая установление правовых основ компетенции муниципальных образований, в рамках которой органы местного

самоуправления осуществляют свои полномочия самостоятельно, законодатель не может действовать произвольно. *Принимаемые им в той сфере решения должны соотноситься с конституционными основами разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации, учитывать конституционную природу местного самоуправления как наиболее приближённого к населению территориального уровня публичной власти и вместе с тем соответствовать вытекающему из конституционного принципа равенства всех перед законом требованию формальной определенности, что предполагает ясное, чёткое и непротиворечивое определение компетенции муниципальных образований, последовательное разграничение вопросов местного значения, решение которых возложено на органы местного самоуправления, и вопросов государственного значения, решение которых возложено на федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а также взаимосогласованную регламентацию полномочий органов местного самоуправления нормативными правовыми актами различной отраслевой принадлежности.*

Соблюдение этих требований является необходимым условием для обеспечения на законодательном уровне принципа равенства прав муниципальных образований как территориальных сообществ граждан, коллективно реализующих на основании Конституции Российской Федерации право на осуществление местного самоуправления, что в сфере финансово-бюджетных правоотношений предполагает, в частности, юридическое равенство между муниципальными образованиями в их взаимоотношениях с органами государственной власти, являющееся в конечном счёте одной из гарантий равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от места жительства (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2003 года № 16-П).

Иное означало бы, что законодатель вправе закрепить за местным самоуправлением неопределённые по объёму полномочия, а органы местного самоуправления — реализовать их произвольным образом, что приводило бы к нарушению принципа разграничения полномочий между территориальными уровнями публичной власти, ставило бы под сомнение надлежащее финансово-экономическое обеспечение местного самоуправления соразмерно его полномочиям, а в результате создавало бы угрозу невыполнения или ненадлежащего выполнения органами местного самоуправления их конституционных обязанностей, в том числе по обеспечению прав и свобод человека и гражданина (статьи 2 и 18 Конституции Российской Федерации)».

Часть третья статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 31 МАРТА 2011 Г. № 3-П ПО ДЕЛУ
«О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ЧАСТИ ТРЕТЬЕЙ
СТАТЬИ 138 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН С.В. КАПОРИНА, И.В. КОРШУНА
И ДРУГИХ».**

Вопрос. Об обеспечении адекватной защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, на тайну переписки, телефонных пе-

переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, на неприкосновенность жилища, в том числе превентивной защиты этих прав.

Из мотивировочной части:

«...Право на свободу информации, равно как и закреплённое статьёй 34 (часть 1) Конституции Российской Федерации право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещённой законом экономической деятельности не должны, как того требует её статья 17 (часть 3), осуществляться с нарушением прав и свобод других лиц. Между тем эти права — если ими затрагиваются права личности, гарантированные статьями 23, 24 (часть 1) и 25 Конституции Российской Федерации, — осуществляются как ограничивающие указанные права личности, которые находятся под особой, повышенной защитой Конституции Российской Федерации и ограничение которых требует наличия предусмотренных федеральным законом оснований и (или) допускается только по судебному решению, вынесенному в соответствии с таким федеральным законом.

Это означает, что право на свободу информации и право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещённой законом экономической деятельности могут быть ограничены федеральным законом в соответствии с критериями, которые предопределяются требованиями статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации на основе принципа юридического равенства (статья 19, части 1 и 2 Конституции Российской Федерации) и вытекающего из него принципа соразмерности, то есть в той мере, в какой это необходимо в Российской Федерации как демократическом и правовом государстве в целях защиты прав, гарантированных статьями 23, 24 (часть 1) и 25 Конституции Российской Федерации.

По смыслу приведённых статей Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи правовое регулирование в этой сфере, осуществляемое федеральным законодателем в соответствии со статьями 71 (пункты «в», «м», «о») и 72 (пункт «б» части 1) Конституции Российской Федерации, призвано обеспечивать адекватную защиту прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, на неприкосновенность жилища, в том числе их превентивную защиту посредством определения законных оснований производства, сбыта и приобретения специальных технических средств, предназначенных именно для негласного получения информации, поскольку в таких случаях — с учётом природы и особенностей указанных конституционных прав — одного лишь последующего контроля недостаточно. Вводя запрет незаконного производства, сбыта или приобретения специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, федеральный законодатель правомочен — в целях защиты прав, гарантированных статьями 23, 24 (часть 1) и 25 Конституции Российской Федерации, и обеспечения общественной безопасности — установить и соответствующие меры юридической ответственности, в том числе уголовно-правовые санкции».

Положения части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 21 ЯНВАРЯ 2010 Г. № 1-П ПО ДЕЛУ
«О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ
ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 170, ПУНКТА 1 СТАТЬИ 311 И ЧАСТИ 1
СТАТЬИ 312 АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ЗАКРЫТОГО
АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ «БЕРЕГ», ОТКРЫТЫХ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ
«КАРБОЛИТ», «ЗАВОД «МИКРОПРОВОД»
И «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ
«РЕСПИРАТОР».**

Вопрос. О возможности толкования норм права Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации.

Из мотивировочной части:

«...Толкование положений статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, данное в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2008 года № 14, корреспондирует приведённым правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации относительно юридической силы его постановлений и определений, в которых выявляется конституционно-правовой смысл тех или иных нормативных положений. *Соответственно, и для арбитражных судов не исключается возможность пересмотра, в том числе по вновь открывшимся обстоятельствам, судебных актов, основанных на норме, которой ранее в ходе применения в конкретном деле было придано истолкование, расходящееся с её правовым смыслом, выявленным впоследствии Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации.* Как вытекает из Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2008 года № 14, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации также допускает в таких случаях пересмотр вступившего в законную силу судебного акта арбитражного суда (притом, как следует из правоприменительной практики арбитражных судов, независимо от его реального исполнения) по вновь открывшимся обстоятельствам.

Осуществление Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации этого правомочия объективно не может не основываться на вырабатываемых им правовых позициях, содержащих толкование разъясняемых положений законодательства. Отрицание права Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации давать на основе обобщения судебной практики абстрактное толкование применяемых арбитражными судами норм права и формировать соответствующие правовые позиции означало бы умаление его конституционных функций и предназначения как высшего суда в системе арбитражных судов, — притом что он не вправе выходить за пределы своих полномочий, определяемых Конституцией Российской Федерации и федеральными конституционными законами, и вторгаться в компетенцию других органов государственной, в том числе судебной власти.

В частности, как следует из правовой позиции, выраженной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 года № 19-П,

разъяснения, даваемые Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации по вопросам судебной практики, не могут рассматриваться в качестве официального акта, выявляющего конституционно-правовой смысл закона, то есть, по сути, подтверждающего его конституционность или констатирующего неконституционность. Адекватным средством для разрешения такого вопроса, возникающего в связи с неконституционным истолкованием закона в правоприменительной практике, является — в силу статей 118 и 125 Конституции Российской Федерации — конституционное судопроизводство. Поэтому арбитражный суд любой инстанции, если он при рассмотрении конкретного дела придёт к выводу о неконституционности подлежащего применению закона, в том числе с учётом его толкования Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации, обязан обратиться с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации.

Толкование норм права может осуществляться Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации как в связи с рассмотрением конкретного дела (*ad hoc*), так и — в целях обеспечения единообразного их понимания и применения арбитражными судами — в отношении всех дел со схожими фактическими обстоятельствами на основе обобщённой практики их разрешения. Соответственно, придание толкованию норм права на основе обобщения судебной практики характера правовой позиции, имеющей обратную силу, — в рамках процедуры, введенной Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2008 года № 14, — допустимо только при наличии специального указания на это, которое должно быть выражено Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации формально определённым образом, ясно и недвусмысленно.

5. Согласно Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2008 года № 14 толкование той или иной нормы права, определяющее (изменяющее) практику её применения, данное в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации или в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, может рассматриваться в качестве основания пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам судебного акта, вступившего в законную силу ранее, чем Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации была определена практика по данному вопросу, если лицо, участвующее в деле, по которому принят судебный акт, обратилось с заявлением о его отмене в порядке надзора.

Из этого следует обязанность арбитражных судов исходить из того, что правовые позиции, сформулированные как в порядке абстрактного (по результатам обобщения практики) толкования законодательства Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, так и в связи с рассмотрением конкретного дела Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и рассчитанные на единообразное применение в делах со схожими фактическими обстоятельствами, *действуют с обратной силой, — при наличии, однако, не допускающего произвольное придание истолкованному законоположению обратной силы специального указания Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и при условии, что такое указание не предопределяет решение компетентного арбитражного суда в процедуре возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам.*

Вместе с тем предполагается, что на применение правовой позиции, сформулированной при толковании норм права в постановлении Пленума Высшего

Арбитражного Суда Российской Федерации или в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и определяющей смысл нормативного регулирования, не могут не распространяться общие принципы действия норм права во времени, в пространстве и по кругу лиц, в частности вытекающая из статьи 54 (часть 1) Конституции Российской Федерации недопустимость придания обратной силы нормам, ухудшающим положение лиц, на которых распространяется их действие, в том числе при рассмотрении дел в процедуре главы 37 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Как указано в решении Конституционного Суда Российской Федерации от 1 октября 1993 года № 81-р и неоднократно подтверждено им впоследствии (определения от 25 января 2007 года № 37-О-О, от 15 апреля 2008 года № 262-О-О, от 20 ноября 2008 года № 745-О-О, от 16 июля 2009 года № 691-О-О), *законодатель, исходя из общего принципа действия закона на будущее время и реализуя свое исключительное право на придание закону обратной силы, учитывает специфику регулируемых правом общественных отношений; придание закону обратной силы имеет место преимущественно в интересах индивидов в отношениях, возникающих между ним и государством в публичной сфере (уголовное, налоговое, пенсионное регулирование).*

Соответственно — исходя из конституционного принципа недопустимости придания обратной силы закону, устанавливающему или отягчающему ответственность, и основанных на нём правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации — не может иметь обратную силу постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации или постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, содержащее толкование нормы права, *вследствие которого ухудшается положение лица, привлечённого или привлекаемого к административной ответственности.* Исходя из конституционных принципов равенства и справедливости, а также формальной определённости правовых норм и допустимых пределов придания закону обратной силы положения статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации — в их истолковании Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации — не могут не предполагать *дифференцированный подход к оценке возможности придания обратной силы правовой позиции, содержащейся в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации или в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, — в зависимости от характера спорных правоотношений.* Во всяком случае недопустимо придание обратной силы толкованию правовых норм, ухудшающему положение подчинённой (слабой) стороны в публичном правоотношении, — иное означало бы нарушение общих принципов правового регулирования и правоприменения, вытекающих из статей 19 (части 1 и 2), 46, 54 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации. При этом не исключается возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов на основании правовой позиции, впоследствии сформулированной в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации или в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, если это необходимо для восстановления и защиты таких прав и интересов, которые в силу их конституционно-правового

значения не допускают сохранение судебного акта в силе, в том числе если в результате нового толкования улучшается положение лиц, привлекаемых к налоговой, административной или иной публично-правовой ответственности, а также в исключительных случаях по делам, вытекающим из гражданских правоотношений, если этого требуют — по своему существу публичные — интересы защиты неопределённого круга лиц или заведомо более слабой стороны в правоотношении».

Положения абзаца второго пункта 3 и пункта 4 статьи 44 Федерального закона «Об акционерных обществах»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 28 ЯНВАРЯ 2010 Г. № 2-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ АБЗАЦА ВТОРОГО ПУНКТА 3 И ПУНКТА 4 СТАТЬИ 44 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВАХ» В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ОТКРЫТЫХ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ «ГАЗПРОМ», «ГАЗПРОМ НЕФТЬ», «ОРЕНБУРГНЕФТЬ» И АКЦИОНЕРНОГО КОММЕРЧЕСКОГО СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ОАО)».

Вопрос. О договорных отношениях между акционерным обществом и регистратором по поводу возложения на последнего исполнения обязательства по ведению и хранению реестра акционеров.

Из мотивировочной части:

«...Для акционерного общества как коммерческой организации, которая преследует в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли и собственный капитал которой изначально основан на привлечении средств инвесторов-акционеров, деятельность по ведению реестра акционеров общества, каковой признаётся сбор, фиксация, обработка, хранение и предоставление данных, составляющих систему ведения реестра, обеспечивающую в том числе учёт прав акционеров в отношении акций, зарегистрированных на их имя (статья 8 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»), неразрывна с самим фактом существования акционерного общества и — независимо от того, является держателем реестра акционеров само акционерное общество (эмитент) или профессиональный участник рынка ценных бумаг (регистратор), — не может считаться видом деятельности, не связанным с предпринимательством, то есть с самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельностью, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг (пункт 1 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Соответственно, на таких лиц распространяется положение пункта 3 статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которому лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несёт ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. Названное положение Гражданского кодекса Российской Федерации, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, *не может рассматриваться как*

нарушающее конституционные права лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, поскольку федеральный законодатель — в целях достижения баланса конституционно защищаемых ценностей и целей — был вправе в соответствии со статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации установить ограничение прав и свобод одних лиц в интересах других (Определение от 17 октября 2006 года № 413-О).

..Данное регулирование (при том что статья 10 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» не допускает совмещения деятельности по ведению реестра с другими видами профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг) *имеет целью усиление защиты прав и законных интересов владельцев акций, в частности миноритарных акционеров, направлено на устранение возможного конфликта интересов акционеров и эмитента, являющегося должником по учитываемым в этом реестре требованиям, и тем самым выступает гарантией достижения таких публичных целей, как привлечение частных инвестиций в экономику и обеспечение стабильности общественных отношений в сфере гражданского оборота.*

Таким образом, само по себе положение абзаца второго пункта 3 статьи 44 Федерального закона «Об акционерных обществах» не может расцениваться как несоразмерно ограничивающее право частной собственности и тем самым нарушающее статьи 35 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

3.2. Федеральный законодатель не навязывает акционерному обществу выбор конкретного регистратора (что в условиях конкуренции на рынке услуг по регистрации акций позволяет — тем более если речь идет о крупных эмитентах, таких как заявители по настоящему делу, — выбрать наиболее надежного, в максимальной степени способного обеспечить сохранность акций) и не ограничивает его в возможности, руководствуясь принципом свободы договора (статья 421 Гражданского кодекса Российской Федерации), предусмотреть в договоре с регистратором любые не противоречащие закону способы защиты своих интересов и интересов своих акционеров, в том числе необходимые с его точки зрения меры контроля за деятельностью регистратора; по настоянию акционерного общества в договор может быть включено и положение о добровольном страховании регистратором риска неправомерного списания акций. Кроме того, действующее гражданско-правовое регулирование не препятствует расторжению — в целях обеспечения интересов акционеров — договора с одним регистратором и заключению нового договора с другим профессиональным участником рынка ценных бумаг. Договорные отношения между акционерным обществом и регистратором по поводу возложения на последнего исполнения обязательства по ведению и хранению реестра акционеров в значительной степени затрагивают интересы акционеров, в том числе не обладающих большими пакетами акций. Однако акционеры непосредственно не влияют на выбор (или последующую замену) регистратора, а также на определение условий договора с ним: даже в случае, когда передача ведения и хранения реестра регистратору обязательна в силу пункта 3 статьи 44 Федерального закона «Об акционерных обществах», именно акционерное общество выбирает регистратора и вырабатывает условия договора с ним. Соответственно, *оно обязано проявить достаточную осмотрительность и заботливость, с тем чтобы заключить договор с таким лицом,*

деятельность которого по ведению и хранению реестра позволит обеспечить имущественные интересы акционеров. Поскольку риск утраты акционером — наиболее слабой, по общему правилу, стороной в данных отношениях — прав на принадлежащие ему акции при осуществлении с ними регистрационных действий должен компенсироваться гарантией возмещения ему убытков, причинённых такой утратой, предполагается, что при отсутствии иных гарантийных институтов (например, обязательного страхования ответственности регистратора) возмещение убытков может быть обеспечено через привлечение к ответственности самого акционерного общества — эмитента за неправомерное списание регистратором акций с лицевого счёта акционера.

Вместе с тем возложение ответственности за убытки, причинённые акционеру необоснованным списанием акций с его лицевого счёта, на акционерное общество — в силу вытекающего из статей 17, 19 и 55 Конституции Российской Федерации принципа соблюдения баланса интересов всех лиц, участвующих в правоотношениях, — не могло означать, что с регистратора снимается ответственность за ненадлежащее исполнение обязанности по ведению и хранению реестра. В системе правового регулирования, действовавшего в период вынесения арбитражными судами судебных актов, послуживших поводом для обращения в Конституционный Суд Российской Федерации заявителей по настоящему делу, привлечение эмитента к ответственности за вред, причинённый акционеру неправомерным списанием с его лицевого счёта принадлежавших ему акций, в порядке статьи 403 Гражданского кодекса Российской Федерации не препятствовало акционерному обществу во взыскании выплаченных акционеру сумм убытков в регрессном порядке с регистратора как лица, которому оно поручило ведение и хранение реестра, что подтверждается и судебной практикой рассмотрения подобной категории дел. Не исключалась и возможность привлечения регистратора к участию в деле о взыскании причинённых акционеру убытков в качестве третьего лица на стороне ответчика — эмитента, а связь неблагоприятных для акционера последствий неправомерного списания акций с действиями (бездействием) эмитента, регистратора или самого акционера могла быть исследована в судебном заседании».

Абзац второй пункта 14 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», пункт 4 Постановления Правительства Российской Федерации «О порядке выплаты денежной компенсации за наём (поднаём) жилых помещений военнослужащим — гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы, и членам их семей» и пункт 1 положения о выплате денежной компенсации за наём (поднаём) жилых помещений гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы, и членам их семей

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 3 ФЕВРАЛЯ 2010 Г. № 3-П ПО ДЕЛУ
«О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ АБЗАЦА ВТОРОГО
ПУНКТА 14 СТАТЬИ 15 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О СТАТУСЕ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ», ПУНКТА 4 ПОСТАНОВЛЕНИЯ
ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «О ПОРЯДКЕ**

ВЫПЛАТЫ ДЕНЕЖНОЙ КОМПЕНСАЦИИ ЗА НАЁМ (ПОДНАЁМ) ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИМ – ГРАЖДАНАМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРОХОДЯЩИМ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО КОНТРАКТУ, ГРАЖДАНАМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, УВОЛЕННЫМ С ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ, И ЧЛЕНАМ ИХ СЕМЕЙ» И ПУНКТА 1 ПОЛОЖЕНИЯ О ВЫПЛАТЕ ДЕНЕЖНОЙ КОМПЕНСАЦИИ ЗА НАЁМ (ПОДНАЁМ) ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ ГРАЖДАНАМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, УВОЛЕННЫМ С ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ, И ЧЛЕНАМ ИХ СЕМЕЙ В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНИНА С.В. ГЛУШКОВА».

Вопрос. О временном характере денежной компенсации за наём (поднаём) жилых помещений гражданам, уволенным с военной службы, и об обязанности федерального законодателя соблюдать конституционные принципы равенства и справедливости, поддержания доверия граждан к закону и действиям государства.

Из мотивировочной части:

«...государство берет на себя определённые публично-правовые обязательства по социальной поддержке этой категории граждан, уволенных с военной службы, в частности путём предоставления им за счёт средств федерального бюджета ежемесячной денежной компенсации за наём (поднаём) жилых помещений. *Данная мера социальной поддержки носит исключительно временный характер и имеет своим предназначением возмещение расходов, которые указанные граждане вынуждены нести в связи с необходимостью арендовать жилое помещение в период до фактической реализации ими конституционного права на жилище в установленных законом формах.*

Само по себе право граждан, уволенных с военной службы и не обеспеченных жилыми помещениями, на получение денежной компенсации непосредственно из Конституции Российской Федерации не вытекает, что не освобождает *федерального законодателя, осуществляющего в рамках своих дискреционных полномочий соответствующее правовое регулирование, от обязанности при определении круга лиц, которым данное право предоставляется, соблюдать конституционные принципы равенства и справедливости, поддержания доверия граждан к закону и действиям государства.* При этом он должен исходить из того, что в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации различия в условиях реализации отдельными категориями граждан того или иного права допустимы, если они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им (Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2001 года № 8-П и от 5 апреля 2007 года № 5-П)».

Часть вторая статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 26 ФЕВРАЛЯ 2010 Г. № 4-П ПО ДЕЛУ
«О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ЧАСТИ ВТОРОЙ
СТАТЬИ 392 ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА**

РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН А.А. ДОРОШКА, А.Е. КОТА И Е.Ю. ФЕДОТОВОЙ».

Вопрос. Об исполнении постановлений Европейского Суда по правам человека Российской Федерацией. О юридической силе решений Конституционного Суда Российской Федерации.

Из мотивировочной части:

«...Ратифицировав Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация признала *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях их предполагаемого нарушения Российской Федерацией (статья 1 Федерального закона от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»).

Следовательно, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 5 февраля 2007 года № 2-П, не только Конвенция о защите прав человека и основных свобод, но и решения Европейского Суда по правам человека — в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, даётся толкование содержания закреплённых в Конвенции прав и свобод, включая право на доступ к суду и справедливое правосудие, — являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права.

Исходя из особенностей полномочий Европейского Суда по правам человека, осуществляющего свою деятельность на основе принципа субсидиарности, и специфики рассматриваемых им дел, не всякое его решение, обязывающее государство-ответчика выплатить соответствующую денежную компенсацию, обеспечивает тем самым и полное восстановление нарушенного права, — Европейский Суд по правам человека только констатирует нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод в отношении заявителя, но не вправе принять дальнейшие меры, с тем чтобы устранить его, в частности в тех случаях, когда выявленное нарушение носит длящийся характер либо обусловлено допущенными национальным судом существенными нарушениями норм процессуального права. В таких случаях эффективное восстановление нарушенного права может блокироваться вышедшим в законную силу национальным судебным актом, в связи с вынесением которого заявитель обратился в Европейский Суд по правам человека и который является обязательным на территории соответствующего государства и должен исполняться.

Поскольку национальный судебный акт не подлежит пересмотру в системе международной юрисдикции, принятое государством обязательство исполнять окончательные постановления Европейского Суда по правам человека, в том числе констатирующие такие нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, для устранения которых требуется отмена судебных актов, вынесенных в рамках национальной юрисдикции, обуславливает, таким образом, введение в национальном законодательстве механизма восстановления прав заинтересованных лиц в случае, если эти права не могут быть восстановлены путём присуждения и выплаты одной лишь денежной компенсации.

Юридической силой решения Конституционного Суда Российской Федерации, в котором выявляется конституционно-правовой смысл нормы, обуславливается невозможность применения (а значит — прекращение действия) данной нормы в неконституционном истолковании, то есть утрата ею силы на будущее время в любом ином — расходящемся с выявленным конституционно-правовым — смысле, допускавшемся в прежнем её понимании. Это означает, что, по общему правилу, с момента вступления решения Конституционного Суда Российской Федерации в силу такая норма не должна толковаться каким-либо иным образом и применяться в каком-либо ином смысле. Поэтому решение, которым выявляется конституционно-правовой смысл нормы, имеет юридические последствия, предусмотренные частью второй статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», гарантирующей пересмотр дела заявителя компетентным органом в обычном порядке.

Решение Конституционного Суда Российской Федерации, которым в результате выявления конституционно-правового смысла нормы устраняется её действие в неконституционном истолковании, обладает обратной силой в отношении дел заявителей, обратившихся в Конституционный Суд Российской Федерации, то есть влечет для них те же последствия, что и решение, которым норма признается не соответствующей Конституции Российской Федерации. Дела этих заявителей во всяком случае подлежат пересмотру компетентными органами безотносительно к истечению пресекательных сроков обращения в эти органы и независимо от того, предусмотрены ли соответствующие основания для пересмотра дела в иных, помимо Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», актах.

Отсутствие непосредственно в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации такого основания для пересмотра дела, как выявление Конституционным Судом Российской Федерации конституционно-правового смысла нормы, который ранее в процессе правоприменения ей не придавался, не может служить поводом для отказа в пересмотре судебных постановлений по тем делам, при разрешении которых были допущены нарушения конституционных прав и свобод, выявленные высшей судебной инстанцией, не входящей в систему судов общей юрисдикции или арбитражных судов, а именно Конституционным Судом Российской Федерации в силу его компетенции, вытекающей из статей 46 и 125 Конституции Российской Федерации и Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Иное приводило бы к невозможности исполнения решения Конституционного Суда Российской Федерации и потому лишало бы смысла обращение заявителей в Конституционный Суд Российской Федерации, делая иллюзорным предоставленный гражданам и их объединениям способ защиты своих прав с помощью конституционного правосудия.

Приведённые правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, имеющие общее значение, исходя из определяемых статьями 2, 15 (часть 4), 17, 18, 45 и 46 Конституции Российской Федерации гарантий судебной защиты прав и свобод, применимы и в отношении исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека. Отрицание соответствующих процессуальных возможностей для лиц, по делам которых судами общей юрисдикции были допущены нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, выявленные

Европейским Судом по правам человека и аналогичные нарушениям конституционных прав, означало бы существенное ограничение права на судебную защиту, противоречило бы конституционным принципам равенства, приоритета международных договоров Российской Федерации в ее правовой системе, а также конституционным целям гражданского судопроизводства, исключая, в свою очередь, признание его судебных процедур эффективным средством правовой защиты нарушенных прав».

Положения статьи 117, части 4 статьи 292, статей 295, 296, 299 и части 2 статьи 310 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 17 МАРТА 2010 Г. № 6-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 117, ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 292, СТАТЕЙ 295, 296, 299 И ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 310 АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ЗАКРЫТОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «ДОВОД».

Вопрос. О разумном сроке пересмотра вступившего в законную силу судебного акта в порядке надзора.

Из мотивировочной части:

«Законодательное регулирование права на пересмотр вступившего в законную силу судебного акта в порядке надзора, включая право заинтересованных лиц на восстановление процессуального срока для инициирования такого пересмотра, должно соотноситься с конституционным статусом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, которому принадлежит исключительное полномочие по осуществлению надзорного производства, и с конституционной природой и предназначением надзорного производства как субсидиарной формы судебной защиты прав и свобод, используемой лишь в исключительных случаях, когда в результате фундаментальной ошибки, допущенной в ходе предыдущего разбирательства, существенно нарушены права и законные интересы, которые иначе не могут быть восстановлены. *При этом обязанность по предотвращению злоупотребления правом на судебную защиту со стороны лиц, требующих восстановления пропущенного процессуального срока при отсутствии к тому объективных оснований или по прошествии определенного — разумного по своей продолжительности — периода, лежит как на законодательной власти, так и на власти судебной.*

Таким образом, законодательное регулирование восстановления срока для подачи заявления о пересмотре в порядке надзора вступившего в законную силу судебного акта должно обеспечивать надлежащий баланс между вытекающим из Конституции Российской Федерации принципом правовой определенности и правом на справедливое судебное разбирательство, предполагающим вынесение законного и обоснованного судебного решения, с тем чтобы восстановление пропущенного срока и, как следствие, возбуждение надзорного производства по делу могли иметь место лишь в течение ограниченного разумными пределами периода и при наличии существенных объективных обстоятельств, не позволивших заин-

тересованному лицу, добивающемуся его восстановления, защитить свои права ни в ординарной судебной инстанции, ни в рамках общего срока для надзорного обжалования».

Часть вторая статьи 397 Гражданского процессуального кодекса

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 19 МАРТА 2010 Г. № 7-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ЧАСТИ ВТОРОЙ СТАТЬИ 397 ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН И.В. АМОСОВОЙ, Т.Т. ВАСИЛЬЕВОЙ, К.Н. ЖЕСТКОВОЙ И ДРУГИХ».

Вопрос. О пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам. О принципе юридического равенства применительно к реализации конституционного права на судебную защиту.

Из мотивировочной части:

«Поскольку вторжение в сферу действия принципа стабильности судебного решения, вступившего в законную силу, может повлечь существенное изменение правового положения сторон, уже определённого таким решением, в том числе в сторону его ухудшения, закрепление в законе экстраординарных, чрезвычайных по своему характеру способов обжалования вступивших в законную силу судебных постановлений *требует установления специальной процедуры открытия соответствующего производства, ограниченного перечня оснований для отмены таких судебных постановлений, которые не могут совпадать с основаниями для отмены судебных постановлений в ординарном порядке, а также закрепления особых процессуальных гарантий для защиты как частных, так и публичных интересов от их необоснованной отмены.*

Такой подход корреспондирует, в частности, пониманию Европейским Судом по правам человека права на справедливое судебное разбирательство, которое толкуется им в свете преамбулы к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, провозглашающей верховенство права частью общего наследия договаривающихся государств. По мнению Европейского Суда по правам человека, одним из основополагающих аспектов верховенства права является принцип правовой определённости, который среди прочего требует, чтобы в случаях вынесения судами окончательного решения по делу это решение не ставилось бы под сомнение (постановления от 28 октября 1999 года по делу «Брумэреску (Brumărescu) против Румынии», от 18 ноября 2004 года по делу «Праведная против России», от 18 января 2007 года по делу «Булгакова против России», от 24 мая 2007 года по делу «Радчиков против России»).

Введение федеральным законодателем пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам в качестве способа их проверки направлено на предоставление дополнительных процессуальных гарантий лицам, участвующим в деле, *что не устраняет необходимости распространения на данную процедуру общего правила о соблюдении баланса конституционно значимых ценностей.* С учётом особых последствий, которые порождает в таких случаях для лиц, участвующих в деле, отмена вступившего в законную силу судебного постановления, *в процессуальном законодательстве должны предусматриваться*

средства защиты от необоснованной отмены судебных постановлений в данной процедуре и возможность исправления судебной ошибки, допущенной при её применении.

Соответственно, непринятие своевременных мер к выявлению и устранению нарушений прав и свобод, особенно в тех случаях, когда в дальнейшем их восстановление оказывается невозможным, должно расцениваться как невыполнение государством и его органами своей конституционной обязанности обеспечивать соблюдение прав и свобод человека и гражданина. В системной связи со статьёй 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, обязывающей государства создавать эффективные средства правовой защиты от возможных нарушений Конвенции, *это означает необходимость создания в российской правовой системе (в законодательстве и правоприменительной практике) надлежащих правовых механизмов, которые в возможно короткой и простой процедуре устраняли бы риск неправомерной или даже произвольной отмены вступивших в законную силу судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам и тем самым обеспечивали бы максимально быстрое и полное восстановление нарушенных прав граждан.*

...Определение об удовлетворении заявления о пересмотре судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам, приводящее к отмене вступившего в законную силу судебного постановления и тем самым — к отступлению от принципа правовой определённости как неотъемлемого элемента права на суд по смыслу статьи 46 Конституции Российской Федерации и статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, порождает последствия, выходящие за рамки гражданских процессуальных правоотношений; такое определение, в результате принятия которого полностью меняется итог судебного разбирательства (отменяется вынесенное и вступившее в законную силу судебное постановление, возможен также поворот исполнения уже исполненного судебного постановления), — исходя из целей обеспечения фундаментальных процессуальных гарантий участникам гражданского судопроизводства — *не должно рассматриваться как промежуточное судебное постановление, обжалование которого может быть перенесено на стадию после рассмотрения дела по существу и вынесения нового решения.*

Удовлетворение заявления о пересмотре судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам и, соответственно, отмена данного судебного постановления не определяют итоговое решение суда по делу, которое в таких случаях, как требует часть третья статьи 397 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, рассматривается по правилам, установленным данным Кодексом (проводится новое судебное разбирательство, заново исследуются доказательства, стороны вправе представить новые доказательства, в процесс могут быть привлечены новые участники).

Между тем с момента вступления судебного постановления в законную силу и до его отмены проходит, как правило, значительный промежуток времени, в связи с чем лицо, в пользу которого ранее было вынесено решение, далеко не всегда имеет возможность эффективно защищать свои права, а потому *особую важность для него приобретает возможность кассационной (апелляционной) проверки выводов суда относительно наличия вновь открывшихся обстоятельств. Отсутствие такой возможности изначально ставит указанных лиц в заведомо*

неблагоприятное положение по отношению к их процессуальным соперникам, что недопустимо в силу статьи 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, из принципа юридического равенства применительно к реализации конституционного права на судебную защиту вытекает требование, в силу которого однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться одинаковым образом; соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие ограничения в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях); любая дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, должна отвечать требованиям Конституции Российской Федерации, в соответствии с которыми такие различия допустимы, если они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а для достижения этих целей используются соразмерные правовые средства (постановления от 24 мая 2001 года № 8-П, от 3 июня 2004 года № 11-П, от 15 июня 2006 года № 6-П, от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 25 марта 2008 года № 6-П и от 26 февраля 2010 года № 4-П).

По смыслу статьи 118 (часть 2) Конституции Российской Федерации, согласно которой судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства, во взаимосвязи с её статьями 126 и 127, гражданское судопроизводство, посредством которого осуществляют судебную власть суды общей юрисдикции и арбитражные суды, в своих принципах и основных чертах должно быть сходным для этих судов».

Часть первая статьи 7 Федерального закона «О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации» в редакции Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии коррупции».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 20 АПРЕЛЯ 2010 Г. № 9-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 7 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ГАРАНТИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СУДЕЙ И РАБОТНИКОВ АППАРАТОВ СУДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» В РЕДАКЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ» В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН А. А. АНОХИНА И П.И. ЗЕЛИНСКОГО И ЗАПРОСАМИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО РАЙОННОГО СУДА ГОРОДА НОВОСИБИРСКА И КИРОВСКОГО РАЙОННОГО СУДА ГОРОДА РОСТОВА-НА-ДОНУ».

Вопрос. О конституционном статусе судей в Российской Федерации.

Из мотивировочной части:

«Конституционный статус судьи является не личной привилегией, а средством, призванным обеспечивать каждому действительную защиту его прав и свобод правосудием; будучи одной из гарантий надлежащего осуществления правосудия, конституционный статус судьи включает и предоставление ему в будущем особого статуса судьи в отставке, что дает основания для предъявления к судьям высоких требований и позволяет сохранять доверие к их компетентности, независимости и беспристрастности. Характер и уровень правовой защиты статуса судьи (судьи, пребывающего в отставке) определяются не только объёмом предоставляемых прав, но и местом актов, которыми осуществляется соответствующее правовое регулирование, в системе правовых актов: закрепление гарантий статуса судей именно в Конституции Российской Федерации, Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» и находящихся с ними во взаимосвязи базовых нормах Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» направлено на недопущение ограничения этих гарантий и снижения их уровня в ходе конкретизации и развития законодательства. Такой подход корреспондирует рекомендациям Европейской хартии о статусе судей от 10 июля 1998 года, согласно пункту 1.2 которой основные принципы статуса судей должны излагаться во внутригосударственных нормах высшего уровня, с тем чтобы ими определялось всё содержание законодательства в данной области. *Статус судьи служит гарантией общего конституционного статуса личности и в качестве таковой подлежит конституционно-правовой защите, уровень которой не должен снижаться по отношению к уже достигнутому.* Данный вывод вытекает в том числе из требований статей 1 (часть 1), 2, 6 (часть 2), 18 и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации о недопустимости отмены или умаления провозглашённых ею прав и свобод и о соблюдении принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм. Сохранение разумной стабильности означает помимо прочего обязанность законодателя учитывать при изменении условий приобретения права на получение социальных благ, в частности материального обеспечения, сформировавшиеся на основе ранее действовавшего правового регулирования законные ожидания, связанные с выполнением (полностью либо частично) условий приобретения данного права. При этом конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закреплённых непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона, выступает также гарантированный статьёй 19 Конституции Российской Федерации принцип равенства, который носит универсальный характер и оказывает регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений и соблюдение которого означает помимо прочего и запрет вводить не имеющие объективного и разумного оправдания различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях).

Вместе с тем, вводя в действие новые правовые нормы и признавая утрачившими силу прежние, федеральный законодатель — в силу статей 1, 2, 17 (часть 1),

18, 19, 54 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации — обязан соблюдать принципы справедливости, равенства и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства и не вправе придавать обратную силу новому регулированию, если оно ухудшает правовое положение личности, ограничивает её субъективные права, уже существующие в конкретных правоотношениях.

Соблюдение указанных принципов применительно к регламентации порядка исчисления стажа работы в качестве судьи, напрямую связанного с таким существенным элементом статуса судьи (судьи, пребывающего в отставке) и условием его профессиональной деятельности, как гарантии материального и социального обеспечения, *означает недопустимость распространения новых правил на периоды, которые в соответствии с правовым регулированием, действовавшим на момент назначения лица на судебскую должность, подлежали зачёту в стаж работы в качестве судьи, если эти правила неблагоприятным образом отражаются на его правовом положении.*

Из взаимосвязанных положений статей 4 и 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 274-ФЗ и статьи 7 Федерального закона «О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации» следует, что в стаж работы в качестве судьи, дающий право на получение всех видов выплат и льгот, помимо периода осуществления непосредственно судебской деятельности включается время работы на требующих высшего юридического образования должностях, указанных в пункте 5 статьи 4 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», только в том случае, если эта работа имела место в судах и органах юстиции; при этом новые правила исчисления стажа работы в качестве судьи распространяются не только на судей, назначенных (избранных) на должность после введения в действие нового правового регулирования, но и на тех, кто начал свою профессиональную деятельность в должности судьи в период действия законодательства, предусматривавшего зачёт в стаж работы в качестве судьи времени предшествовавшей работы прокурором, следователем, адвокатом, и кто правомерно рассчитывал на получение соответствующим образом исчисленного ежемесячного пожизненного содержания, выходного пособия или надбавки к заработной плате.

Между тем приобретение стажа работы в качестве судьи и формирование тем самым права на получение ежемесячного пожизненного содержания в полном размере, а также других материальных и социальных гарантий происходит в течение длительного времени. Следовательно, в случае изменения условий предоставления данных гарантий, а именно при исключении из стажа работы в качестве судьи периодов той или иной профессиональной деятельности по юридической профессии, предшествовавших назначению на судебскую должность, федеральный законодатель — исходя из необходимости соблюдения принципа правовой определённости и предсказуемости законодательной политики в указанной сфере — должен был обеспечить возможность исчисления такого стажа на основе правового регулирования, действовавшего в период его приобретения.

Установление же менее благоприятных условий предоставления гарантий материального и социального обеспечения судьям, назначенным (избранным)

на должность ранее введения в действие нового правового регулирования, по сравнению с теми условиями, которые были законодательно определены при назначении их на должность, по своему значению в системе правового регулирования практически означает снижение уровня самих гарантий, что по смыслу статей 55 (части 2 и 3) и 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации и в силу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации не может быть признано допустимым».

Часть первая статьи 320, часть вторая статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 21 АПРЕЛЯ 2010 Г. № 10-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 320, ЧАСТИ ВТОРОЙ СТАТЬИ 327 И СТАТЬИ 328 ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАНКИ Е.В. АЛЕЙНИКОВОЙ И ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «ТРИ К» И ЗАПРОСАМИ НОРИЛЬСКОГО ГОРОДСКОГО СУДА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЙОННОГО СУДА ГОРОДА ЧИТЫ».

Вопрос. О праве лиц, не привлечённых к участию в деле на предоставление равного уровня процессуальных гарантий при обжаловании судебного решения.

Из мотивировочной части:

«Конституционное право на судебную защиту, как следует из названных положений Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с другими её положениями, закрепляющими право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьёй, к подсудности которых оно отнесено законом (статья 47, часть 1), и принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (статья 123, часть 3), — это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты путём восстановления нарушенных прав и свобод, которая должна быть обеспечена государством. Иное не согласуется с универсальным во всех видах судопроизводства требованием эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости, умаляет и ограничивает право на судебную защиту, в рамках осуществления которого возможно обжалование в суд решений и действий (бездействия) любых государственных органов, включая судебные.

Кроме того, устанавливая систему судебных инстанций, последовательность и процедуры обжалования, основания для отмены или изменения судебных постановлений вышестоящими судами, полномочия судов вышестоящих инстанций, *федеральный законодатель во всяком случае должен учитывать значимость той или иной категории дел, а также роль и место соответствующего суда в судебной системе Российской Федерации* (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2008 года № 1-П).

В целях обеспечения определённости в вопросе о подсудности дел и о полномочиях того или иного суда рассматривать конкретные дела, с тем чтобы не допустить произвольного истолкования соответствующих норм и, следовательно-

но, произвольного их применения в судебной практике, *законом должны быть закреплены критерии, которые в нормативной форме (в виде общего правила) предопределяли бы, в каком суде подлежит рассмотрению то или иное дело, что позволило бы суду (судье), сторонам и другим участникам процесса избежать неопределённости в этом вопросе, которую в противном случае приходилось бы устранять посредством правоприменительного решения и тем самым устанавливать подсудность дела не на основании закона* (Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 1998 года № 9-П и от 6 апреля 2006 года № 3-П).

Близость правовой природы, предназначения и функций апелляционного и кассационного производства в гражданском процессе (проверка законности и обоснованности не вступивших в законную силу судебных постановлений, вынесенных судом первой инстанции) в том виде, как это предусмотрено действующим законодательством, *обуславливает и необходимость предоставления равного уровня процессуальных гарантий лицам, не привлечённым к участию в деле, чьи права нарушены судебным постановлением, вне зависимости от того, вынесено оно мировым судьёй или иным судом общей юрисдикции, действующим в качестве суда первой инстанции.*

Следовательно, лица, не участвовавшие в рассмотрении дела мировым судьёй и полагающие, что вынесенным судебным постановлением затронуты их права и обязанности, *вправе обжаловать данное судебное постановление в апелляционном порядке, — в противном случае нарушалось бы их право на судебную защиту, гарантированное статьёй 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации.*

Поскольку реализация права лиц, не привлечённых к участию в деле, о правах и об обязанностях которых принято судебное постановление, подать жалобу в суд второй инстанции на постановление суда первой инстанции, вынесенное по делу, к участию в котором они не были привлечены, напрямую зависит от предусмотренных Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации полномочий соответствующего суда второй инстанции при рассмотрении апелляционной или кассационной жалобы, предоставление различного уровня процессуальных гарантий таким лицам в апелляционном и кассационном производстве *не может быть оправдано конституционно значимыми целями или обусловлено характером дел, рассматриваемых мировыми судьями, и несовместимо с конституционным принципом равенства всех перед законом и судом, закреплённым статьёй 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации.*

Соответственно, в силу требований статей 18, 19 (часть 1), 46 (часть 1), 47 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных им в Постановлении от 20 февраля 2006 года № 1-П, суд второй инстанции — как кассационной, так и апелляционной — *не вправе отказать лицам, не привлечённым к участию в деле, вопрос о правах и об обязанностях которых был разрешён судом первой инстанции, в проверке наличия данного основания для отмены вынесенного судом первой инстанции решения.*

Между тем в результате того, что соответствующие изменения, вытекающие из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2006 года № 1-П, в законодательное регулирование производства в суде второй

инстанции до сих пор не внесены, в правоприменительной практике положениям статьи 320 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации придается смысл, расходящийся с выявленным Конституционным Судом Российской Федерации конституционно-правовым смыслом аналогичных законоположений, регулирующих кассационное производство, что, по существу, означает неправомерное преодоление юридической силы решения Конституционного Суда Российской Федерации, которое имеет общеобязательный характер.

Указанные различия в объеме прав судов апелляционной и кассационной инстанций — с учётом общей правовой природы и предназначения производства в суде второй инстанции — *не должны существенным образом отражаться на объёме процессуальных гарантий, предоставляемых в апелляционном и кассационном производстве лицам, в отношении которых судом первой инстанции без привлечения их к участию в деле был разрешён вопрос об их правах и обязанностях, а также участникам процесса, не извещённым о времени и месте судебного заседания.*

Между тем в действующем правовом регулировании это требование не соблюдается: если дело рассматривалось по первой инстанции мировым судьёй, а в дальнейшем — судом апелляционной инстанции, который, отменяя решение мирового судьи, не уполномочен — в отличие от суда кассационной инстанции — направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, а обязан сам принять новое решение, это решение может быть обжаловано заинтересованными лицами только в порядке надзора, то есть лица, участвующие в деле и не извещённые о времени и месте судебного заседания, и лица, не привлечённые к участию в деле, о правах и об обязанностях которых принято судебное постановление, лишаются права на рассмотрение дела с их участием по существу судом первой инстанции в соответствии с правилами подсудности, установленными законом, что сокращает для них на одну судебную инстанцию возможность обжалования вынесенного по делу судебного постановления, а именно в суд второй инстанции; если же по первой инстанции дело рассматривалось любым другим судом общей юрисдикции, такие лица после направления дела судом кассационной инстанции на новое рассмотрение в суд первой инстанции сохраняют возможность обжалования вынесенного решения в ординарных судебных процедурах, предназначенных для проверки не вступивших в законную силу судебных постановлений.

Таким образом, поскольку для лиц, вопрос о правах и об обязанностях которых разрешён мировым судьёй без привлечения их к участию в деле, и лиц, участвующих в деле и не извещённых о времени и месте судебного заседания, суд апелляционной инстанции, отменивший решение мирового судьи, не является судом первой инстанции и, соответственно, вынесенное им по правилам производства в суде первой инстанции судебное постановление не подлежит обжалованию в кассационном порядке, вступает в законную силу со дня принятия и может быть обжаловано лишь в надзорном порядке, такие лица объективно ограничиваются в праве на пересмотр нового решения, вынесенного апелляционным судом после отмены решения мирового судьи, а также в иных предоставляемых соответствующим участникам процесса при рассмотрении дела в суде первой инстанции правах, реализация которых обеспечивается принципами равноправия и состязательности сторон.

При регулировании института пересмотра ошибочных судебных постановлений в апелляционном порядке федеральный законодатель основывается на необходимости повышения эффективности гражданского судопроизводства путем недопущения неоправданного использования временных, финансовых и кадровых ресурсов для нового рассмотрения дела, с тем чтобы достичь наибольших результатов с наименьшими усилиями, причём соблюдение этих требований выступает лишь средством обеспечения справедливости судебного решения и не может быть самоцелью.

Между тем статья 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации ограничивает лиц, объективно не имевших возможности принять участие в разбирательстве дела судом первой инстанции, в реализации гарантированных им Конституцией Российской Федерации права на судебную защиту и права на законный суд на основе принципа равенства перед законом и судом — в нарушение конституционных критериев возможных его ограничений, допускаемых в конституционно значимых целях. Следовательно, она ставит таких участников апелляционного судопроизводства, как лица, участвующие в деле, но не извещённые мировым судьёй о времени и месте судебного заседания, и лица, вопрос о правах и об обязанностях которых был разрешён мировым судьёй без привлечения их к участию в деле, в неравноправное с другими участниками судопроизводства положение и затрагивает само существо конституционного права на судебную защиту, равно как и права на законный суд».

Абзац десятый статьи 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации»

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 25 МАЯ 2010 Г. № 11-П ПО ДЕЛУ
«О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ АБЗАЦА ДЕСЯТОГО
СТАТЬИ 2 ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «О ЗАНЯТОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ
ГРАЖДАНИНА Н.И. ГУЩИНА».**

Вопрос. О регулировании федеральным законодателем отношений в сфере занятости населения.

Из мотивировочной части:

«Формируя правовой статус лица, работающего по трудовому договору, федеральный законодатель основывается на признании того, что труд такого лица организуется, применяется и управляется в интересах работодателя, который обязан обеспечить право работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы не ниже установленного федеральным законом минимума оплаты труда (абзац седьмой статьи 2 Трудового кодекса Российской Федерации). В силу данных обстоятельств работник представляет в трудовом правоотношении экономически более слабую сторону, что предопределяет обязанность Российской Федерации как социального государства обеспечивать надлежащую защиту его прав и законных интересов (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 марта 2005 года № 3-П). В условиях рыночной экономики, предполагающей возможность появления в конкретные периоды избытка рабочей силы и возникновение, как следствие

этого, такого социально-экономического явления, как безработица, указанная обязанность включает в себя и установление гарантий социальной защиты и поддержки работников, в том числе при наступлении безработицы (статья 7 Конституции Российской Федерации, статья 28 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации»).

Полномочия по разработке и введению в действие гарантий социальной защиты от безработицы относятся к компетенции федерального законодателя, *который при их реализации располагает достаточно широкой дискрецией в выборе моделей, механизмов, условий предоставления этих гарантий и критериев определения круга обеспечиваемых ими лиц.*

Реализация данных полномочий осуществляется федеральным законодателем посредством специального правового регулирования, которое имеет в настоящее время в качестве законодательной базы Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации», устанавливающий, как указано в его преамбуле, правовые, экономические и организационные основы государственной политики содействия занятости населения и предусматривающий конкретные гарантии государства по реализации конституционных прав граждан Российской Федерации на труд и социальную защиту от безработицы.

Однако право на социальную поддержку, включающую выплату пособия по безработице, предоставлено названным Законом только гражданам, которые признаны безработными и не относятся к категории занятых (статья 2, пункт 1 статьи 3, абзац второй пункта 2 статьи 12).

Тем самым предоставление государством такой гарантии социальной защиты, как выплата пособия по безработице, связано в настоящее время с приобретением гражданином, не относящимся к категории занятых, статуса безработного.

Поскольку Конституция Российской Федерации непосредственно не предусматривает конкретные гарантии социальной защиты лиц, утративших работу и заработок (трудовой доход), условия и порядок их предоставления, *поскольку федеральный законодатель, действуя в рамках своих дискреционных полномочий при осуществлении специального правового регулирования отношений в сфере занятости населения, определил, что граждане, относящиеся к категории занятых, не имеют права на получение указанных гарантий. В свою очередь, занятость была определена как деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству Российской Федерации и приносящая, как правило, им заработок, трудовой доход (пункт 1 статьи 1 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации»).* При этом федеральный законодатель включил в число занятых граждан как лиц, работающих по трудовому договору, так и лиц, ведущих самостоятельную экономическую деятельность в качестве участников хозяйственного общества (абзацы второй и десятой статьи 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации»).

Действуя таким образом, федеральный законодатель не вышел за пределы своих дискреционных полномочий и, следовательно, не вступил в противоречие с предписаниями Конституции Российской Федерации.

4. Следовательно, федеральный законодатель вправе при регулировании отношений в сфере занятости населения руководствоваться для отнесения гражд-

дан к категории занятых таким критерием, как наличие у них статуса участника хозяйственного общества, и не учитывать факт получения ими дохода в виде части прибыли от деятельности этой организации, а также размер их фактического дохода при решении вопроса о возможности признания безработными и выплаты пособия по безработице.

Иное правовое регулирование, допускающее признание участников общества с ограниченной ответственностью безработными и, как следствие, наделение их правом получения пособия по безработице, приводило бы к предоставлению таким гражданам неоправданных материальных преимуществ по сравнению с участниками других хозяйственных обществ, имеющими достаточный для их достойного существования доход, а также с лицами, потерявшими оплачиваемую работу и не имеющими дополнительного источника средств к существованию».

Части 2, 3 и 5 статьи 16 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации», части 1 и 2 статьи 36 Жилищного кодекса Российской Федерации, пункт 3 статьи 3 и пункт 5 статьи 36 Земельного кодекса Российской Федерации

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 28 МАЯ 2010 Г. № 12-П ПО ДЕЛУ
«О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ЧАСТЕЙ 2, 3 И 5
СТАТЬИ 16 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВВЕДЕНИИ В ДЕЙСТВИЕ
ЖИЛИЩНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ», ЧАСТЕЙ 1
И 2 СТАТЬИ 36 ЖИЛИЩНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ, ПУНКТА 3 СТАТЬИ 3 И ПУНКТА 5 СТАТЬИ 36
ЗЕМЕЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ
С ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН Е.Ю. ДУГЕНЕЦ, В.П. МИНИНА
И Е.А. ПЛЕХАНОВА».**

Вопрос. О праве собственников помещений в многоквартирном доме на перевод земельного участка под ним в общую долевую собственность как элемента общего имущества.

Из мотивировочной части:

«...Реализовав в Жилищном кодексе Российской Федерации и Федеральном законе «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» предписания статьи 36 Конституции Российской Федерации с учётом правовой природы общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме, федеральный законодатель включил правовое регулирование отношений по поводу перехода в общую долевую собственность собственников помещений в многоквартирном доме земельного участка под этим домом как *элемента такого общего имущества в сферу именно жилищного законодательства.*

Это означает, что — в отличие от порядка приобретения гражданами и юридическими лицами прав на земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, который установлен Земельным кодексом Российской Федерации, — для бесплатного перехода земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом и иные входящие в состав такого дома объекты недвижимого имущества, в общую долевую собственность собственни-

ков помещений в таком доме необходимо и достаточно осуществления органами государственной власти или органами местного самоуправления формирования данного земельного участка в соответствии с требованиями земельного законодательства и законодательства о градостроительной деятельности и проведения его государственного кадастрового учёта, при том что ни специального решения органов публичной власти о предоставлении земельного участка, ни государственной регистрации права общей долевой собственности на данный земельный участок в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним не требуется.

В существующей застройке поселений переход к собственникам помещений в многоквартирном доме права собственности на земельный участок, на котором он расположен, — учитывая, что такой земельный участок, как и другое общее имущество в многоквартирном доме, не имеет самостоятельной потребительской ценности и иного назначения, кроме обслуживания жилых и нежилых помещений в этом доме, — *не может расцениваться как ущемление прав соответствующего публичного образования, которое фактически не имеет возможности использовать земельный участок под многоквартирным домом иначе, как путём распоряжения правом на него (например, с помощью заключения договоров аренды).*

Между тем — исходя из публично-правовой природы деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, обусловленной публичным характером материально-финансовых основ государственных и муниципальных образований (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 октября 2009 года № 1312-О-О), — формирование бюджета муниципального образования должно производиться в первую очередь путём использования механизмов публичного (в том числе налогового) законодательства.

В силу части 3 статьи 16 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» собственники помещений в многоквартирном доме, земельный участок под которым не сформирован и в отношении которого не проведён государственный кадастровый учёт, не могут без проведения общего собрания собственников потребовать формирования земельного участка и тем самым — реализации права, вытекающего из части 1 статьи 36 Жилищного кодекса Российской Федерации, хотя они фактически осуществляют владение и пользование несформированным земельным участком наравне с собственниками помещений в многоквартирном доме, земельный участок под которым сформирован.

Поэтому их обращение с заявлением о формировании земельного участка имеет целью исключительно юридическое оформление уже существующих отношений. Кроме того, поскольку формирование земельных участков, на которых расположены многоквартирные дома, относится к области публичных правоотношений, органы государственной власти или органы местного самоуправления, на которые возложена эта обязанность, не вправе произвольно отказаться от её выполнения, если для формирования земельного участка имеются все предусмотренные законом основания».

Пункт 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 8 ИЮНЯ 2010 Г. № 13-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 292 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНКИ В.В. ЧАДАЕВОЙ».

Вопрос. О праве собственника на отчуждение жилого помещения, в котором проживает его несовершеннолетний ребёнок при условии предусмотренного государством адекватных правовых механизмов защиты прав несовершеннолетних как наиболее уязвимой стороны в жилищных отношениях.

Из мотивировочной части:

«Инициировать в судебном порядке защиту несовершеннолетнего, жилищные права которого нарушаются, могут родитель или иной законный представитель, прокурор, который в силу статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд, а также (если несовершеннолетний остался без попечения родителей) органы опеки и попечительства (статьи 121 и 122 Семейного кодекса Российской Федерации). Соответственно, должны быть предусмотрены адекватные правовые механизмы защиты прав несовершеннолетних как наиболее уязвимой стороны в жилищных отношениях, в том числе когда предположение о нахождении несовершеннолетнего на родительском попечении не опровергнуто имеющейся у органов опеки и попечительства информацией о том, что он остался без попечения родителей, но тем не менее имеются достаточные основания полагать, что его права или законные интересы нарушаются сделкой по отчуждению жилого помещения, в котором он проживает.

...Пункт 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации не исключает возможность умаления уже сложившихся прав тех несовершеннолетних, которые формально не относятся к находящимся под опекой или попечительством или к оставшимся (по данным органа опеки и попечительства на момент совершения сделки) без родительского попечения, но либо фактически лишены его на момент совершения сделки по отчуждению жилого помещения, либо считаются находящимися на попечении родителей, при том, однако, что такая сделка — вопреки установленным законом обязанностям родителей — нарушает права и охраняемые законом интересы несовершеннолетнего».

Подпункт «а» пункта 1 и подпункт «а» пункта 8 статьи 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 22 ИЮНЯ 2010 Г. № 14-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОДПУНКТА «А» ПУНКТА 1 И ПОДПУНКТА «А» ПУНКТА 8 СТАТЬИ 29 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОСНОВНЫХ ГАРАНТИЯХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ И ПРАВА НА УЧАСТИЕ В РЕФЕРЕНДУМЕ

ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНИНА А.М. МАЛИЦКОГО».

Вопрос. О правовом статусе членов территориальных избирательных комиссий с правом решающего голоса при наличии у них вида на жительство на территории иностранного государства.

Из мотивировочной части:

«Закрепляя правовой статус членов территориальных избирательных комиссий с правом решающего голоса, федеральный законодатель исходит из того, что свои обязанности они исполняют, как правило, не на постоянной (штатной) основе, и не устанавливает каких-либо специальных требований, предъявляемых к лицам, претендующим на членство в избирательной комиссии (образование, достижение определённого возраста, проживание на соответствующей территории и тому подобное), связывая возможность соответствующего назначения с наличием у гражданина Российской Федерации желания, поддержанного любым субъектом, наделённым по закону правом выдвижения кандидатур в состав территориальных избирательных комиссий.

Вместе с тем для обеспечения надлежащего осуществления избирательными комиссиями возложенных на них публично значимых функций *в законе могут быть определены обстоятельства, при которых гражданин Российской Федерации не может исполнять полномочия члена избирательной комиссии с правом решающего голоса, с тем чтобы исключить участие в работе избирательных комиссий лиц, в отношении которых в силу тех или иных причин объективного (личного, служебного, семейного и других) характера есть веские основания для сомнений в возможности независимого, беспристрастного и правомерного исполнения ими полномочий по осуществлению подготовки и проведения выборов и референдумов, обеспечению реализации и защиты избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации.*

Предоставление гражданину Российской Федерации вида на жительство на территории иностранного государства *свидетельствует о признании за ним со стороны этого государства соответствующего правового состояния, которое означает наделение лица статусом постоянного жителя (долгосрочного резидента) и предполагает возможность официального использования документа, подтверждающего указанный статус, для удостоверения личности на территории данного государства.*

Проживание гражданина Российской Федерации за её пределами, в том числе на основании вида на жительство на территории иностранного государства, не прекращает, согласно части третьей статьи 4 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», его гражданства Российской Федерации и, как следствие, не влечет приобретения им иностранного гражданства. Исходя из этого предоставление гражданину Российской Федерации вида на жительство на территории иностранного государства само по себе не может служить достаточным основанием такого ограничения его прав и свобод, вытекающих из российского гражданства, возможность которого допускается по смыслу статьи 62 (часть 2) Конституции Российской Федерации в отношении граждан Российской Федерации в случае наличия у них гражданства иностранного государства».

Положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 13 ИЮЛЯ 2010 Г. № 15-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 188 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 4.5, ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 16.2 И ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 27.11 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН В.В. БАТАЛОВА, Л.Н. ВАЛУЕВОЙ, Э.Я. ГАНИЕВОЙ, О.А. КРАСНОЙ И И.В. ЭПОВА».

Вопрос. О принципе формальной определённости закона. О декларировании товаров, ввозимых на таможенную территорию Российской Федерации (расчёт стоимости товара, предполагающий дискрецию правоприменителя при выборе метода её оценки, не может быть применён для указанных целей при отсутствии прямого нормативного указания на использование строго определённого критерия исчисления стоимости ввозимого товара).

Из мотивировочной части:

«Принцип формальной определённости закона, предполагающий точность и ясность законодательных предписаний, будучи, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, неотъемлемым элементом верховенства права, выступает и в законотворческой деятельности, и в правоприменительной практике необходимой гарантией обеспечения эффективной защиты от произвольных преследования, осуждения и наказания (Постановление от 27 мая 2008 года № 8-П). Необходимость соблюдения принципа правовой определённости подчеркивает и Европейский Суд по правам человека при оценке положений внутригосударственного права с точки зрения общих принципов, содержащихся или вытекающих из Конвенции о защите прав человека и основных свобод. По мнению Европейского Суда по правам человека, закон во всяком случае должен отвечать установленному Конвенцией стандарту, требующему, чтобы законодательные нормы были сформулированы с достаточной чёткостью и позволяли лицу предвидеть, прибегая в случае необходимости к юридической помощи, с какими последствиями могут быть связаны те или иные его действия (Постановления от 26 апреля 1979 года по делу «Санди Таймс» (Sunday Times) против Соединенного Королевства (№ 1)», от 28 марта 2000 года по делу «Барановский (Baranowski) против Польши», от 31 июля 2000 года по делу «Йечюс (Jecius) против Литвы», от 28 октября 2003 года по делу «Ракевич против России», от 24 мая 2007 года по делу «Игнатов против России», от 24 мая 2007 года по делу «Владимир Соловьев против России»)».

«...требование о декларировании физическими лицами ввозимых ими на таможенную территорию Российской Федерации товаров, в том числе для личного использования, обусловлено прежде всего необходимостью обеспечить выполнение обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, которые исчисляются исходя из заявленной таможенной стоимости этих товаров, отражающей затраты декларанта на их приобретение. Соответственно, в системе действующего правового регулирования порядка декларирования товаров, ввози-

мых на таможенную территорию Российской Федерации, и ответственности за его нарушение критерием оценки вреда, причиняемого недекларированием или недостоверным декларированием, — с тем чтобы установить, имело ли место преступление или административное правонарушение, — выступает именно таможенная стоимость ввозимых товаров, рассчитываемая исходя из цены, фактически уплаченной или подлежащей уплате при их приобретении декларантом за пределами Российской Федерации.

При отсутствии прямого нормативного указания, какую именно цену товара, приобретенного для личного пользования, необходимо учитывать при перемещении через таможенную границу Российской Федерации, физические лица ориентируются на его фактическую стоимость в стране приобретения, тогда как для правоприменительных органов не исключается возможность использования рыночной или иной стоимости этого товара в Российской Федерации, которая может не совпадать с закупочной (таможенной) стоимостью товара. Кроме того, при исчислении стоимости однородный товар может оцениваться с применением различных методик, при том, что в разных регионах России рыночная цена одного и того же товара неодинакова. Тем самым приобретатели товара лишаются возможности с достаточной чёткостью предвидеть правовые последствия совершаемых ими действий, что при привлечении их к ответственности приводит к нарушению принципов справедливости и равенства.

Предусмотрев таким образом возможность применения различных методов оценки стоимости ввозимых физическими лицами на таможенную территорию Российской Федерации товаров для личного пользования, в том числе допустив использование рыночных цен на территории Российской Федерации и назначенные соответствующей экспертизой и при наличии документов (чеки, счета, накладные), подтверждающих стоимость этих товаров, *федеральный законодатель не установил чёткого критерия определения их стоимости при решении вопроса о привлечении к уголовной или административной ответственности, а также при исчислении размера административного штрафа, что приводит к неоднозначному толкованию, а значит, и применению положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Следовательно, — при отсутствии прямого нормативного указания на использование строго определённого критерия исчисления стоимости ввозимого товара — расчёт стоимости товара, предполагающий дискрецию правоприменителя при выборе метода её оценки, не может быть применён для указанных целей.*

Поскольку с точки зрения правового регулирования таможенных отношений валюта признается товаром, а при провозе через таможенную границу и собственно наличной валюты, и любых иных товаров их стоимость устанавливается в денежном выражении (эквиваленте), в силу приведённой правовой позиции — при том, что чёткое определение стоимости товара как критерия привлечения к ответственности в законодательстве до сих пор отсутствует — у участников соответствующих правоотношений имеются

все основания полагать, что противоправным, а именно посягающим на установленный порядок перемещения товаров и потому влекущим применение мер государственного принуждения, является сопряжённое с недекларированием или недостоверным декларированием перемещение только той части товаров, стоимость которой превышает сумму, разрешённую к ввозу без декларирования.

...исходя из требований статей 17 (часть 1), 19 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в Постановлении от 27 мая 2008 года № 8-П, *федеральный законодатель — в действующем механизме регулирования административной и уголовной ответственности, наступающей при недекларировании или недостоверном декларировании перемещаемых через таможенную границу Российской Федерации товаров, — обязан сформулировать соответствующие предписания таким образом, чтобы из всей стоимости ввозимых товаров исключалась бы та её часть, которая в денежном выражении разрешена законом к ввозу без декларирования и уплаты таможенных пошлин, налогов, поскольку противоправным образом перемещаемой через таможенную границу Российской Федерации является только та часть стоимости товаров, которая превышает сумму, разрешённую к ввозу без письменного декларирования».*

Положения статей 6 и 7 Закона Краснодарского края «Об организации транспортного обслуживания населения таксомоторами индивидуального пользования в Краснодарском крае»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 13 ИЮЛЯ 2010 Г. № 16-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЕЙ 6 И 7 ЗАКОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ «ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ТРАНСПОРТНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ТАКСОМОТОРАМИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ» В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАН В.А. БЕРЕСНЕВА, В.А. ДУДКО И ДРУГИХ».

Вопрос. О регулировании законодателем предпринимательской деятельности. Об ограничении конституционных прав и свобод граждан.

Из мотивировочной части:

«Поскольку предпринимательская деятельность по своей природе направлена на извлечение прибыли и носит рисковый характер, а следовательно, может приводить к нарушению прав и законных интересов значительного числа лиц, прежде всего клиентов и контрагентов субъекта предпринимательской деятельности, *федеральный законодатель правомочен, руководствуясь статьями 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 34, 35 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, устанавливая условия её осуществления в целях согласования частной экономической инициативы с интересами других лиц и общества в целом, включая потребности в предоставлении публично значимых услуг должного объёма и качества, и предусматривать возможность соответствующего контроля, в том чис-*

ле за использованием имущества, необходимого для занятия определёнными видами деятельности, связанными с повышенной опасностью для окружающих.

Обеспечивая при осуществлении соответствующего правового регулирования баланс частных и публичных интересов в сфере предпринимательской деятельности, федеральный законодатель *обязан также учитывать, что цели ограничения прав и свобод должны быть не только юридически, но и социально оправданы, а сами ограничения — адекватны этим целям и отвечать требованиям справедливости; при допустимости ограничения федеральным законом того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями следует использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдывать правовые ограничения прав и свобод, только если они адекватны социально необходимому результату; в ходе правового регулирования недопустимо искажение самого существа конституционного права или свободы, а цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод* (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июня 2010 года № 14-П).

Согласно Конституции Российской Федерации регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина, а также гражданское законодательство и установление правовых основ единого рынка находятся в ведении Российской Федерации (статья 71, пункты «в», «ж», «о»), а защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности, административное законодательство — в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (статья 72, пункты «б», «д», «к» части 1); осуществление охраны общественного порядка органами местного самоуправления относится к вопросам местного значения (статья 132, часть 1).

Из приведённых положений Конституции Российской Федерации вытекает, что по предметам совместного ведения применительно к сфере транспортного обслуживания населения субъекты Российской Федерации принимают соответствующие нормативные акты административно-правового характера, а также осуществляют исполнительно-распорядительные и контрольные функции. Наряду с Российской Федерацией субъекты Российской Федерации вправе принимать законы, направленные на обеспечение общественной безопасности в сфере перевозок населения, включая перевозки таксомоторами индивидуального пользования, однако, *защищая права одних лиц, а именно пассажиров, они не вправе вводить ограничения прав и свобод других лиц, а именно предпринимателей*. В силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации регулирование, предусматривающее такие условия допуска к предпринимательской деятельности в сфере транспортного обслуживания населения, которые, по существу, представляют собой ограничение прав и свобод, включая право, гарантированное статьёй 34 Конституции Российской Федерации, на уровне субъекта Российской Федерации недопустимо, *поскольку ограничения конституционных прав и свобод могут устанавливаться только федеральным законом*.

Положения статьи 18 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и статьи 1084 Гражданского кодекса Российской Федерации

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 20 ОКТЯБРЯ 2010 Г. № 18-П ПО ДЕЛУ
«О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ РЯДА ПОЛОЖЕНИЙ
СТАТЬИ 18 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О СТАТУСЕ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ» И СТАТЬИ 1084 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЗАПРОСОМ НОГАЙСКОГО
РАЙОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН».**

Вопрос. О механизме возмещения вреда членам семьи военнослужащего, погибшего (умершего) при исполнении обязанностей военной службы.

Из мотивировочной части:

«Обязанности, возлагаемые на лиц, несущих военную и аналогичную ей службу, предполагают необходимость выполнения ими поставленных задач в любых условиях, в том числе сопряженных со значительным риском для жизни и здоровья, что — в силу Конституции Российской Федерации, в частности ее статей 37 (части 1 и 3), 39 (части 1 и 2), 41 (часть 1), 45 (часть 1), 59 и 71 (пункты «в», «м»), — влечет обязанность государства гарантировать им материальное обеспечение в случае причинения вреда жизни или здоровью в период прохождения службы. Выбор правовых средств, направленных на возмещение такого вреда, относится к дискреции федерального законодателя, который, осуществляя на основании статьи 76 Конституции Российской Федерации соответствующее правовое регулирование, обязан предусматривать эффективные гарантии прав указанных лиц, адекватные правовой природе и целям возмещения вреда, причиненного их жизни или здоровью, характеру возникающих между ними и государством правоотношений.

Конкретизируя названные положения Конституции Российской Федерации, федеральный законодатель закрепил в числе особых публично-правовых способов возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью военнослужащих при исполнении ими обязанностей военной службы, обязательное государственное страхование жизни и здоровья военнослужащих, специальное пенсионное обеспечение и систему мер социальной защиты, цель которых — в максимальной степени компенсировать последствия изменения их материального и социального статуса, обеспечив соразмерный получавшемуся денежному довольствию уровень возмещения вреда.

Учитывая особый характер обязанностей государства по отношению к военнослужащим как лицам, выполняющим конституционно значимые функции, а также задачи Российской Федерации как социального государства по обеспечению эффективной защиты и поддержки семьи, и исходя из того, что *правовой статус семьи военнослужащего, погибшего при исполнении воинского долга (умершего вследствие увечья, ранения, травмы, контузии, полученных при исполнении обязанностей военной службы), произведен от правового статуса военнослужащего и обусловлен спецификой его профессиональной деятельности, федеральный законодатель предусмотрел также особый правовой механизм возмещения вреда, причиненного в связи со смертью кормильца, для членов семей погибших (умерших) военнослужащих.*

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации применительно к возмещению вреда гражданам, которые получили увечья в условиях боевых действий при исполнении ими обязанностей военной службы и впоследствии стали инвалидами, в случаях, когда непосредственный причинитель вреда не установлен, *отсутствие в правовом регулировании надлежащего правового механизма возмещения вреда указанным гражданам, сопоставимого по объёму и характеру с существующими и применяемыми в отношении тех граждан, вред которым подлежит возмещению как по правилам, предусмотренным главой 59 Гражданского кодекса Российской Федерации, так и специальным законом, в частности граждан, подвергшихся радиации вследствие техногенных катастроф, участников групп особого риска, означает, что законодатель не достиг цели, которая преследуется при охране такого блага, как здоровье человека* (Определение от 11 июля 2006 года № 276-О).

Выплаты по возмещению вреда членам семьи военнослужащего, погибшего (умершего) при исполнении обязанностей военной службы либо умершего вследствие увечья (ранения, травмы, контузии), полученного при исполнении обязанностей военной службы, которые имеют право на получение пенсии по случаю потери кормильца, *в совокупности не могут быть меньше части заработка (денежного довольствия), приходившейся на их долю при жизни кормильца. В противном случае правовое регулирование не будет достигать цели, для которой оно предназначено, а именно — возместить таким гражданам вред, причинённый потерей кормильца.*

5.2. Следовательно — исходя из конституционных принципов равенства и социальной справедливости, на которых основаны приведённые правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, — возможно использование в качестве элемента механизма возмещения вреда, причинённого здоровью военнослужащего при исполнении обязанностей военной службы, и, соответственно, в случае гибели (смерти) военнослужащего — членам его семьи, имеющим право на получение пенсии по случаю потери кормильца, *ежемесячной денежной выплаты при недостаточности выплачиваемых сумм, предназначенных в том числе для восполнения дохода, который они получали при жизни кормильца».*

Положения абзаца 5 подпункта 2 пункта 1 статьи 165 Налогового Кодекса Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 23 ДЕКАБРЯ 2009 Г. № 20-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ АБЗАЦА 5 ПОДПУНКТА 2 ПУНКТА 1 СТАТЬИ 165 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЗАПРОСОМ ВЫСШЕГО АРБИТРАЖНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. О соблюдении законодателем публичных и частных интересов. О специальных нормах. О соблюдении принципов справедливости, равенства и соразмерности.

Из мотивировочной части:

«Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что согласно ранее выраженной им в Постановлении от 27 апреля 2001 года № 7-П правовой

позиции, которая в полной мере может быть распространена на сферу налоговых правоотношений, федеральный законодатель, осуществляя соответствующее правовое регулирование, обязан, по смыслу статей 8 (часть 1), 19 (части 1 и 2) и 34 (часть 1) Конституции Российской Федерации, *исходить не только из публичных интересов государства, связанных с его экономической безопасностью, но и из частных интересов физических и юридических лиц как субъектов гражданских правоотношений и внешнеэкономической деятельности*».

«...Дополнение подпункта 2 пункта 1 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации абзацем пятым, обязывающим налогоплательщика при поступлении на его счёт выручки от реализации товара (припасов) иностранному лицу от третьего лица представлять в налоговый орган наряду с выпиской банка (её копией) договор поручения по оплате за указанный товар (припасы), заключённый между иностранным лицом и организацией (лицом), осуществившей (осуществившим) платёж, с очевидностью свидетельствует о стремлении федерального законодателя исключить подобную неопределённость. *Вместе с тем, как и всякая специальная норма, которая вводится в условиях уже действующего гражданско-правового регулирования соответствующих отношений, норма абзаца пятого подпункта 2 пункта 1 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации, регулируя налоговые отношения, должна не только опираться на преследуемую законодателем цель и охраняемый ею публичный интерес, но и быть адекватной этой цели*».

«...Таким образом, положение абзаца пятого подпункта 2 пункта 1 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации допускает чрезмерное вмешательство государства в сферу экономической деятельности, не отвечает *принципам справедливости, равенства и соразмерности*, которые должны соблюдаться при ограничении в конституционно значимых целях свободы договора, свободного использования гражданами своих способностей для предпринимательской и иной не запрещённой законом экономической деятельности, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению, к которому приводит необоснованное ограничение возможности применения ставки 0 процентов по налогу на добавленную стоимость, а потому не соответствует Конституции Российской Федерации, её статье 34 (часть 1) во взаимосвязи со статьями 19 (части 1 и 2) и 57».

Подпункт 4 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 8 ДЕКАБРЯ 2009 Г. № 19-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОДПУНКТА 4 СТАТЬИ 15 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ПОРЯДКЕ ВЫЕЗДА ИЗ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ВЪЕЗДА В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ» В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН В.Ф. АЛДОШИНОЙ И Т.С.-М. ИДАЛОВА».

Вопрос. О соразмерности, равенстве и справедливости при ограничении конституционных прав и свобод, включая право на свободный выезд за пределы Российской Федерации.

Из мотивировочной части:

«...Содержащееся в Конституции Российской Федерации указание на то, что выезд за пределы Российской Федерации осуществляется свободно, не означает, однако, невозможность ограничительной регламентации данного права федеральным законодателем, — беспрепятственным, согласно статье 27 (часть 2) Конституции Российской Федерации, является лишь возвращение в Российскую Федерацию её граждан, право же на выезд за пределы Российской Федерации может быть ограничено федеральным законом в конституционно значимых целях — защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3 Конституции Российской Федерации).

Вместе с тем ограничения конституционных прав и свобод, включая право на свободный выезд за пределы Российской Федерации, допустимы лишь при условии их *соразмерности указанным конституционно значимым целям*, не могут толковаться расширительно и не должны приводить к умалению других гражданских, политических и иных прав, гарантированных гражданам Конституцией Российской Федерации и федеральными законами (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1995 года № 17-П). Данный вывод в полной мере согласуется с положениями пункта 2 статьи 29 Всеобщей декларации прав человека и пункта 3 статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в силу которых каждый человек при осуществлении своих прав и свобод может быть подвергнут только таким ограничениям, какие предусмотрены законом и необходимы в интересах обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других лиц, удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и предотвращения преступлений, обеспечения общего благосостояния в демократическом обществе.

Исходя из приведенных конституционных положений, федеральный законодатель закрепляет в Федеральном законе «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» *право каждого на свободный выезд за пределы Российской Федерации и одновременно устанавливает, что гражданин Российской Федерации не может быть ограничен в праве на выезд из Российской Федерации иначе как по основаниям и в порядке, предусмотренным данным Федеральным законом (преамбула, часть первая статьи 2).*

Исходя из правового характера Российской Федерации как государства, в котором отрасли законодательства образуют систему взаимосвязанных элементов, а также в силу конституционных принципов *соразмерности, равенства и справедливости* подобные меры должны быть *адекватными защищаемым ценностям и действительно необходимыми с точки зрения уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.*

Это корреспондирует пункту 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в его понимании Европейским Судом по правам человека, указавшим в Постановлении от 19 марта 1997 года по делу «Хорнсби (Hornsby) против Греции», *что исполнение решения, вынесенного любым судом, должно рассматриваться как неотъемлемая часть «права на суд», поскольку это право стало бы иллюзорным, если бы правовая система государства позволяла окончательно, обязательно судебному решению не действовать, что нанесло бы ущерб одной из сторон».*

Пункт «а» части третьей статьи 29 закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», пункт 3 статьи 57 Закона Российской Федерации «Об образовании» и подпункт 1 пункта 2 статьи 9 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 27 НОЯБРЯ 2009 Г. № 18-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПУНКТА «А» ЧАСТИ ТРЕТЬЕЙ СТАТЬИ 29 ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «О ПЕНСИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ЛИЦ, ПРОХОДИВШИХ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ, СЛУЖБУ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ СЛУЖБЕ, ОРГАНАХ ПО КОНТРОЛЮ ЗА ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, И ИХ СЕМЕЙ», ПУНКТА 3 СТАТЬИ 57 ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ ОБРАЗОВАНИИ» И ПОДПУНКТА 1 ПУНКТА 2 СТАТЬИ 9 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ТРУДОВЫХ ПЕНСИЯХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНКИ Н.С. ЛАПШЫ».

Вопрос. О дискреционных полномочиях федерального законодателя. О соблюдении федеральным законодателем принципов справедливости и равенства.

Из мотивировочной части:

«...Федеральный законодатель, реализуя *дискреционные полномочия*, предоставленные ему статьями 39 (часть 2), 72 (пункты «б», «ж» части 1) и 76 (часть 2) Конституции Российской Федерации, и закрепляя в федеральном законе виды и правовые основания назначения пенсий, их размеры, порядок исчисления и выплаты, *вправе определять как общие правила назначения и выплаты пенсий, так и особенности (условия) приобретения права на получение пенсий конкретного вида отдельными категориями граждан.* Вместе с тем, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, при осуществлении соответствующего регулирования *федеральный законодатель связан в том числе необходимостью соблюдения конституционных принципов справедливости и равенства: он должен учитывать, что гарантированный статьей 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации принцип равенства носит универсальный характер, оказывает регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений и выступает конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закреплённых непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых гражданами на основании закона.*

В сфере пенсионного обеспечения соблюдение принципа равенства означает, помимо прочего, *запрет вводить не имеющие объективного и разумного оправдания различия в пенсионных правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях); различия в условиях приобретения отдельными катего-*

рными граждан права на пенсию и реализации пенсионных прав допустимы, если они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2007 года № 12-П)».

Пункт 2 части первой статьи 14 и пункт 1 части первой статьи 15 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакции Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 10 НОЯБРЯ 2009 Г. № 17-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПУНКТА 2 ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 14 И ПУНКТА 1 ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 15 ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «О СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ ГРАЖДАН, ПОДВЕРГШИХСЯ ВОЗДЕЙСТВИЮ РАДИАЦИИ ВСЛЕДСТВИЕ КАТАСТРОФЫ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС» (В РЕДАКЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 22 АВГУСТА 2004 ГОДА № 122-ФЗ) В СВЯЗИ С ЗАПРОСОМ КУРЧАТОВСКОГО ГОРОДСКОГО СУДА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ И ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН А.В. ЖЕСТИКОВА И П.У. МЯГЧИЛО».

Вопрос. О соблюдении конституционного принципа равенства и справедливости при установлении соответствующего правового регулирования и внесении в него изменений.

Из мотивировочной части:

«...При установлении соответствующего правового регулирования и внесении в него изменений законодатель должен соблюдать конституционные принципы равенства и справедливости, поддержания доверия граждан к закону и действиям государства и исходить из того, что в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации различия в условиях реализации отдельными категориями граждан того или иного права допустимы, если они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им (Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2001 года № 8-П и от 5 апреля 2007 года № 5-П, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2005 года № 502-О).

4. Предназначение мер социальной поддержки, их правовая природа предредают характер обязанностей государства по отношению к инвалидам-чернобыльцам и участникам ликвидации последствий чернобыльской катастрофы как лицам, имеющим особый правовой статус. В силу требований, сформулированных в преамбуле и статье 153 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ, которым были внесены соответствующие изменения в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», при переходе к системе социальной защиты граждан, основанной на положениях данного Федерального закона, *законодатель обязан вводить эффективные правовые механизмы, обеспечивающие сохранение и возможное повышение ранее достигнуто-*

го уровня социальной защиты граждан с учетом специфики их правового, имущественного положения, а также других обстоятельств, реализовывать принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства путём сохранения стабильности правового регулирования, не допускать при осуществлении гражданами социальных прав и свобод нарушения прав и свобод других лиц; нормы данного Федерального закона не могут использоваться для умаления прав и законных интересов граждан.

По смыслу приведённых законоположений, при переходе к новому правовому регулированию обеспечения жилыми помещениями лиц, подвергшихся радиационному воздействию вследствие аварии на Чернобыльской АЭС и принятых на учёт нуждающихся в улучшении жилищных условий после 1 января 2005 года, должны быть предусмотрены соответствующие правовые механизмы, позволяющие с учётом специфики правового статуса этих лиц обеспечить сохранение достигнутого уровня защиты их прав и свобод, гарантий их социальной защищённости в равной мере с гражданами той же категории, которые были приняты на учёт нуждающихся в улучшении жилищных условий до 1 января 2005 года, и созданы необходимые, в том числе финансовые условия для обеспечения их жилыми помещениями.

4.2. Как неоднократно указывал в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации, при внесении в законодательство изменений, касающихся форм обеспечения граждан жильём, законодателю надлежит иметь в виду, что любая дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, должна отвечать требованиям Конституции Российской Федерации, в том числе вытекающим из закреплённого ею принципа равенства (статья 19), в соответствии с которыми такие различия допустимы, если они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им. В свою очередь, соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие ограничения в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях) (Постановления от 24 мая 2001 года № 8-П, от 3 июня 2004 года № 11-П, от 15 июня 2006 года № 6-П и от 5 апреля 2007 года № 5-П)».

Пункт 32 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», подпункт «к» пункта 2 статьи 21 Федерального закона «О политических партиях», часть 3 статьи 30 Закона Краснодарского края «О выборах депутатов законодательного собрания Краснодарского края» и часть первая статьи 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 9 НОЯБРЯ 2009 Г. № 16-П ПО ДЕЛУ
«О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПУНКТА 32
СТАТЬИ 38 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОСНОВНЫХ**

ГАРАНТИЯХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ И ПРАВА НА УЧАСТИЕ В РЕФЕРЕНДУМЕ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ», ПОДПУНКТА «К» ПУНКТА 2 СТАТЬИ 21 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЯХ», ЧАСТИ 3 СТАТЬИ 30 ЗАКОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ «О ВЫБОРАХ ДЕПУТАТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ» И ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 259 ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНИНА В.З. ИЗМАЙЛОВА».

Вопрос. О соблюдении федеральным законодателем конституционных принципов избирательного права.

Из мотивировочной части:

«2. ...всеобщее избирательное право означает, в принципе, что каждый человек имеет право избирать и быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления и вместе с тем государство в лице федерального законодателя может и, по сути, должно определять порядок и условия реализации гражданами Российской Федерации активного и пассивного избирательного права, в том числе порядок выдвижения кандидатов в депутаты. При этом федеральный законодатель, осуществляя на основании статей 71 (пункт «в»), 72 (пункт «н» части 1) и 76 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации соответствующее правовое регулирование, не должен допускать искажения конституционных принципов избирательного права, отмены или умаления самих принадлежащих гражданам Российской Федерации прав, с тем чтобы они не утрачивали своё реальное содержание, и обязан исходить из того, что в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации возможные ограничения этих прав федеральным законом должны преследовать конституционно значимые цели и быть соразмерны им.

3. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, право быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления (пассивное избирательное право) — одно из основных прав гражданина и важнейший элемент его правового статуса в демократическом обществе — по своей природе является индивидуальным, а не коллективным правом.

Деятельность политических партий непосредственно связана с организацией и функционированием публичной (политической) власти. Политические партии включены в процесс властных отношений и в то же время, будучи добровольными объединениями в рамках гражданского общества, выступают в качестве необходимого института представительной демократии, обеспечивающего участие граждан в политической жизни общества, политическое взаимодействие гражданского общества и государства, целостность и устойчивость политической системы (Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2005 года № 1-П и от 16 июля 2007 года № 11-П).

Именно реальной способностью политических партий выполнять указанную публичную функцию предопределяется выбор критериев, соответствие которым легитимирует их в качестве избирательных объединений. Этим, в свою очередь, предопределяются характер и нормативное содержание обязанностей, которые могут быть возложены законом на политические партии как основных участников избирательного процесса, опосредующих осуществление избирательных

прав граждан и условий их участия в выборах (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 марта 2008 года № 4-П).

... политическая партия вправе и обязана самостоятельно определять условия, при которых граждане могут стать её членами, а также участвовать в её деятельности, в том числе в качестве кандидатов в составе списка кандидатов на выборах. Возложение же на политическую партию обязанности принимать в свой состав лиц вне зависимости от их убеждений и взглядов, а равно обязанности выдвигать любых лиц, желающих реализовать свое пассивное избирательное право, в качестве кандидатов (включать их в списки кандидатов) на выборах создавало бы для таких лиц легальные возможности для злоупотребления своим конституционным правом в ущерб избирательным и иным конституционным правам членов данной политической партии и поддерживающих её избирателей.

Для политической партии как избирательного объединения это означает соблюдение — в рамках установленных федеральным законом условий её участия в выборах и правомочий в отношении граждан, выдвигаемых ею кандидатами в депутаты в составе соответствующих списков, — конституционных гарантий права на свободные выборы, включая его важнейший элемент — пассивное избирательное право, и права на свободу объединений, что, в свою очередь, предполагает *необходимость надлежащих формально определённых процедур реализации политической партией правомочия самостоятельно формировать список кандидатов и исключать из него отдельных кандидатов.* Вводя эти процедуры, федеральный законодатель должен исходить из того, что возможные ограничения затрагиваемых ими конституционных прав граждан в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации *допустимы только при условии, что они обоснованы, преследуют конституционно значимые цели защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства и соразмерны им.*

Данные требования в равной степени распространяются как на стадию выдвижения и регистрации кандидатов (списков кандидатов) избирательным объединением, так и на дальнейшее участие кандидатов, включённых в зарегистрированный список кандидатов, в избирательном процессе.

Приобретение гражданином официального статуса кандидата в депутаты, выдвинутого политической партией как избирательным объединением, *означает публично-правовое признание того факта, что процесс реализации пассивного избирательного права вступил в стадию, когда партия уже не вправе на основе самоуправления свободно формировать списки своих потенциальных представителей в органах государственной власти.* С этого момента у кандидата, помимо прав и обязанностей в его отношениях с политической партией, возникают юридически значимые связи с избирателями, избирательными комиссиями, доверенными лицами, средствами массовой информации и иными участниками избирательного процесса, а политическая партия утрачивает возможность по своему усмотрению, на основе одной лишь целесообразности, решать вопрос о дальнейшем пребывании того или иного гражданина в выдвинутом ею списке кандидатов.

4.1. По смыслу статьи 3 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с её статьями 13, 19, 30 и 32, *принцип свободных выборов предполагает равные и справедливые условия для регистрации кандидатов и списков кандидатов.* Со-

ответственно, *устанавливаемые федеральным законом правила регистрации списка кандидатов, хотя он и выдвигается избирательным объединением, не должны искажать существо права граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, создавать необоснованные препятствия для его реализации, нарушать принцип равно избирательного права* (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2000 года № 7-П). Из этого также следует, что *отношения между выдвинувшим список избирательным объединением и входящими в его состав кандидатами должны строиться на началах, исключающих несоразмерные ограничения пассивного избирательного права*».

Статья 7.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», часть первая статьи 1, часть третья статьи 8 и статья 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 16 ИЮЛЯ 2009 Г. № 14-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ СТАТЬИ 7.1 ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «О СТАТУСЕ СУДЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ», ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 1, ЧАСТИ ТРЕТЬЕЙ СТАТЬИ 8 И СТАТЬИ 297 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНИНА В.В. МИЛЕХИНА».

Вопрос. О требованиях, предъявляемых федеральным законодателем к судьям.

Из мотивировочной части:

«Поскольку конституционно-правовой статус судей предопределяется тем, что судьи реализуют публично-правовые цели правосудия, федеральный законодатель *должен предъявлять к ним как носителям судебной власти особые квалификационные и иные требования, в том числе морально-этические и нравственные, и, следовательно, устанавливать такой порядок формирования судебного корпуса, который обеспечивал бы отбор кандидатов, отвечающих этим требованиям*. Соответствующая компетенция федерального законодателя вытекает из статьи 119 Конституции Российской Федерации, предусматривающей помимо общих положений о необходимых для замещения должности судьи минимальном возрасте, образовании и стаже работы по юридической профессии возможность введения федеральным законом дополнительных требований к судьям судов Российской Федерации, и статьи 121 (часть 2) Конституции Российской Федерации, согласно которой полномочия судьи могут быть прекращены или приостановлены не иначе как в порядке и по основаниям, установленным федеральным законом.

Определяя порядок наделения полномочиями судьи и прекращения полномочий судьи, федеральный законодатель обладает достаточно широкой свободой усмотрения, *однако он во всяком случае должен обеспечивать соблюдение конституционных гарантий законного, справедливого, беспристрастного и компетентного суда, в том числе осуществление судебных полномочий лицами, удовлетворяющими требованиям, которые закреплены в Конституции Российской Федерации и федеральном законодательстве*.

...Устанавливая такую специальную — упрощенную по сравнению с назначением на должность судьи — процедуру, федеральный законодатель преследовал цель обеспечить беспрепятственный доступ граждан к правосудию в разумные сроки. Вместе с тем, ограничив возможность привлечения судьи, находящегося в отставке, к осуществлению правосудия случаями наличия вакантной должности судьи, временного значительного увеличения объёма работы в суде, отсутствия судьи или приостановления его полномочий, федеральный законодатель исходил из того, что судья, находящийся в отставке, не обладает всей полной статусных характеристик действующего судьи и что его привлечение к исполнению обязанностей судьи допустимо лишь при наличии исключительных обстоятельств, когда своевременное получение гражданами судебной защиты объективно затрудняется, и на непродолжительный срок.

3.2. ...трёхлетний срок полномочий впервые назначенных судей... имеет, по существу, значение *предварительного испытательного срока, направленного, в частности, на выявление причин, которые могут препятствовать дальнейшему назначению того или иного судьи на должность без ограничения срока полномочий и которыми должны обосновываться решения соответствующих органов и должностных лиц об отказе в представлении для назначения судьи на должность без ограничения срока полномочий*; при этом основанием для рекомендации или для отказа в рекомендации на должность судьи без ограничения срока полномочий фактически является не само по себе истечение первоначального срока полномочий конкретного судьи, а оценка его профессиональных и нравственных качеств; при решении квалификационными коллегиями судей вопроса о назначении судьи, претендующего на должность после истечения трёхлетнего срока полномочий, должно быть подтверждено его соответствие профессиональным, нравственным и морально-этическим требованиям, установленным для него как носителя судебной власти федеральным законом на основании статьи 119 Конституции Российской Федерации.

В силу приведённых правовых позиций такое основание для выхода судьи в отставку, как истечение срока полномочий судьи, если они были ограничены определённым сроком, по сути, означает выявление в течение данного срока объективных обстоятельств, которые препятствуют дальнейшему назначению лица — вопреки его желанию — на должность судьи без ограничения срока полномочий».

Положения пункта 1 статьи 30, пункта 2 статьи 32, пункта 1 статьи 33 и пункта 1 статьи 34 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 22 ОКТЯБРЯ 2009 Г. № 15-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 30, ПУНКТА 2 СТАТЬИ 32, ПУНКТА 1 СТАТЬИ 33 И ПУНКТА 1 СТАТЬИ 34 ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «О ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН М.А. БЕЛОГУРОВОЙ, Т.А. ИВАНОВОЙ, С.Г. КЛИМОВОЙ И А.В. МОЛОДЦОВА».

Вопрос. О соблюдении конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от любых форм дискриминации в сфере труда и занятости.

Из мотивировочной части:

«В силу этих правовых позиций устанавливаемые законодателем в соответствии с конституционными предписаниями государственные гарантии реализации конституционного права на защиту от безработицы должны быть основаны на универсальных принципах справедливости и юридического равенства; *соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от любых форм дискриминации в сфере труда и занятости, означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях); различия в условиях приобретения и реализации отдельными категориями граждан того или иного права не должны устанавливаться произвольно: как следует из Конституции Российской Федерации, в том числе её статьи 55 (часть 3), такие различия допустимы, если они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им.*

«...нет оснований полагать, что критерии, избранные законодателем для дифференциации правил определения размера пособия по безработице (в зависимости от того, с организацией или индивидуальным предпринимателем работник состоял в трудовых отношениях до своего увольнения, при том что иные установленные законом условия в равной мере соблюдены), являются объективными и имеют разумное оправдание. В результате лицам, относящимся к одной и той же категории (граждане, ранее состоявшие в трудовых отношениях, лишившиеся работы в силу обстоятельств, не связанных с совершением ими виновных действий, и признанные безработными), *не обеспечивается равная социальная защита на период поиска новой работы, что не согласуется с конституционным принципом равенства и целями, ради достижения которых допускается ограничение прав и свобод граждан.*

Пункт 1 статьи 10 Закона Российской Федерации «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 9 ИЮЛЯ 2009 Г. № 12-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 10 ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «О СТАТУСЕ ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ГЕРОЕВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПОЛНЫХ КАВАЛЕРОВ ОРДЕНА СЛАВЫ» В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНИНА С. Н. БОРОЗЕНЦА».

Вопрос. О регулировании законодателем мер социальной защиты.

Из мотивировочной части:

«Конституция Российской Федерации, относя социальную защиту, включая социальное обеспечение, к совместному ведению Российской Федерации и её субъектов (статья 72, пункт «ж» части 1), ***не устанавливает конкретные способы и объём такой защиты, предоставляемой тем или иным категориям граждан, — решение этих вопросов является прерогативой законодателя,***

который, реализуя при осуществлении правового регулирования конституционные гарантии в социальной сфере, располагает достаточно широкой свободой усмотрения при определении мер социальной защиты, выборе критериев их дифференциации, регламентации условий предоставления; он вправе также избирать и изменять формы (способы) их предоставления — денежную или натуральную.

Вместе с тем при установлении соответствующего правового регулирования и внесении в него изменений законодатель должен исходить из недопустимости издания в Российской Федерации законов, отменяющих или умаляющих права граждан (статья 55 (часть 2) Конституции Российской Федерации), и основывать свои решения на конституционных принципах и нормах — как закрепляющих единый для всех граждан Российской Федерации конституционный статус личности, так и обуславливающих специальный статус отдельных категорий граждан, не допуская при этом снижения достигнутого уровня их социальной защищённости.

Для проходивших военную службу граждан, удостоенных звания Героя Советского Союза и являвшихся участниками Великой Отечественной войны, установлено пенсионное обеспечение на особых условиях (сочетающее выплаты, связанные со статусом Героя Советского Союза и со статусом участника Великой Отечественной войны), оно предоставляется всем гражданам Российской Федерации, относящимся к указанной категории, в том числе тем, кто постоянно проживает за пределами Российской Федерации».

Положения пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и статей 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 24 ИЮНЯ 2009 Г. № 11-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ ПУНКТОВ 2 И 4 СТАТЬИ 12, СТАТЕЙ 22.1 И 23.1 ЗАКОНА РСФСР «О КОНКУРЕНЦИИ И ОГРАНИЧЕНИИ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТОВАРНЫХ РЫНКАХ» И СТАТЕЙ 23, 37 И 51 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ЗАЩИТЕ КОНКУРЕНЦИЙ» В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ОАО «ГАЗЭНЕРГОСЕТЬ» И ОАО «НИЖНЕКАМСКНЕФТЕХИМ».

Вопрос. О государственном воздействии в отношении лиц, нарушающих антимонопольное законодательство.

Из мотивировочной части:

«Запрет экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию, подразумевает возможность применения мер государственного воздействия в отношении лиц, нарушающих антимонопольное законодательство, что вытекает из статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не может нарушать права и свободы других лиц и само по себе не может рассматриваться как неправомерное ограничение конституционных прав и свобод. Соответственно, *федеральный законодатель, осуществляя право-*

вое регулирование в этой сфере общественных отношений, вправе и обязан предусматривать меры, обеспечивающие поддержку конкуренции и свободы экономической деятельности.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, при выборе средств и способов правового воздействия федеральный законодатель не может игнорировать сложившуюся в Российской Федерации как правовом государстве отраслевую систему правового регулирования и общие принципы соответствующих отраслей права — публичного или частного. Приведённая правовая позиция, выраженная в Постановлении от 18 июля 2008 года № 10-П, не исключает, **что федеральный законодатель, учитывая социальные, экономические и иные факторы, а также исходя из неоднородного характера соответствующих правоотношений, вправе прибегать к их регулированию с использованием правовых средств не только в рамках одной отраслевой модели.** Однако такое правовое регулирование во всяком случае не может не учитывать конституционные принципы справедливости, юридического равенства, пропорциональности и соразмерности вводимых мер конституционно значимым целям и их согласованности с системой действующего правового регулирования.

Правовой механизм взыскания с хозяйствующего субъекта в федеральный бюджет дохода, полученного в связи с нарушением антимонопольного законодательства, также должен основываться на названных конституционных принципах — вне зависимости от того, каким образом принадлежность этого механизма к конкретным отраслевым институтам может быть определена *de lege lata* и (или) *de lege ferenda*, то есть в действующем или в будущем регулировании».

Положение подпункта «б» пункта 4 Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 14 МАЯ 2009 Г. № 8-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ ПОДПУНКТА «Б» ПУНКТА 4 ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ПОРЯДКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПЛАТЫ И ЕЕ ПРЕДЕЛЬНЫХ РАЗМЕРОВ ЗА ЗАГРЯЗНЕНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ, РАЗМЕЩЕНИЕ ОТХОДОВ, ДРУГИЕ ВИДЫ ВРЕДНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ» В СВЯЗИ С ЗАПРОСОМ ВЕРХОВНОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН».

Вопрос. О разграничении полномочий Российской Федерации и субъектов в области использования и охраны окружающей среды.

Из мотивировочной части:

«Полномочия Российской Федерации и её субъектов в области использования и охраны окружающей среды распределены и осуществляются как находящиеся в совместном ведении, с тем чтобы, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 9 января 1998 года № 1-П, при принятии соответствующих решений была возможность обеспечить учёт и согласование интересов Российской Федерации и её субъектов; при этом федеральный закон как норматив-

ный правовой акт общего действия, регулирующий те или иные вопросы (предметы) совместного ведения, определяет права и обязанности участников правоотношений, в том числе полномочия органов государственной власти, и тем самым осуществляет разграничение этих полномочий. В силу приведённой правовой позиции, основанной на статьях 11 (часть 3), 72 (пункты «д», «к» части 1), 76 (части 2 и 5) и 94 Конституции Российской Федерации, именно **Федеральное Собрание, осуществляя законодательное регулирование вопросов, относящихся к природопользованию, охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности, вправе определять соответствующие конкретные полномочия и компетенцию органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации.**

В силу конституционно значимого принципа платности природопользования и конституционного принципа разделения властей *правовое регулирование порядка освобождения от внесения платы за негативное воздействие на окружающую среду может быть осуществлено только федеральным законодателем либо по его прямому указанию.* Соответственно, основания (критерии) исключений из принципа платности природопользования, — как имеющих своим следствием сужение объёма публичных средств, которые предназначены для поддержания надлежащего состояния окружающей среды и защиты экологических прав граждан, и предполагающих возможность изъятий из принципа всеобщности конституционной обязанности сохранять природу и окружающую среду, — *могут быть предусмотрены не иначе как в федеральном законе и должны отвечать требованиям правовой определённости, экономической обоснованности, соблюдения баланса частных и публичных интересов и во всяком случае не вызывать сомнения с точки зрения справедливости и соразмерности соответствующих льготных условий природопользования».*

Положения пункта 8 статьи 5, пункта 6 статьи 6 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и пункта 1 статьи 23 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 24 МАРТА 2009 Г. № 6-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ ПУНКТА 8 СТАТЬИ 5, ПУНКТА 6 СТАТЬИ 6 ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «О СТАТУСЕ СУДЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» И ПУНКТА 1 СТАТЬИ 23 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОРГАНАХ СУДЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНИНА В.Н. РАГОЗИНА».

Вопрос. О праве федерального законодателя устанавливать дополнительные требования к назначению судей.

Из мотивировочной части:

«Наделяя квалификационные коллегии судей публично-правовыми полномочиями, осуществляя которые они участвуют в формировании судейского корпуса, федеральный законодатель преследовал цель обеспечения конституционно-правового статуса судей и выполнения задач, стоящих перед судебной властью.

Тем самым предполагается, что квалификационные коллегии судей должны принимать законные, обоснованные и справедливые решения, которые соответствуют публичным интересам формирования судейского корпуса, отвечающего высоким профессиональным и нравственным требованиям, и что их неподотчётность в связи с принимаемыми решениями, включая заключения относительно рекомендации на должность судьи, не означает, что эти решения могут быть произвольными.

Принимаемое квалификационной коллегией судей в процедуре голосования решение об отказе судье, первоначальный трёхлетний срок полномочий которого истек, в рекомендации на ту же должность без ограничения срока полномочий **должно быть мотивированным**, то есть содержать указание на причины, наличие которых препятствует его назначению на должность, что позволяет обеспечить судебную проверку законности и обоснованности данного решения по существу.

Исходя из конституционной ответственности государства за формирование судейского корпуса, призванного осуществлять судебную власть самостоятельно и независимо, *федеральный законодатель в целях совершенствования правового регулирования вправе в рамках своих дискреционных полномочий установить иной порядок назначения судей на должность без ограничения срока полномочий, основываясь при этом на требованиях Конституции Российской Федерации и с учётом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, в том числе выраженных в настоящем Постановлении».*

Части 1, 2, 3 и 4 статьи 22 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и пункты 2 и 4 части 2 статьи 13 Закона Псковской области «О государственной гражданской службе Псковской области»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 3 ФЕВРАЛЯ 2009 Г. № 2-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ЧАСТЕЙ 1, 2, 3 И 4 СТАТЬИ 22 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» И ПУНКТОВ 2 И 4 ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 13 ЗАКОНА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ «О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ» В СВЯЗИ С ЗАПРОСОМ ПСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СОБРАНИЯ ДЕПУТАТОВ».

Вопрос. О разграничении компетенции Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в сфере регулирования государственной гражданской службы.

Из мотивировочной части:

«Единство системы государственной власти как один из принципов российского федерализма (статья 5, часть 3 Конституции Российской Федерации) и единство правовых и организационных основ федеральной государственной гражданской службы и государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации как его неотъемлемый элемент *предполагают также закрепление федеральным законодателем единого подхода к организации государ-*

ственной гражданской службы, в том числе к порядку замещения должностей государственной гражданской службы, на федеральном уровне и в субъектах Российской Федерации.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлениях от 9 января 1998 года № 1-П и от 11 апреля 2000 года № 6-П, федеральный закон, принятый по предмету совместного ведения, как нормативный правовой акт общего действия определяет права и обязанности участников соответствующих правоотношений, в том числе полномочия органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляя тем самым их разграничение; при этом из федеративной природы взаимоотношений Российской Федерации и её субъектов вытекает недопустимость осуществления органами государственной власти Российской Федерации полномочий по предметам совместного ведения без учета интересов субъектов Российской Федерации и места их органов власти в системе публичной власти.

Исходя из этого соотношение компетенции Российской Федерации и компетенции субъектов Российской Федерации в сфере регулирования государственной гражданской службы определяется применительно к специфике конкретных элементов данного регулирования. Соответственно, положения статьи 22 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 13 Закона Псковской области «О государственной гражданской службе Псковской области», которыми регламентируются поступление на государственную гражданскую службу и замещение должности государственной гражданской службы по конкурсу, как непосредственно связанные с конституционными гарантиями права на равный доступ к государственной службе, должны отвечать требованиям статей 71 (пункт «в»), 72 (пункт «б» части 1) и 76 (часть 5) Конституции Российской Федерации.

...государственная гражданская служба является видом государственной службы Российской Федерации и представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации; государственная гражданская служба Российской Федерации подразделяется на федеральную государственную гражданскую службу и государственную гражданскую службу субъектов Российской Федерации; к числу основных принципов гражданской службы относятся приоритет прав и свобод человека и гражданина, единство правовых и организационных основ федеральной гражданской службы и гражданской службы субъектов Российской Федерации, равный доступ граждан, владеющих государственным языком Российской Федерации, к гражданской службе и равные условия её прохождения независимо от пола, расы, национальности, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств, не связанных с профессиональными и деловыми качествами гражданского служащего, профессионализм и компетентность гражданских слу-

жащих (статьи 1 и 3 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации», статьи 3 и 4 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»).

Регламентируя в развитие этих положений поступление на государственную гражданскую службу и её прохождение, Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» устанавливает единый для федеральной государственной гражданской службы и государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации порядок замещения должностей — по результатам конкурса, а также предусматривает исключения из этого общего правила. Как следует из статьи 22 названного Федерального закона, конкурс на замещение должности гражданской службы, для проведения которого образуется конкурсная комиссия, заключается в оценке профессионального уровня претендентов на замещение должностей гражданской службы, их соответствия установленным квалификационным требованиям к должности. Конкурсный порядок замещения должности, с одной стороны, позволяет расширить круг претендентов на эту должность, выбрать наиболее способных и подготовленных, а с другой — минимизирует субъективность в оценке конкретного лица, поскольку конкурсная комиссия, в состав которой помимо представителей работодателя входят представители научных и образовательных учреждений, формируется таким образом, чтобы исключить возможность возникновения конфликта интересов, могущих повлиять на принимаемые ею решения.

Таким образом, по своей юридической природе и предназначению в правовой системе Российской Федерации институт конкурсного подбора для замещения должностей государственной службы, будучи демократической гарантией конституционного права на доступ к государственной службе, позволяет в большей степени обеспечить реализацию принципов равенства (равенства возможностей) и справедливости в осуществлении данного права.

Вместе с тем, вводя конкурсный порядок подбора кадров в качестве общего правила, федеральный законодатель вправе — с учётом соответствующих правомерных целей и необходимости поддержания баланса законных интересов, связанных с организацией и функционированием государственной службы, — *предусматривать исключения из этого общего правила, определяя случаи, в которых конкурс на замещение должностей государственной службы не проводится. Установление таких изъятий, как непосредственно относящееся к регулированию конституционного права на доступ к государственной службе, осуществляется на основании статьи 71 (пункт «в») Конституции Российской Федерации и должно гарантировать равенство, в том числе независимо от места жительства, в реализации данного конституционного права, как того требует статья 19 (часть 2) Конституции Российской Федерации.*

В силу названных конституционных предписаний законодатель субъекта Российской Федерации не вправе выйти за рамки статьи 22 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и *расширить круг предусмотренных ею исключений из общего правила, которым определяется конкурсный порядок поступления на гражданскую службу и замещения должности гражданской службы».*

Положения пунктов 2, 3 и 4 статьи 13 и абзаца второго пункта 1.1 статьи 14 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 30 ЯНВАРЯ 2009 Г. № 1-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ ПУНКТОВ 2, 3 И 4 СТАТЬИ 13 И АБЗАЦА ВТОРОГО ПУНКТА 1.1 СТАТЬИ 14 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБОРОТЕ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ» В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНКИ Л.Г. ПОГОДИНОЙ».

Вопрос. О соблюдении законодателем баланса частных и публичных интересов.

Из мотивировочной части:

«...Конституция Российской Федерации, закрепляя право частной собственности и раскрывая в статье 35 его конституционное содержание, включающее правомочия иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами, выделяет в качестве самостоятельного конституционного права граждан и их объединений иметь в частной собственности землю (статья 36, часть 1) и, конкретизируя применительно к данному праву предписание статьи 17 (часть 3), устанавливает, что владение, пользование и распоряжение землей осуществляются её собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц (статья 36, часть 2).

Из приведённых положений Конституции Российской Федерации вытекает обязанность законодателя соблюдать при регулировании земельных отношений, в том числе возникающих в области оборота земельных участков и долей в праве общей собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения, баланс частных и публичных интересов, которые затрагиваются реализацией права частной собственности на землю, на основе конституционного принципа пропорциональности (статья 55, часть 3 Конституции Российской Федерации), с тем чтобы обеспечить охрану законом права частной собственности, как того требует статья 35 (часть 1) Конституции Российской Федерации, и исходя из представлений о земле как основе жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории».

Пункт 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 19 НОЯБРЯ 2009 Г. № 1344-О-Р ПО ДЕЛУ «О РАЗЪЯСНЕНИИ ПУНКТА 5 РЕЗОЛЮТИВНОЙ ЧАСТИ

ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 2 ФЕВРАЛЯ 1999 ГОДА № 3-П ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 41 И ЧАСТИ ТРЕТЬЕЙ СТАТЬИ 42 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РСФСР, ПУНКТОВ 1 И 2 ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 16 ИЮЛЯ 1993 ГОДА «О ПОРЯДКЕ ВВЕДЕНИЯ В ДЕЙСТВИЕ ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ В ЗАКОН РСФСР «О СУДОУСТРОЙСТВЕ РСФСР», УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РСФСР, УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РСФСР И КОДЕКС РСФСР ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ».

Вопрос. Об установлении Конституционным Судом Российской Федерации порядка исполнения своего решения.

Из мотивировочной части:

«При установлении порядка исполнения своего решения *Конституционный Суд Российской Федерации* — исходя из того, что положения о прямом действии и строгом соблюдении Конституции Российской Федерации, закрепленные её статьёй 15 (части 1 и 2), обращены ко всем органам публичной власти и их должностным лицам — *вправе определять режим применения норм, являющихся предметом его рассмотрения, а также норм, находящихся с ними в неразрывном системном единстве, с тем чтобы исключить их неконституционное толкование в правоприменительной практике.*

Правовая позиция, обосновывающая тот или иной режим применения норм, являвшихся предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, может стать предметом разъяснения соответствующего постановления, в том числе с учётом действия этого Постановления во времени, а также исходя из его системной связи с другими решениями Конституционного Суда Российской Федерации и другими нормативными правовыми актами в правовой системе Российской Федерации».

Пункт 8 части 1 и часть 2 статьи 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 2 АПРЕЛЯ 2009 Г. № 472-О-О ПО ДЕЛУ «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ ГРАЖДАНКИ ТЕСЛЕНКО ДИНЫ ПАВЛОВНЫ НА НАРУШЕНИЕ ЕЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ПУНКТОМ 8 ЧАСТИ 1 И ЧАСТЬЮ 2 СТАТЬИ 37 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. О применении принципа равенства при осуществлении специально-го правового регулирования труда.

Из мотивировочной части:

«Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, *принцип равенства*, закреплённый в статье 19 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, *не препятствует законодателю при осуществлении спе-*

циального правового регулирования труда (прохождения службы) устанавливать различия в правовом статусе лиц, принадлежащих к разным по условиям и роду деятельности категориям, если эти различия являются объективно оправданными, обоснованными и соответствуют конституционно значимым целям. Такие различия, основанные на специфических (квалификационных) требованиях, связанных с определённой работой, согласно пункту 2 статьи 1 Конвенции МОТ № 111, не считаются дискриминацией (Постановление от 6 июня 1995 года № 7-П, определения от 1 июля 1998 года № 84-О; от 8 февраля 2001 года № 45-О; от 5 июля 2001 года № 134-О; от 3 октября 2002 года № 233-О; от 19 апреля 2007 года № 266-О-О)».

Положение абзаца четвёртого и пятого пункта 10 статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 17 МАРТА 2009 Г. № 5-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ, СОДЕРЖАЩЕГОСЯ В АБЗАЦАХ ЧЕТВЕРТОМ И ПЯТОМ ПУНКТА 10 СТАТЬИ 89 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «ВАРМ».

Вопрос. О юридической силе актов судебной власти. О проверке законности и обоснованности судебных актов.

Из мотивировочной части:

«...Согласно статье 118 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. По смыслу данной статьи во взаимосвязи со статьёй 10 Конституции Российской Федерации, именно суду принадлежит исключительное полномочие принимать окончательные решения в споре о праве, в том числе по делам, возникающим из налоговых правоотношений, что, в свою очередь, означает недопустимость преодоления вынесенного судом решения посредством юрисдикционного акта административного органа».

Проверка законности и обоснованности судебных актов осуществляется лишь в специальных, установленных процессуальным законом процедурах — посредством рассмотрения дела судами апелляционной, кассационной и надзорной инстанций. Иная — не судебная — процедура ревизии судебных актов принципиально недопустима, поскольку означала бы возможность — вопреки обусловленным природой правосудия и установленным процессуальным законом формам пересмотра судебных решений и проверки их правосудности исключительно вышестоящими судебными инстанциями — замещения актов органов правосудия административными актами, что является безусловным отступлением от необходимых гарантий самостоятельности, полноты и исключительности судебной власти.

Изложенная правовая позиция, вытекающая из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2001 года № 1-П, согласуется

с международными стандартами в сфере правосудия, *не допускающими возможность пересмотра судебных актов во внесудебном порядке* (статья 4 Основных принципов независимости судебных органов, принятых седьмым Конгрессом Организации Объединённых Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями и одобренных резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций от 13 декабря 1985 года), а также с позицией Европейского Суда по правам человека, в силу которой право на справедливое судебное разбирательство дела (статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) предполагает, что полномочие вынести обязывающее решение, которое не может быть изменено несудебной властью в ущерб стороне по делу, присуще самому понятию «суд» (Постановление от 19 апреля 1994 года по делу «Ван де Хурк (Van de Hurk) против Нидерландов»).

**ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО УГОЛОВНОМУ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ**

(по состоянию на 31 марта 2011 года)

Положения частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 31 ЯНВАРЯ 2011 Г. № 1-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ ЧАСТЕЙ ПЕРВОЙ, ТРЕТЬЕЙ И ДЕВЯТОЙ СТАТЬИ 115, ПУНКТА 2 ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 208 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И АБЗАЦА ДЕВЯТОГО ПУНКТА 1 СТАТЬИ 126 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)» В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ЗАКРЫТОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «НЕДВИЖИМОСТЬ-М», ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «СОЛОМАТИНСКОЕ ХЛЕБОПРИЁМНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ» И ГРАЖДАНКИ Л.И. КОСТАРЕВОЙ».

Вопрос. О наложении ареста на имущество лиц, несущих по закону материальную ответственность за действия подозреваемого или обвиняемого.

Из мотивировочной части:

«...однородные по своей юридической природе отношения в силу принципа юридического равенства должны регулироваться одинаковым образом.

Поскольку гражданско-правовые требования о возмещении имущественного вреда, причинённого преступлением, — вне зависимости от того, подлежат они рассмотрению в гражданском или уголовном судопроизводстве, — разрешаются в соответствии с нормами гражданского законодательства, суды общей юрисдикции при рассмотрении в уголовном судопроизводстве вопросов, касающихся отношений собственности, не должны допускать подмены частноправовых механизмов разрешения споров о собственности уголовно-процессуальными средствами, направленными на достижение публично-правовых целей уголовного судопроизводства.

Положение части первой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривающее в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска наложение ареста на имущество лиц, несущих по закону материальную ответственность за действия подозреваемого или обвиняемого, не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования означает, что арест может быть наложен на имущество лишь того лица, которое по закону несёт за действия подозреваемого или обвиняемого материальную ответственность, вытекающую из причинения вреда.

Иное означало бы нарушение общих принципов правовой определённости и справедливости, а также конституционных принципов, лежащих в основе ор-

ганизации и осуществления правосудия и разграничения судебной юрисдикции, и приводило бы к несоразмерному ограничению органами, осуществляющими уголовное преследование, закреплённых в Конституции Российской Федерации права собственности и свободы предпринимательской и иной не запрещённой законом экономической деятельности».

Часть третья статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 31 МАРТА 2011 Г. № 3-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ЧАСТИ ТРЕТЬЕЙ СТАТЬИ 138 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН С.В. КАПОРИНА, И.В. КОРШУНА И ДРУГИХ».

Вопрос. Об ответственности за производство, сбыт и приобретение специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации.

Из мотивировочной части:

«3.3. Исходя из того, что лицензирование соответствующей предпринимательской деятельности не означает возможность введения специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, в свободный оборот на территории Российской Федерации и что запрет на их свободный оборот, не подкреплённый соответствующей санкцией, делал бы необязательным его соблюдение, федеральный законодатель установил уголовную ответственность за незаконные производство, сбыт или приобретение специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (часть третья статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации), а административную ответственность — за нарушение правил производства, хранения, продажи и приобретения специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, при наличии специального разрешения (лицензии) (часть 1 статьи 20.23 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации) и за нарушение правил разработки, ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из Российской Федерации, а также порядка сертификации, регистрации и учёта специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (часть 2 статьи 20.23 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации), то есть за совершение деяния, связанного с разрешительным порядком экспорта и (или) импорта отдельных видов товаров, установленным Положением о лицензировании в сфере внешней торговли товарами и Положением о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации.

Таким образом, преступление, предусмотренное частью третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации, отличается по своим объективным признакам от административных правонарушений, предусмотренных статьей 20.23 Кодекса об административных правонарушениях Российской Фе-

дерации, часть 1 которой в качестве условия наступления административной ответственности указывает на наличие специального разрешения (лицензии), а часть 2 — на нахождение соответствующих специальных технических средств у лица (а значит, и на их разработку) на законных основаниях.

Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного данным кодексом (статья 8); лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина; объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается (статья 5); деяние, совершённое только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьёй Особенной части данного Кодекса (часть вторая статьи 24); преступлением, совершённым умышленно, признается деяние, совершённое с прямым или косвенным умыслом (статья 25).

В диспозиции части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации нет указания на совершение деяния по неосторожности, а следовательно, предполагается, что оно может быть совершено только с умыслом. О направленности умысла именно на незаконные действия свидетельствует наличие термина «незаконные», который применительно к производству, сбыту и приобретению специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, в системе законодательных актов и основанных на них нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, ограничивающих оборот таких технических средств, следует рассматривать как предполагающий совершение указанных действий в отношении специальных технических средств, которые разработаны, приспособлены или запрограммированы именно для целей негласного (то есть тайного, неочевидного, скрытого) получения информации от лиц, в отношении которых они применяются; закамouflированы под предметы (приборы) другого функционального назначения, в том числе бытовые; обладают свойствами, прямо указанными в нормативных правовых актах; обнаружение которых возможно только при помощи специальных устройств; которым приданы нужные специальные свойства (проведение специальной технической доработки, камouflирования).

Следовательно, применительно к преступлению, предусмотренному частью третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации, составообразующим может признаваться только такое деяние, которое представляет собой совершаемое с умыслом и в нарушение законодательно установленных порядка и условий производство, сбыт или приобретение специальных технических средств, предназначенных именно для негласного получения информации, что обязывает органы, осуществляющие уголовное преследование, и суд не только установить соответствию в ходе расследования и судебного рассмотрения конкретного уголовного дела сам факт совершения указанных действий, но и доказать их противозаконность и наличие умысла на их совершение (пункты 1 и 2 части первой статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации); при этом возможность привлечения к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное частью третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации, исключается, если соответствующее деяние совершено по неосторожности».

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 2 МАРТА 2010 Г. № 5-П ПО ДЕЛУ
«О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ
242.1 БЮДЖЕТНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ
ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».**

Вопрос. О реабилитации и порядке возмещения вреда.

Из мотивировочной части:

«Согласно части пятой статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации требование о возмещении имущественного вреда разрешается судьей в порядке, установленном статьей 399 данного Кодекса для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора. По смыслу этого законоположения во взаимосвязи со статьей 133, частью первой статьи 134, частями второй и четвертой статьи 135, пунктом 1 статьи 397 и частью первой статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации *вопрос о производстве выплат в возмещение имущественного вреда и определении их размера в процедурах, установленных для стадии исполнения приговора, разрешается непосредственно судом в тех случаях, когда право на реабилитацию ранее признано в оправдательном приговоре или в определении, постановлении вышестоящей судебной инстанции о прекращении уголовного дела; в случаях же признания права на реабилитацию следователем или дознавателем данный вопрос решается органом предварительного расследования, прекратившим уголовное дело.*

При этом следователь, дознаватель в целях реализации вытекающего из Конституции Российской Федерации принципа максимально возможного его возмещения, руководствуются как положениями части первой статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривающими виды выплат и имущества, подлежащих возврату, так и иными положениями законодательства, устанавливающими общие правила определения размера возмещения вреда. Иски же о компенсации морального вреда (в денежном выражении) предъявляются в порядке гражданского судопроизводства, в этом же порядке обжалуются решения о восстановлении трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав реабилитированного (часть вторая статьи 136 и часть первая статьи 138 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Таким образом, действующий уголовно-процессуальный порядок признания права на возмещение имущественного вреда в связи с реабилитацией, в том числе на стадии досудебного производства по уголовному делу, в соответствии с требованиями статей 45, 49, 52 и 53 Конституции Российской Федерации во всех случаях создает для реабилитированных лиц упрощенный по сравнению с исковым порядком гражданского судопроизводства режим правовой защиты, освобождающий их от бремени доказывания оснований и размера возмещения вреда и одновременно предоставляющий им возможность участвовать в доказывании объема компенсации, а также возможность обжалования принятых об этом решений в случае несогласия с ними.

5. Как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, ни конституционное право на судебную защиту, ни принципы состязательности и равноправия сторон, ни общеправовой принцип равенства *не пред-*

полагают выбор гражданином по своему усмотрению любых способов и процедур судебной защиты (Постановления от 28 января 1997 года № 2-П, от 16 июля 2004 года № 15-П и другие), законодатель же уполномочен как на установление процедур, в рамках которых осуществляется возмещение вреда реабилитированным лицам, так и на дальнейшее их совершенствование, если эти процедуры недостаточно ясны или пробельны (Постановления от 2 февраля 1996 года № 1-П, от 17 июля 2002 года № 13-П, от 20 февраля 2006 года № 1-П и другие).

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, не предусматривая непосредственно, каким образом реабилитированное лицо, уголовное преследование в отношении которого было прекращено на стадии досудебного производства органом предварительного расследования, может получить судебное решение, подтверждающее его право на возмещение имущественного вреда, причинённого уголовным преследованием, вместе с тем не исключает такую возможность».

Пункты 2 и 3 части второй статьи 30 и часть вторая статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 19 АПРЕЛЯ 2010 Г. № 8-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПУНКТОВ 2 И 3 ЧАСТИ ВТОРОЙ СТАТЬИ 30 И ЧАСТИ ВТОРОЙ СТАТЬИ 325 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН Р.Р. ЗАЙНАГУТДИНОВА, Р.В. КУДАЕВА, Ф.Р. ФАЙЗУЛИНА, А.Д. ХАСАНОВА, А.И. ШАВАЕВА И ЗАПРОСОМ СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СУДА».

Вопрос. О подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей.

Из мотивировочной части:

«Право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей не относится к числу основных прав, неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения. По смыслу статьи 47 (часть 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с её статьей 123 (часть 4), данное право — в отличие от права на независимый и беспристрастный суд или презумпции невиновности — *не входит в основное содержание (ядро) конституционного права на судебную защиту, которое не подлежит изменению иначе как в порядке, установленном Конституцией Российской Федерации (статья 64 Конституции Российской Федерации), а выступает в качестве одной из его возможных процессуальных гарантий, предоставляемых на основе дискреционных полномочий федерального законодателя в соответствии со статьями 71 (пункты «в», «г», «о»), 118 (часть 3) и 128 (часть 3) Конституции Российской Федерации.*

Как следует из статей 47 (часть 2) и 123 (часть 4) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с её статьями 71 (пункты «в», «г», «о»), 118 (часть 3) и 128 (часть 3), определение категорий уголовных дел, подсудных суду с участием присяжных заседателей, равно как и изменение ранее установленной подсудности относятся к компетенции федерального законодателя.

Вместе с тем дискреция федерального законодателя в регулировании реализации права на доступ к правосудию и права на законный суд, в том числе с участием присяжных заседателей, *не является абсолютной и не освобождает его от обязанности не допускать — при обеспечении вытекающего из Конституции Российской Федерации принципа справедливого судебного разбирательства — ограничений конституционного права на судебную защиту и осуществлять правовое регулирование подсудности уголовных дел с учётом принципа правовой определённости.* При этом он должен учитывать, что, по смыслу статей 20 (часть 2), 32 (часть 5), 47 (часть 2) и 123 (часть 4) Конституции Российской Федерации, судопроизводство с участием присяжных заседателей, в котором не профессиональный судья, а коллегия присяжных самостоятельно принимает решение по вопросу о виновности подсудимого, *имеет особую конституционно-правовую значимость и, во всяком случае, не допускает произвольный и необоснованный отказ законодателя от этой формы судопроизводства, непосредственно определённой Конституцией Российской Федерации применительно к защите права на жизнь как базового для реализации всех иных конституционных прав, при рассмотрении дел по тем конкретным составам преступлений, где она уже предусмотрена.*

Конкретизируя конституционные предписания о суде с участием присяжных заседателей как законном составе суда по уголовным делам об определённых категориях преступлений и отказываясь по другим делам от этой формы судопроизводства, федеральный законодатель *не вправе при установлении перечня уголовных дел, подсудных суду с участием присяжных заседателей, нарушать требования справедливости и равенства перед законом и судом и действовать произвольным и дискриминационным образом.*

Само по себе изменение регулирования подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей *не ограничивает доступ к правосудию и не затрагивает существо права на законный суд, равно как рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей не является непременным условием реализации права на судебную защиту как основного и неотчуждаемого права, гарантируемого Конституцией Российской Федерации, а именно статьёй 46 во взаимосвязи со статьями 15 (часть 4), 17, 47, 118 и 123, а также со статьёй 20 (часть 2) по её смыслу в условиях действующего в Российской Федерации моратория на смертную казнь и статьёй 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в её официальном толковании Европейским Судом по правам человека.*

Из этого вытекает, что *изменение подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей не может рассматриваться как ограничение права на судебную защиту: дифференциация процессуальных форм судебной защиты обуславливается обязанностью государства обеспечивать эффективность способов правовой защиты, а не указанными в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации конституционно значимыми целями охраны основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.*

Вместе с тем законодательное определение компетенции суда с участием присяжных заседателей не должно сопровождаться нарушением прав и свобод человека и гражданина, а также конституционных гарантий этих прав и свобод.

На исключение таких нарушений ориентируют правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации относительно пределов допустимых ограничений прав и свобод человека и гражданина на основе предписаний статьи 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации. Согласно этим правовым позициям ограничение законом основных прав человека возможно лишь при сохранении существа и реального содержания права и обеспечении соразмерности ограничения конституционно признаваемым целям.

Осуществляя в рамках своих дискреционных полномочий по определению подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей изменение установленной ранее подсудности дел о террористических актах и других связанных с террористической деятельностью преступлениях, федеральный законодатель должен исходить из необходимости обеспечения адекватных гарантий эффективности правосудия, беспристрастности и независимости суда при рассмотрении таких дел.

Изъятие из подсудности суда с участием присяжных заседателей дел о терроризме и связанных с ним преступных деяниях, таких как вооружённый мятеж и насильственный захват власти, вызывается их повышенной сложностью и спецификой самих преступлений, чем в современных условиях предопределяется правомочие именно профессиональных судей делать вывод о виновности или невиновности подсудимых на основе исследования фактических обстоятельств и оценки собранных доказательств. Соответственно, отнесение уголовных дел о терроризме и связанных с ним преступлениях к подсудности суда в составе коллегии их трёх профессиональных судей само по себе не является нарушением права на судебную защиту, гарантированного Конституцией Российской Федерации».

Положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Уголовного кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 13 ИЮЛЯ 2010 Г. № 15-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 188 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 4.5, ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 16.2 И ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 27.11 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН В. В. БАТАЛОВА, Л.Н. ВАЛУЕВОЙ, Э.Я. ГАНИЕВОЙ, О.А. КРАСНОЙ И И.В. ЭПОВА».

Вопрос. Об установлении уголовной и административной ответственности за недекларирование или недостоверное декларирование перемещаемых через таможенную границу Российской Федерации товаров. Об исчислении сроков давности привлечения к административной ответственности.

Из мотивировочной части:

«При установлении уголовной и административной ответственности за противоправные деяния в таможенной сфере необходимо исходить из того, что

любое преступление либо административное правонарушение, а равно санкции за их совершение должны быть четко определены в законе, причём таким образом, чтобы исходя из текста соответствующей нормы — в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, — каждый мог предвидеть уголовно- или административно-правовые последствия своих действий (бездействия). Неточность, неясность и неопределённость закона порождают возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного его применения, что противоречит конституционным принципам равенства и справедливости, из которых вытекает обращённое к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования; в противном случае может иметь место противоречивая правоприменительная практика, что ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 1999 года № 11-П, от 27 мая 2003 года № 9-П и от 27 мая 2008 года № 8-П).

...исходя из требований статей 17 (часть 1), 19 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в Постановлении от 27 мая 2008 года № 8-П, федеральный законодатель — в действующем механизме регулирования административной и уголовной ответственности, наступающей при недекларировании или недостоверном декларировании перемещаемых через таможенную границу Российской Федерации товаров, — обязан сформулировать соответствующие предписания таким образом, чтобы из всей стоимости ввозимых товаров исключалась бы та её часть, которая в денежном выражении разрешена законом к ввозу без декларирования и уплаты таможенных пошлин, налогов, поскольку противозаконным образом перемещаемой через таможенную границу Российской Федерации является только та часть стоимости товаров, которая превышает сумму, разрешённую к ввозу без письменного декларирования».

Устанавливая порядок исчисления сроков давности привлечения к административной ответственности, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в частях 1–3 статьи 4.5 закрепляет, в частности, что постановление по делу об административном правонарушении не может быть вынесено по истечении двух месяцев со дня совершения административного правонарушения, а применительно к отдельным правонарушениям — по истечении одного года со дня совершения административного правонарушения (часть 1); при дьящемся административном правонарушении указанные сроки начинают исчисляться со дня обнаружения административного правонарушения (часть 2).

Вместе с тем согласно части 4 данной статьи в случае отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела, но при наличии в действиях лица признаков административного правонарушения сроки, предусмотренные её частью 1, начинают исчисляться со дня принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении. *Следовательно, в исключение из общего правила исчисления сроков давности привлечения к административной*

ответственности, определяющего момент, с которого начинается их течение (то есть со дня совершения правонарушения или — при длящихся правонарушениях — со дня его обнаружения), названная норма позволяет привлекать к административной ответственности тех лиц, в отношении которых отказано в возбуждении уголовного дела либо оно прекращено по тем или иным установленным законом основаниям, за пределами предусмотренного административным законодательством срока давности в случаях, когда сроки расследования по уголовному делу составляют более одного года.

Такой законодательный подход имеет целью обеспечить наступление публично-правовой ответственности в том случае, когда правоохранительными органами была дана ошибочная квалификация общественно опасного деяния, а именно деяние, имеющее признаки административного правонарушения, было квалифицировано как уголовно наказуемое. Между тем, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, оправдывают правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату; цели одной рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод (Постановления от 15 января 1998 года № 2-П и от 18 февраля 2000 года № 3-П).

Обуславливая начало течения срока давности привлечения к административной ответственности принятием решения об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении, то есть ставя его исчисление в зависимость от правоприменительных действий и от решений, принимаемых в рамках расследования по уголовному делу (которое может приостанавливаться, сроки которого могут продлеваться, причем неоднократно), данная норма позволяет фактически увеличивать срок давности привлечения к административной ответственности на неопределённое время.

Таким образом, часть 4 статьи 4.5 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации — в той мере, в какой содержащаяся в ней норма позволяет в случаях отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела, но при наличии в действиях лица признаков административного правонарушения исчислять срок давности привлечения к административной ответственности не со дня совершения (обнаружения) правонарушения, а со дня принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении, — противоречит вытекающим из статей 17 (часть 1), 19 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципам правовой определённости, справедливости, равенства и соразмерности ограничений, вводимых в сфере административной ответственности, конституционно значимым целям.

Этим, однако, не исключается правомочие федерального законодателя устанавливать для таких случаев, а равно для отдельных составов административных правонарушений специальные сроки давности привлечения к административной ответственности, которые превышают существующие, но во всяком случае не могут быть больше минимальных сроков давности привлечения к уголовной ответственности и должны иметь не зависящее от каких-либо юридических фактов календарное исчисление».

Подпункт 4 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 8 ДЕКАБРЯ 2009 Г. № 19-П ПО ДЕЛУ

«О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОДПУНКТА 4 СТАТЬИ 15 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ПОРЯДКЕ ВЫЕЗДА ИЗ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ВЪЕЗДА В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ» В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН В.Ф. АЛДОШИНОЙ И Т.С.-М. ИДАЛОВА».

Вопрос. О приговоре и о мерах по предотвращению возможности неисполнения приговоров и уклонения от уголовной ответственности лиц, виновность которых установлена судом. Об условном осуждении. О временном ограничении права на выезд за пределы Российской Федерации лиц, осуждённых за совершение преступления.

Из мотивировочной части:

«3. Реализуя вытекающую из статей 1 (часть 1), 15 (часть 2), 17 (часть 3), 18, 46 (части 1 и 2), 52, 53, 55 (часть 3), 71 (пункт «в»), 72 (пункт «б» части 1) и 118 Конституции Российской Федерации обязанность государства предусмотреть в законодательстве меры, обеспечивающие исполнение судебных решений, федеральный законодатель установил в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» норму об обязательности вступивших в законную силу судебных постановлений и их неукоснительном исполнении на всей территории Российской Федерации (статья 6).

Приговор — единственный вид судебного решения, непосредственно указанный в Конституции Российской Федерации (статья 32, часть 3; статья 49, часть 1; статья 50, часть 3), — представляет собой принимаемое в рамках уголовного судопроизводства решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции (пункт 28 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Соответственно, государство обязано предпринимать все необходимые меры — в том числе в актах административного законодательства, к каковым относится Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», — для предотвращения возможности неисполнения приговоров и уклонения от уголовной ответственности лиц, виновность которых установлена судом, поскольку в таких случаях ставились бы под угрозу цели защиты прав и свобод граждан, подрывались бы конституционные основы судебной власти, умалялся бы её высокий авторитет.

Исходя из правового характера Российской Федерации как государства, в котором отрасли законодательства образуют систему взаимосвязанных элементов, а также в силу конституционных принципов соразмерности, равенства и справедливости *подобные меры должны быть адекватными защищаемым ценностям и действительно необходимыми с точки зрения уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.*

4. Назначение и исполнение уголовного наказания предполагают, с одной стороны, использование средств уголовного закона для целей предупреждения преступлений, защиты личности, общества и государства от преступных посягательств, а с другой — недопущение избыточного ограничения прав и свобод

при применении мер уголовно-правового принуждения. Соответственно, характер и содержание устанавливаемых уголовным законом и связанными с ним иными законодательными актами мер должны определяться исходя не только из их обусловленности целями защиты конституционно значимых ценностей, но и из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого эти меры применяются) тому вреду, который был причинен в результате преступных деяний.

4.1. Вынесение обвинительного приговора не всегда влечет реальное отбывание наказания. Так, в соответствии со статьей 73 Уголовного кодекса Российской Федерации, если, назначив исправительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы на срок до восьми лет, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, он постановляет считать назначенное наказание условным (часть первая); *при назначении условного осуждения суд устанавливает испытательный срок, в течение которого условно осуждённый должен своим поведением доказать своё исправление (часть третья); условное осуждение не исключает назначение дополнительных видов наказания (часть четвертая), которые по своей сути не являются условными; постановляя считать наказание условным, суд может возложить на условно осуждённого исполнение определённых обязанностей, способствующих его исправлению: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением осуждённого, не посещать определённые места и так далее (часть пятая).*

Условное осуждение по приговору суда не означает освобождения от уголовной ответственности и наказания: в отношении осуждённого выносится обвинительный приговор, в котором определяются вид наказания (основного и, возможно, дополнительного) и срок его отбывания, устанавливается испытательный срок, в течение которого осуществляется контроль за поведением условно осуждённого, на него могут быть возложены определённые обязанности, ограничивающие его права и свободы (части третья, четвертая, пятая и шестая статьи 73, часть третья статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации). Исходя из этого условным, по сути, является исполнение назначенного судом наказания: оно не считается исполненным до окончания испытательного срока, поскольку в течение этого срока суд по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением осуждённого (уголовно-исполнительной инспекции), может дополнить ранее установленные для условно осуждённого обязанности, продлить испытательный срок или постановить об отмене условного осуждения и исполнения наказания, назначенного приговором суда (часть седьмая статьи 73, части вторая и третья статьи 74 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Следовательно, ограничение условно осуждённых лиц в праве на выезд за пределы Российской Федерации представляет собой временную меру, преследующую цель обеспечить исполнение обвинительного приговора суда как конституционно значимого акта судебной власти.

4.2. Конституция Российской Федерации предоставляет каждому осуждённому за преступление право просить о смягчении наказания (статья 50, часть 3), одной из форм которого является *условно-досрочное освобождение* от отбывания наказания. Согласно статье 79 Уголовного кодекса Российской Федерации

оно применяется после фактического отбытия осуждённым соответствующего срока наказания, если судом будет признано, что для своего исправления лицо не нуждается в полном отбывании наказания; применяя условно-досрочное освобождение, суд может возложить на осуждённого ряд обязанностей, которые должны им исполняться в течение оставшейся неотбытой части наказания (части первая–третья).

Следовательно, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания означает, что назначенное лицу наказание исполняется без изоляции от общества в ином уголовно-исполнительном режиме, что также предполагает в качестве обеспечительной меры временное ограничение такого лица в праве на выезд за пределы Российской Федерации.

4.3. Из положений статьи 4 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации о распространении суверенитета Российской Федерации на всю её территорию и о верховенстве Конституции Российской Федерации и федеральных законов на всей территории Российской Федерации следует, что законодательство Российской Федерации действует на всей её территории. Уголовно-исполнительное законодательство, находящееся в ведении Российской Федерации (статья 71, пункт «о» Конституции Российской Федерации), применяется, согласно части первой статьи 6 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, на всей территории Российской Федерации. Соответственно территорией Российской Федерации ограничиваются и полномочия органов, контролирующих поведение осуждённых лиц.

Следовательно, реальный контроль за такими лицами, включая условно осуждённых или условно-досрочно освобождённых от отбывания наказания, со стороны уполномоченных государственных органов возможен лишь в пределах территории Российской Федерации.

В целях предотвращения указанных негативных последствий статья 18 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» предусматривает изъятие у лиц, осуждённых за совершение преступления, заграничных паспортов и направление их на хранение до истечения срока временного ограничения в государственный орган, осуществивший выдачу паспорта. Если же такое лицо обращается в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции (его территориальный орган) за получением заграничного паспорта, то в соответствии со статьёй 16 названного федерального закона ему выдается уведомление, в котором указываются основание и срок ограничения на выезд из Российской Федерации, дата и регистрационный номер решения об ограничении, полное наименование и юридический адрес организации, принявшей на себя ответственность за ограничение права данного гражданина на выезд из Российской Федерации. При этом основанием для отказа в выдаче осуждённым за совершение преступления заграничного паспорта, наличие которого является условием реализации гражданином Российской Федерации права выезжать за пределы Российской Федерации, служит положение подпункта 4 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Данный порядок, обеспечивающий *временное ограничение права на выезд за пределы Российской Федерации лиц, осуждённых за совершение преступления, не может рассматриваться как произвольный и неоправданный с точки зрения защищаемых Конституцией Российской Федерации ценностей, среди которых одной из важнейших является исполнение судебных решений, направленных в том числе на защиту конституционных прав граждан.*

5. Таким образом, подпункт 4 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в его конституционно-правовом смысле во взаимосвязи с нормами уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку предусмотренная им возможность временного — до отбытия (исполнения) наказания или до освобождения от наказания — ограничения права гражданина Российской Федерации на выезд из Российской Федерации в случае, если он осуждён за совершение преступления, *служит реализации целей правосудия и задач уголовного и уголовно-исполнительного законов, направлена на обеспечение исполнения приговора суда и соразмерна конституционно значимым целям.*

Этим не исключается право федерального законодателя *установить перечень оснований и определить организационно-правовые условия, при которых уполномоченный им государственный орган в определённых экстраординарных ситуациях — исходя из соображений гуманности и ввиду иных объективных и веских причин — разрешал бы осуждённым, которые в силу приговора суда или последующего условно-досрочного освобождения не находятся в местах лишения свободы, выезжать за пределы Российской Федерации».*

Положения статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункт 1 статьи 1070 и абзац третий статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статья 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 16 ИЮНЯ 2009 Г. № 9-П ПО ДЕЛУ
«О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ РЯДА ПОЛОЖЕНИЙ
СТАТЕЙ 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 И 30.7 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ,
ПУНКТА 1 СТАТЬИ 1070 И АБЗАЦА ТРЕТЬЕГО СТАТЬИ 1100
ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И СТАТЬИ 60 ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН
М.Ю. КАРЕЛИНА, В.К. РОГОЖКИНА И М.В. ФИЛАНДРОВА».**

Вопрос. О конституционно-правовом смысле понятия «лишение свободы». О понятии «законное задержание» и «задержание, произведённое в установленном законом порядке».

Из мотивировочной части:

«...Понятие «лишение свободы» в его конституционно-правовом смысле имеет автономное значение, заключающееся в том, что любые вводимые в отраслевом законодательстве меры, если они фактически влекут лишение свободы (будь

то санкция за правонарушение или принудительные меры, обеспечивающие производство по делу), должны отвечать критериям правомерности именно в контексте статьи 22 Конституции Российской Федерации и статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, составляющих нормативную основу регулирования ареста, задержания, заключения под стражу и содержания под стражей в сфере преследования за совершение уголовных и административных правонарушений в качестве мер допустимого лишения свободы.

Задержание, арест, заключение под стражу и содержание под стражей, несмотря на их процессуальные различия, по сути есть лишение свободы. В связи с этим Европейский Суд по правам человека, отмечая при толковании соответствующих положений Конвенции, что лишение физической свободы фактически может приобретать разнообразные формы, не всегда адекватные классическому тюремному заключению, предлагает оценивать их *не по формальным, а по сущностным признакам, таким как принудительное пребывание в ограниченном пространстве, изоляция человека от общества, семьи, прекращение выполнения служебных обязанностей, невозможность свободного передвижения и общения с неограниченным кругом лиц* (пункт 14 Постановления от 1 июля 1961 года по делу «Лоулесс (Lawless) против Ирландии» (№ 3), пункты 92 и 102 Постановления от 6 ноября 1980 года по делу «Гуззарди (Guzzardi) против Италии», пункты 55 и 68 Постановления от 28 октября 1994 года по делу «Мюррей (Murray) против Соединённого Королевства»), пункт 42 Постановления от 24 ноября 1994 года по делу «Кеммаш (Kemmache) против Франции» (№ 3)).

Европейский Суд по правам человека считает, что статья 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, провозглашая право на свободу и личную неприкосновенность, говорит о физической свободе лица; её цель — гарантировать, чтобы никто не мог быть произвольно лишён свободы в смысле данной статьи, для чего следует исходить из конкретной ситуации и учитывать такие критерии, как характер, продолжительность, последствия и условия исполнения рассматриваемой меры; лишение свободы и ограничение свободы отличаются друг от друга лишь степенью или интенсивностью, а не природой или сущностью (пункт 42 Постановления от 25 июня 1996 года по делу «Амоур (Amuur) против Франции»).

Таким образом, положения статей 22 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в её официальном истолковании Европейским Судом по правам человека определяют *характер и пределы допустимых ограничений права на свободу и личную неприкосновенность, устанавливаемых федеральным законодателем при регулировании принудительных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.* Соответственно, принудительные меры, обеспечивающие *производство по делам об административных правонарушениях, — поскольку они связаны с ограничением права на свободу и личную неприкосновенность, — не могут применяться в противоречии с указанными предписаниями.*

В частности, административное задержание в качестве принудительной меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении не может применяться, если оно не обусловлено целями, определёнными в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, в силу которого законным призна-

ется задержание лица, произведённое с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения.

Понятие «законное задержание», употреблённое в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, как и понятие «задержание, произведённое в установленном законом порядке» включают *обязанность осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях органов государственной власти и их должностных лиц соблюдать нормы материального и процессуального законодательства*. В контексте содержащихся в данной норме предписаний это означает, что задержанный имеет право на проверку соблюдения органом государственной власти или его должностным лицом законодательных положений, необходимых для признания применённой к нему принудительной меры законной в указанном смысле, а суд, в свою очередь, должен проверить как соблюдение процессуальных норм, на основе которых производится задержание, так и обоснованность этой меры с точки зрения целей, а также исходя из того, была ли она необходимой и разумной в конкретных обстоятельствах, послуживших основанием для её применения. При этом должностное лицо, производящее административное задержание, должно располагать такими фактами и сведениями, которые достаточны для объективно обоснованного подозрения в том, что задерживаемый мог совершить соответствующее правонарушение. Задержание во всяком случае не может быть признано обоснованным, если действия, вменяемые задержанному, в момент их совершения не могли расцениваться как правонарушение.

Само по себе то обстоятельство, что задержанное лицо не было впоследствии привлечено к административной ответственности и не предстало перед судом, не обязательно означает, что задержание было незаконным и нарушало требования статьи 22 Конституции Российской Федерации и подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Факты и сведения, которые дают основания для применения задержания как предварительной меры принуждения с целью обеспечения производства по делу об административном правонарушении, могут оказаться впоследствии недостаточными для принятия решения об административной ответственности. Требования, обуславливающие правомочность задержания, не предполагают, что компетентное должностное лицо уже в момент задержания должно иметь доказательства, достаточные для разрешения дела по существу. Целью задержания как обеспечительной меры является создание условий для проведения производства по делу о соответствующем административном правонарушении, с тем чтобы были проверены факты, подтверждены или устранены конкретные подозрения, обосновывающие задержание, подготовлены необходимые документы для передачи дела на рассмотрение суда.

Административное задержание является правомочным, если оно, отвечая критериям, вытекающим из статей 22 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, обусловлено характером правонарушения и необходимо для последующего исполнения решения по делу об административном правонарушении. Соответственно, признание ошибочности вынесенного

по делу об административном правонарушении судебного акта может не отразиться на оценке законности задержания в качестве предварительной меры по обеспечению производства по данному делу, а доводы о незаконности задержания не должны признаваться достаточными, если они сводятся к исключительности к утверждению, что вышестоящая инстанция, проверяя судебный акт, обнаружила ошибки в установлении фактических обстоятельств или применении норм права».

Положение пункта 11 статьи 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 20 АПРЕЛЯ 2009 Г. № 7-П ПО ДЕЛУ
«О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ
ПУНКТА 11 СТАТЬИ 38 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВОИНСКОЙ
ОБЯЗАННОСТИ И ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ» В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ
ГРАЖДАНИНА И.Н. КУАШЕВА».**

Вопрос. О конституционно-правовом смысле понятия «нахождение под следствием» в отношении военнослужащего.

Из мотивировочной части:

«...Использованное в Федеральном законе «О воинской обязанности и военной службе» понятие «*нахождение под следствием*», исходя из смысла уголовно-процессуального регулирования, может означать только, что *по возбуждённому уголовному делу осуществляется уголовное преследование в отношении военнослужащего*. Между тем сам по себе данный юридический факт, влекущий возникновение и развитие уголовно-процессуальных отношений, *не рассматривается в уголовном процессе как достаточное основание для дальнейших ограничений в правовом статусе лица, подвергаемого уголовному преследованию, которые возможны лишь на основе особых актов органов уголовного судопроизводства*. Следовательно, применение положения абзаца девятого пункта 11 статьи 38 названного Федерального закона, соответственно, также не должно иметь места без принятия специального процессуального решения должностными лицами органов предварительного расследования или судом.

Применительно к случаям, когда в отношении военнослужащего в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, избрана мера пресечения, которая сопряжена с его пребыванием в статусе военнослужащего и в реализации которой, соответственно, участвует командование воинской части (наблюдение командования воинской части или заключение под стражу с содержанием на гауптвахте), правомочие командования воинской части не исключать военнослужащего из списков личного состава воинской части по истечении срока военной службы — хотя при этом и увеличивается установленный законом срок военной службы — *в системе действующего правового регулирования не может рассматриваться как несоразмерное ограничение прав военнослужащих, в том числе вытекающих из статьи 59 Конституции Российской Федерации*.

Допуская оставление военнослужащего на военной службе по истечении законно установленного срока на основании одного лишь факта возбуждения

в отношении него уголовного дела при отсутствии надлежащих процессуально оформленных решений органов уголовного судопроизводства, оно тем самым создаёт возможность применения данной ограничительной меры без предусмотренных уголовно-процессуальным законом оснований, хотя данная мера направлена исключительно на обеспечение возможности осуществлять уголовное преследование и не обусловлена целями и задачами военной службы, вытекающими из статей 59 и 71 (пункт «м») Конституции Российской Федерации».

Положения статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвёртой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 27 ФЕВРАЛЯ 2009 Г. № 4-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ РЯДА ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЕЙ 37, 52, 135, 222, 284, 286 И 379.1 ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЧАСТИ ЧЕТВЁРТОЙ СТАТЬИ 28 ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «О ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И ГАРАНТИЯХ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ЕЁ ОКАЗАНИИ» В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН Ю.К. ГУДКОВОЙ, П.В. ШТУКАТУРОВА И М.А. ЯШИНОЙ».

Вопрос. О праве на свободу и личную неприкосновенность.

Из мотивировочной части:

«Провозглашённое в статье 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации право на свободу и личную неприкосновенность означает, что человек не может быть лишён свободы и заключен под стражу по произволу власти; любой опасности ограничения свободы и личной неприкосновенности, в том числе при наличии законных оснований, должно противостоять право на судебное обжалование.

Конституционное право на свободу и личную неприкосновенность включает, в частности, право не подвергаться ограничениям, которые связаны с применением таких принудительных мер, как задержание, арест, заключение под стражу или лишение свободы во всех иных формах, без предусмотренных законом оснований, санкции суда или компетентных должностных лиц, а также сверх установленных либо контролируемых сроков.

В ситуациях, связанных с ограничением права на свободу и личную неприкосновенность, особое значение приобретают *гарантии судебной защиты, что признается и международно-правовыми актами, согласно которым каждому арестованному или задержанному по уголовному обвинению лицу должно быть обеспечено право на судебное разбирательство в течение разумного срока или право на освобождение* (пункт 3 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, пункт 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод); *таким образом, ограничение свободы и личной неприкосновенности в течение значительного времени вне судебного контроля не допускается.*

Пункт 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 19 НОЯБРЯ 2009 Г. № 1344-О-Р ПО ДЕЛУ «О РАЗЪЯСНЕНИИ ПУНКТА 5 РЕЗОЛЮТИВНОЙ ЧАСТИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 2 ФЕВРАЛЯ 1999 ГОДА № 3-П ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 41 И ЧАСТИ ТРЕТЬЕЙ СТАТЬИ 42 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РСФСР, ПУНКТОВ 1 И 2 ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 16 ИЮЛЯ 1993 ГОДА «О ПОРЯДКЕ ВВЕДЕНИЯ В ДЕЙСТВИЕ ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ В ЗАКОН РСФСР «О СУДОУСТРОЙСТВЕ РСФСР», УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РСФСР, УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РСФСР И КОДЕКС РСФСР ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ».

Вопрос. О возможности назначения наказания в виде смертной казни.

Из мотивировочной части:

«Правовая позиция, выраженная в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П, заключается в следующем.

Из статьи 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации, согласно которой смертная казнь впредь до её отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, во взаимосвязи со статьями 18 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации следует, что в этих случаях *право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей выступает особой уголовно-процессуальной гарантией судебной защиты права каждого на жизнь (как основного, неотчуждаемого и принадлежащего каждому от рождения) и в силу её статьи 19 (части 1 и 2) должно быть обеспечено на равных основаниях и в равной степени всем обвиняемым независимо от места совершения преступления, установленной федеральным законом территориальной и иной подсудности таких дел и прочих подобного рода обстоятельств.*

Соответственно, в тех субъектах Российской Федерации, где на момент принятия Постановления суды присяжных уже были созданы, обвиняемые в преступлениях, за совершение которых установлена смертная казнь, *при определении меры наказания не должны были ставиться в неравноправное положение по сравнению с обвиняемыми в таких же преступлениях в субъектах Российской Федерации, где суд присяжных не функционирует; в такой ситуации применение*

исключительной меры наказания искажило бы предназначение и существо права, гарантированного статьей 20 Конституции Российской Федерации и, кроме того, явилось бы существенным нарушением принципа равенства, закреплённого её статьей 19.

Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что с момента вступления в силу данного Постановления и до введения в действие федерального закона, обеспечивающего на всей территории Российской Федерации в любой из возможных форм осуществления судопроизводства каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, наказание в виде смертной казни назначаться не может независимо от того, каким составом суда рассматривается дело — судом с участием присяжных заседателей, коллегией в составе трёх профессиональных судей или судом в составе судьи и двух народных заседателей.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации, разрешая в рамках предмета рассмотрения по данному делу вопрос *о возможности назначения наказания в виде смертной казни, исходил прежде всего из необходимости обеспечения гражданам равного права на рассмотрение их дел судом с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации.*

Из этого не следует, однако, отрицание необходимости учёта других обстоятельств, при наличии которых повсеместное введение в Российской Федерации суда с участием присяжных заседателей не означало бы автоматическое отпадение других условий для неприменения смертной казни, в том числе непосредственно *не затронутых в Постановлении тенденций в решении вопроса о смертной казни, связанных с международными обязательствами Российской Федерации в отношении моратория на применение смертной казни.* Имея основания полагать, что данный вопрос разрешится в разумные сроки, по крайней мере не превышающие сроки формирования судов с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, следуя предмету рассмотрения, проявил разумную сдержанность в отражении этого обстоятельства.

Соответственно, при выработке правовой позиции, выраженной в Постановлении от 2 февраля 1999 года № 3-П, Конституционный Суд Российской Федерации не мог не принимать во внимание, что вытекающее из статьи 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации право на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей, предоставляемое обвиняемому в преступлении, за совершение которого в качестве исключительной меры наказания установлена (впредь до её отмены) смертная казнь, *должно осуществляться с учетом общепризнанных принципов и норм международного права, а также положений международных договоров Российской Федерации.* Давая официальное разъяснение данного Постановления, Конституционный Суд Российской Федерации также не может не учитывать указанное обстоятельство.

Согласно Протоколу № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод смертная казнь отменяется; никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен (статья 1); государство может предусмотреть в своем законода-

тельстве смертную казнь за действия, совершённые во время войны или при неизбежной угрозе войны; подобное наказание применяется только в установленных законом случаях и в соответствии с его положениями; государство сообщает Генеральному секретарю Совета Европы соответствующие положения этого законодательства (статья 2); при этом не допускаются отступления от положений Протокола и оговорки на основании статей 15 и 57 Конвенции (статьи 3 и 4); Протокол подлежит ратификации, принятию или одобрению; ратификационные грамоты или документы о принятии или одобрении сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы (статья 7).

Тот факт, что Протокол № 6 до сих пор не ратифицирован, в контексте сложившихся правовых реалий не препятствует признанию его существенным элементом правового регулирования права на жизнь.

Выполнение обязательства не лишая Протокол № 6 — как подписанный, но не ратифицированный международный договор — его объекта и цели возлагается на государство в целом. Если органы, представляющие какую-либо из ветвей государственной власти, допускают отклонение от этого обязательства, его соблюдение может быть обеспечено другими ветвями власти — исходя из принципа разделения властей и принципа согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти, гарантируемого Президентом Российской Федерации (статья 10; статья 80, часть 2 Конституции Российской Федерации), с тем чтобы выполнение государством в целом своих обязательств оставалось в рамках статьи 18 Венской конвенции о праве международных договоров.

В связи с вступлением Российской Федерации в Совет Европы и подписанием Протокола № 6 предполагалось, что введенный на этой основе в правовой системе Российской Федерации временный мораторий на применение смертной казни — после ратификации Протокола № 6 (то есть не позднее 28 февраля 1999 года) — трансформируется в постоянно действующую норму, согласно которой никто не может быть приговорён к смертной казни или казнён. Одновременно с ратификацией Протокола № 6 соответствующие изменения, связанные с отменой этой санкции, должны были быть внесены в уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, о чём свидетельствует законопроект, направленный в Государственную Думу Президентом Российской Федерации.

Поскольку Протокол № 6 до сих пор не ратифицирован, он как таковой не может рассматриваться в качестве нормативного правового акта, непосредственно отменяющего в Российской Федерации смертную казнь в смысле статьи 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации. При этом в федеральном законодательстве сохраняются положения, предусматривающие данный вид наказания и, соответственно, процедуры его назначения и исполнения.

Вместе с тем, как следует из правовых позиций, выраженных в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П во взаимосвязи с другими его решениями, смертная казнь как исключительная мера наказания, установленная Уголовным кодексом Российской Федерации, по смыслу статьи 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации, допустима лишь в качестве временной меры («вредь до её отмены») в течение определенного переходного периода. В настоящее время соответствующие поло-

жения Уголовного кодекса Российской Федерации не могут применяться, поскольку сложившееся в Российской Федерации правовое регулирование права на жизнь, основанное на положениях статьи 20 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 15 (часть 4) и 17 и включающее также решения Конституционного Суда Российской Федерации, устанавливает запрет на назначение смертной казни и исполнение ранее вынесенных приговоров: в отношении запрета на вынесение смертных приговоров Российская Федерация связана конституционно-правовыми по своей природе обязательствами, вытекающими как из международно-правовых договоров, так и из внутрисударственных правовых актов, принятых Федеральным Собранием — парламентом Российской Федерации, Президентом Российской Федерации, Конституционным Судом Российской Федерации.

Это означает, что *в Российской Федерации действует конкретизирующий закрепленные Конституцией Российской Федерации гарантии права на жизнь комплексный мораторий на применение смертной казни, который, по смыслу составляющих его правовых актов, первоначально предполагался в качестве краткосрочного*. Вместе с тем данное правовое регулирование сохраняет своё действие более 10 лет (с момента принятия Россией на себя обязательств при вступлении в Совет Европы (28 февраля 1996 года) и подписания Протокола № 6 (16 апреля 1997 года), а также установления Конституционным Судом Российской Федерации (Постановление от 2 февраля 1999 года № 3-П) прямого запрета — в отсутствие надлежащих процессуальных гарантий — на назначение смертной казни) и легитимировано сложившейся правоприменительной практикой, в том числе последующими решениями Конституционного Суда Российской Федерации и решениями судов общей юрисдикции».

**ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО НАЛОГОВОМУ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ**

(по состоянию на 31 декабря 2010 года)

Подпункт «з» пункта 2 перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 20 ИЮЛЯ 2010 Г. № 17-П ПО ДЕЛУ
«О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОДПУНКТА «З»
ПУНКТА 2 ПЕРЕЧНЯ ВИДОВ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И ИНОГО
ДОХОДА, ИЗ КОТОРЫХ ПРОИЗВОДИТСЯ УДЕРЖАНИЕ
АЛИМЕНТОВ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ, В СВЯЗИ
С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНИНА Л.Р. АМАЯКЯНА».**

Вопрос. О режиме налогообложения индивидуального предпринимателя.

Из мотивировочной части:

«Перечень видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, утверждённый Правительством Российской Федерации в порядке реализации полномочия, делегированного ему статьёй 82 Семейного кодекса Российской Федерации, предусматривает в абзаце первом пункта 4, что взыскание алиментов с сумм заработной платы и иного дохода, причитающихся лицу, уплачивающему алименты, производится после удержания (уплаты) из этой заработной платы и иного дохода налогов в соответствии с налоговым законодательством. По смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой налогоплательщик не вправе распоряжаться по своему усмотрению частью своего имущества, подлежащей в виде определённой денежной суммы взносу в казну (Постановление от 17 декабря 1996 года № 20-П), *это означает, что алименты могут быть взысканы только с тех сумм заработной платы и иного дохода, которыми алиментно-обязанное лицо вправе распоряжаться.*

Следовательно, суммы, подлежащие уплате в бюджет в виде налогов, не входят в состав средств, образующих экономическую выгоду алиментно-обязанного лица. Не могут быть отнесены к ним и суммы расходов, которые алиментно-обязанное лицо — индивидуальный предприниматель несёт непосредственно в ходе предпринимательской деятельности и которые действительно необходимы для её осуществления, поскольку бременем несения таких расходов определяется, по сути, сама возможность реализации этим лицом конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности и, соответственно, исполнения своих алиментных обязательств.

Перечень видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, не закрепляет требование об учёте расходов, понесённых индивидуальным предпринимателем, в том числе перешедшим на упрощённую систему налогообложения, в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности, при определении размера доходов

в целях расчёта подлежащих взысканию алиментов (задолженности по уплате алиментов) на несовершеннолетних детей. Это, однако, не означает, что в указанных целях на семейные правоотношения, к каковым относятся отношения, связанные со взысканием и уплатой алиментов, распространяются положения налогового законодательства как таковые, при том что доказательством реальной величины экономической выгоды, имеющей значение для расчёта алиментных обязательств и, следовательно, исполнения обязанности по уплате алиментов, могут быть сведения, представленные в налоговой декларации.

Согласно Семейному кодексу Российской Федерации семейные отношения регулируются нормами семейного и гражданского законодательства; при отсутствии таких норм применяются нормы семейного и (или) гражданского права, регулирующие сходные отношения (аналогия закона), либо права и обязанности членов семьи определяются исходя из общих начал и принципов семейного или гражданского права (аналогия права), а также принципов гуманности, разумности и справедливости (статья 5). Из этого следует, что отношения, связанные с уплатой алиментов, налоговое законодательство не регулирует. Соответственно, определение размера доходов от занятия предпринимательской деятельностью без образования юридического лица для исчисления суммы алиментов, как это предусмотрено подпунктом «з» пункта 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, на основании положений налогового законодательства, определяющих в целях налогообложения размер доходов индивидуального предпринимателя, не отвечало бы отраслевой природе семейного права и обусловленной ею специфике семейного законодательства.

В свою очередь, положения налогового законодательства не могут быть истолкованы как допускающие во всех случаях взыскание алиментов с дохода в том его размере, который учитывается при налогообложении.

Налоговый кодекс Российской Федерации закрепляет в числе специальных налоговых режимов, предусматривающих особый порядок определения элементов налогообложения, а также освобождение от обязанности по уплате отдельных налогов и сборов, упрощённую систему налогообложения (статья 18) и предоставляет налогоплательщикам — организациям и индивидуальным предпринимателям возможность добровольного перехода к упрощённой системе налогообложения или возврата к иным режимам налогообложения (статья 346.11).

Выбирая тот или иной налоговый режим, индивидуальные предприниматели принимают во внимание экономические, не связанные с их семейно-правовым статусом, обстоятельства, прежде всего — состояние и перспективы развития бизнеса. *Установление в законе прямой зависимости исчисления алиментов от избранного индивидуальным предпринимателем режима налогообложения выходило бы за рамки регулирования собственно налоговых отношений, означало бы вторжение в частноправовые отношения и, как следствие, противоречило бы публично-правовому существу налогового законодательства.*

Налоговый кодекс Российской Федерации не препятствует индивидуальным предпринимателям, перешедшим на упрощённую систему налогообложения, независимо от выбора ими объекта налогообложения *предъявлять документальные доказательства понесённых ими расходов для определения объёма своих прав и обязанностей в иных, помимо налоговых, правоотношениях.*

Предъявление таких документов не обязывает принять их как безусловные доказательства обоснованности расходов, ими подтверждаемых, ни другую сторону в алиментном обязательстве, ни правоприменительные органы, устанавливающие размер подлежащих удержанию алиментов. Кроме того, факт представления алиментно-обязанным лицом — индивидуальным предпринимателем данных о понесённых им расходах не обязывает суд, разрешающий спор о взыскании алиментов, принять их исключительно на основании документов, применяемых при исчислении налогов, а равно не лишает суд права, исходя из принципа индивидуализации алиментных правоотношений и принимая во внимание материальное положение сторон, отклонить те из расходов, заявленных алиментно-обязанным лицом, которые не относятся к обоснованным или к связанным непосредственно с предпринимательской деятельностью и получением дохода, необходимого в том числе для содержания несовершеннолетних детей.

Поскольку бремя доказывания необходимости и обоснованности заявленных расходов лежит на самом плательщике алиментов, индивидуальные предприниматели, применяющие упрощённую систему налогообложения, могут использовать в их подтверждение книгу учёта доходов и расходов, которую они ведут для целей исчисления налоговой базы по налогу и форма и порядок заполнения которой утверждаются Министерством финансов Российской Федерации (статья 346.24 Налогового кодекса Российской Федерации), а те из них, кто избрал в качестве объекта налогообложения только доходы (без вычета расходов) и, следовательно, по смыслу налогового законодательства, вправе не вести учет расходов, могут использовать предусмотренные Федеральным законом от 21 ноября 1996 года № 129-ФЗ «О бухгалтерском учёте» первичные учётные документы, которыми подтверждаются понесённые ими расходы, для учёта при определении размера доходов, из которого подлежат удержанию алименты на несовершеннолетних детей.

Соответственно, правоприменительные органы, осуществляющие расчёт и взыскание алиментов (задолженности по уплате алиментов), при определении размера доходов индивидуального предпринимателя, перешедшего на упрощённую систему налогообложения и избравшего объектом налогообложения доходы, *обязаны учитывать понесённые им в связи с осуществлением предпринимательской деятельности расходы в случае их подтверждения*. В силу статьи 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод, плательщик или получатель алиментов при несогласии с расчётом размера алиментов (задолженности по уплате алиментов) вправе обжаловать его в суде, который, в свою очередь, разрешая дело по существу, должен исходить из совокупности всех обстоятельств, имеющих значение для определения размера подлежащих удержанию алиментов.

Иное, а именно возможность удержания алиментов с дохода, не уменьшенного на сумму понесённых в связи с осуществлением предпринимательской деятельности и надлежащим образом подтверждённых расходов, то есть без учёта заслуживающего внимания обстоятельства, относящегося к материальному положению стороны алиментного обязательства, означало бы отступление от вытекающего из статей 7 (часть 2), 17 (часть 3) и 38 (часть 2) Конституции Российской Федерации требования, конкретизированного в статье 7 Семейного кодекса

Российской Федерации, согласно которой осуществление членами семьи своих прав и исполнение ими своих обязанностей не должны нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан».

Пункт 2 статьи 38 Налогового кодекса Российской Федерации

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 30 СЕНТЯБРЯ 2010 Г. № 1258-О-О ПО ДЕЛУ «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ ГРАЖДАНИНА ЦАРИКОВСКОГО ИГОРЯ ФЁДОРОВИЧА НА НАРУШЕНИЕ ЕГО КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ПУНКТОМ 2 СТАТЬИ 38 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. Об установлении федеральным законодателем федеральных налогов и сборов и об уменьшении доходов налогоплательщика, учитываемых при определении размера налоговой базы по налогу на доходы физических лиц.

Из мотивировочной части:

«...общие принципы налогообложения и сборов относятся к основным гарантиям, закрепление которых в федеральном законе обеспечивает реализацию и соблюдение основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, принципов федерализма в Российской Федерации; при этом конституционное *полномочие законодательного органа Российской Федерации по установлению налогов означает также его обязанность самостоятельно реализовать эти полномочия; федеральный законодатель устанавливает федеральные налоги и сборы в соответствии с Конституцией Российской Федерации, самостоятельно определяя не только их перечень, но и все элементы налоговых обязательств.*

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 19 мая 2009 года № 1047-О-О, федеральный законодатель, действующий при определении налоговых обязанностей в рамках своих дискреционных полномочий и обладающий фискальным суверенитетом, *вправе устанавливать показатели оценки финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика, необходимые для целей налогообложения, исходя из стоимостных, экономических или физических данных, характеризующих объект налогообложения, основываясь в том числе на определениях и понятиях, используемых не только в налоговом, но и в иных отраслях законодательства.*

Вместе с тем налоговое регулирование предполагает установление *такого порядка налогообложения, чтобы каждый точно знал, какие налоги (сборы), когда и в каком порядке он должен платить (пункт 6 статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации).* Непротиворечивость, ясность актов законодательства о налогах и сборах обеспечивается в том числе установленным Налоговым кодексом Российской Федерации порядком применения институтов, понятий и терминов гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации. Как вытекает из пункта 1 статьи 11 Налогового кодекса Российской Федерации и в силу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Определении от 6 июня 2002 года № 116-О, в тех случаях, когда Налоговый кодекс Российской Федерации содержит определение того или иного юридически значимого термина, в налоговых отношениях он должен

использоваться именно в таком, специальном, значении, если даже в других отраслях законодательства ему придаётся иной смысл.

...законодатель, осуществляя правовое регулирование в области налогообложения, в том числе предусматривая возможность уменьшения доходов налогоплательщика, учитываемых при определении размера налоговой базы по налогу на доходы физических лиц, установил для этих целей различные механизмы уменьшения налогового бремени.

Как ранее указывал Конституционный Суд Российской Федерации, право налогоплательщика на уменьшение налоговой базы по налогу на доходы физических лиц в зависимости от источника дохода физического лица реализуется или в виде права на имущественный налоговый вычет, или в виде права уменьшения сумм облагаемых налогом доходов на сумму фактически произведённых налогоплательщиком и документально подтверждённых расходов, связанных с получением этих доходов (в том числе при продаже доли (её части) в уставном капитале организации). При этом само по себе установление федеральным законодателем особенностей формирования налоговой базы по налогу на доходы физических лиц в зависимости от источника дохода налогоплательщика относится к дискреционным полномочиям законодателя и не нарушает конституционные права и свободы налогоплательщиков».

Подпункт 5 пункта 2 статьи 346.26 Налогового кодекса Российской Федерации

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 15 ИЮЛЯ 2010 Г. № 1066-О-О ПО ДЕЛУ «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР «КОМЭЛЕКТРОТЕХ» НА НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ПОДПУНКТОМ 5 ПУНКТА 2 СТАТЬИ 346.26 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. Об исключении двойного налогообложения.

Из мотивировочной части:

«Федеральный законодатель, осуществляя налоговое регулирование на основании Конституции Российской Федерации, имеет дискреционные полномочия в выборе правовых средств, что позволяет ему учитывать особенности ведения налогоплательщиками предпринимательской деятельности, в том числе для целей системы налогообложения в виде единого налога на вменённый доход для отдельных видов деятельности (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 октября 2005 года № 405-О). При этом в соответствии с пунктом 4 статьи 346.26 Налогового кодекса Российской Федерации уплата организациями единого налога предусматривает их освобождение от обязанности по уплате налога на прибыль организаций (в отношении прибыли, полученной от предпринимательской деятельности, облагаемой единым налогом) и налога на имущество организаций (в отношении имущества, используемого для ведения предпринимательской деятельности, облагаемой единым налогом). Кроме

того, организации и индивидуальные предприниматели, являющиеся налогоплательщиками единого налога, не признаются налогоплательщиками налога на добавленную стоимость (в отношении операций, признаваемых объектами налогообложения в соответствии с главой 21 данного Кодекса, осуществляемых в рамках предпринимательской деятельности, облагаемой единым налогом).

Таким образом, *федеральный законодатель исключил возможность двойного налогообложения — по общей системе и по системе налогообложения в виде единого налога на вменённый доход для отдельных видов деятельности».*

Статья 235, абзац второй пункта 1 статьи 236, пункт 2 статьи 252, подпункт 1 пункта 1 статьи 264 и пункт 3 статьи 273 Налогового кодекса Российской Федерации

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 6 ИЮЛЯ 2010 Г. №1084-О-О ПО ДЕЛУ «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ ГРАЖДАНИНА ШКАПОВА АЛЕКСАНДРА СТАНИСЛАВОВИЧА НА НАРУШЕНИЕ ЕГО КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ СТАТЬЁЙ 235, АБЗАЦЕМ ВТОРЫМ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 236, ПУНКТОМ 2 СТАТЬИ 252, ПОДПУНКТОМ 1 ПУНКТА 1 СТАТЬИ 264 И ПУНКТОМ 3 СТАТЬИ 273 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. Об исчислении единого социального налога.

Из мотивировочной части:

«...как следует из ряда решений Конституционного Суда Российской Федерации, налоги устанавливаются законодателем в соответствии с сущностью каждого из них и как элементы единой налоговой системы, параметры и условия функционирования которой применительно к каждому налогоплательщику определяются объективными закономерностями и требованиями, включая их экономическую обоснованность и недопустимость произвольного установления, что подтверждается в том числе положениями статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации. Соответственно, Конституционным Судом Российской Федерации был сделан вывод, *что уплата того или иного налога может рассматриваться как обстоятельство, учитываемое при формировании последующих налоговых обязательств налогоплательщика* (определения от 1 октября 2009 года № 1269-О-О, от 1 октября 2009 года № 1268-О-О и от 1 декабря 2009 года № 1484-О-О).

Вместе с тем, поскольку при установлении объекта налогообложения и налоговой базы того или иного налога, являющегося частью единой налоговой системы государства, законодатель вправе самостоятельно избирать оптимальные способы учёта тех или иных экономических значимых характеристик соответствующего объекта (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2004 года № 451-О), *обеспечение им учёта одних налогов при исчислении связанных с ними в определённом отношении других, реализуемое, по общему правилу, на началах широкого усмотрения законодателя, может тем не менее являться необходимым условием правомерности налогообложения в тех случаях, когда иное приводило бы к несправедливому, несоразмерному, в том числе*

двойному налогообложению (например, в результате совпадения налоговой базы и объекта налогообложения).

Согласно пункту 1 статьи 252 Налогового кодекса Российской Федерации в целях главы 25 налогоплательщик уменьшает полученные доходы на сумму произведённых расходов (за исключением расходов, указанных в статье 270 данного Кодекса); расходами признаются обоснованные и документально подтверждённые затраты (а в случаях, предусмотренных статьёй 265 данного Кодекса, убытки), осуществлённые (понесённые) налогоплательщиком. При этом статьёй 264 Налогового кодекса Российской Федерации к прочим расходам, связанным с производством и реализацией, отнесены в том числе суммы налогов и сборов, начисленные в установленном законодательством Российской Федерации порядке, за исключением перечисленных в статье 270 Налогового кодекса Российской Федерации, которая не предусматривает возможность учёта расходов в виде сумм налога на прибыль для целей налогообложения прибыли (пункт 4).

По смыслу приведённых законоположений, при исчислении единого социального налога вычетам подлежали только расходы, связанные с извлечением дохода от предпринимательской и профессиональной деятельности. Что же касается сумм налога на доходы физических лиц, уплачиваемых налогоплательщиками — индивидуальными предпринимателями с полученных ими доходов, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, то они напрямую не были отнесены законодателем к числу расходов для целей налогообложения единым социальным налогом и, соответственно, не могли уменьшать его налогооблагаемую базу. Иное приводило бы к противопоставлению различных по своему социально-целевому назначению и экономико-правовым характеристикам налоговых обязательств, в результате чего исполнение обязанности по уплате налога на доходы физических лиц могло бы препятствовать исполнению обязанности по уплате единого социального налога, то есть фактически освобождало от её исполнения и влекло бы за собой уменьшение финансовой основы социального страхования. Между тем, как подчёркивал Конституционный Суд Российской Федерации, в тех случаях, когда законодатель имеет намерение вывести из-под налогообложения те или иные субъекты либо объекты налогообложения, он прямо на это указывает (Постановление от 22 июня 2009 года № 10-П, Определение от 1 ноября 2007 года № 719-О-О)».

Пункт 1 статьи 20 и подпункт 2 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 17 ИЮНЯ 2010 Г. № 904-О-О ПО ДЕЛУ
«ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ
ГРАЖДАНИНА ШИЛОВА АЛЕКСЕЯ АНДРЕЕВИЧА НА НАРУШЕНИЕ
ЕГО КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ПОЛОЖЕНИЯМИ ПУНКТА 1
СТАТЬИ 20 И ПОДПУНКТА 2 ПУНКТА 1 СТАТЬИ 220 НАЛОГОВОГО
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».**

Вопрос. О праве плательщиков налога на доходы физических лиц на получение имущественного налогового вычета.

Из мотивировочной части:

«Право плательщиков налога на доходы физических лиц на получение имущественного налогового вычета при совершении сделок купли-продажи жилого дома, квартиры, комнаты или доли (долей) закреплено федеральным законодателем в статье 220 Налогового кодекса Российской Федерации в целях стимулирования граждан к улучшению их жилищных условий. Смысл имущественного налогового вычета состоит в предоставлении физическим лицам налоговой льготы при строительстве либо приобретении на территории Российской Федерации жилого дома, квартиры, комнаты или доли (долей) в них (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 марта 2008 года № 5-П).

Освобождение от уплаты налогов по своей природе — льгота, которая является исключением из вытекающих из Конституции Российской Федерации (статьи 19 и 57) принципов всеобщности и равенства налогообложения, в силу которых каждый обязан платить законно установленный налог с соответствующего объекта налогообложения. Льготы всегда носят адресный характер, и их установление относится к исключительной прерогативе законодателя. Именно законодатель вправе определять (сужать или расширять) круг лиц, на которых распространяются налоговые льготы (Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 1997 года № 5-П и от 28 марта 2000 года № 5-П).

Решая задачи по стимулированию граждан к улучшению своих жилищных условий, федеральный законодатель вместе с тем предусмотрел случаи, когда право на имущественный налоговый вычет не применяется. К их числу отнесены случаи, когда улучшение жилищных условий налогоплательщика произведено за счёт средств работодателей или иных лиц, средств материнского (семейного) капитала, направляемых на обеспечение реализации дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей, за счёт выплат, предоставленных из средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, а также случаи, когда сделка купли-продажи жилого дома, квартиры, комнаты или доли (долей) совершается между физическими лицами, являющимися взаимозависимыми в соответствии со статьёй 20 Налогового кодекса Российской Федерации.

Таким образом, с учётом целевой направленности оспариваемых норм, рассматриваемых с точки зрения приведённых правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, само по себе установление в них исключений из правил предоставления имущественного налогового вычета по налогу на доходы физических лиц не свидетельствует о нарушении конституционных прав и свобод заявителя. Реализация же заявителем преимущественного права покупки, предусмотренного статьёй 250 Гражданского кодекса Российской Федерации, не является показателем того, что его права могли быть нарушены применением оспариваемых положений Налогового кодекса Российской Федерации в указанном в жалобе аспекте».

Пункт 1 статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 8 АПРЕЛЯ 2010 Г. № 441-О-О ПО ДЕЛУ
«ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ
ГРАЖДАНКИ ИЗМАЙЛОВОЙ ГАЛИНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ**

НА НАРУШЕНИЕ ЕЁ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ПУНКТОМ 1 СТАТЬИ 89 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. О налоговом контроле.

Из мотивировочной части:

«Пункт 1 статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации предусматривает, что выездная налоговая проверка проводится на территории (в помещении) налогоплательщика на основании решения руководителя (заместителя руководителя) налогового органа. Данная норма предполагает и иной вариант проведения выездной налоговой проверки: в случае, если у налогоплательщика отсутствует возможность предоставления помещения для проведения выездной налоговой проверки, выездная налоговая проверка может проводиться по месту нахождения налогового органа. Однако это не означает, что при проведении выездной налоговой проверки по месту нахождения налогового органа такая налоговая проверка по своим параметрам и предназначению совпадает с камеральной налоговой проверкой.

Из смысла приведённой нормы следует, что выездная налоговая проверка ориентирована на выявление тех нарушений налогового законодательства, которые не всегда можно обнаружить в рамках камеральной налоговой проверки: для их выявления требуется углублённое изучение документов бухгалтерского и налогового учёта, а также проведение ряда специальных мероприятий контроля, например осмотра (статья 92 Налогового кодекса Российской Федерации) и выемки документов и предметов (статья 94 Налогового кодекса Российской Федерации). Как правило, именно в рамках выездных налоговых проверок выявляются и нарушения, обусловленные злоупотреблениями налогоплательщика в налоговой сфере, стремлением уклониться от налогообложения.

Камеральная же налоговая проверка, по смыслу пункта 1 статьи 88 Налогового кодекса Российской Федерации, является формой текущего документального контроля за соблюдением налогового законодательства, который проводится на основе налоговых деклараций (расчётов) и документов, представленных налогоплательщиком, а также других документов о деятельности налогоплательщика, имеющихся у налогового органа. В отличие от выездной налоговой проверки, она нацелена на своевременное выявление ошибок в налоговой отчётности и оперативное реагирование налоговых органов на обнаруженные нарушения, что позволяет смягчить для налогоплательщиков последствия от неправильного применения ими налогового закона.

Как показывает анализ оспариваемого положения Налогового кодекса Российской Федерации, рассматриваемого во взаимосвязи с иными положениями данного Кодекса, оно не предполагает дублирования контрольных мероприятий, осуществляемых в рамках выездных и камеральных налоговых проверок. Вместе с тем оно не исключает выявления при проведении выездной налоговой проверки (как более углубленной формы налогового контроля) нарушений, которые не были обнаружены при проведении камеральной налоговой проверки. Следовательно, нет оснований считать, что данная норма представляет собой инструмент чрезмерного ограничения права собственности и иных прав налогоплательщика».

Подпункт 5 пункта 2 статьи 337 Налогового кодекса Российской Федерации

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 1 МАРТА 2010 Г. № 430-О-О ПО ДЕЛУ
«ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ
ОТКРЫТОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «СВЯТОГОР»
НА НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД
ПОДПУНКТОМ 5 ПУНКТА 2 СТАТЬИ 337 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Вопрос. О толковании судами норм налогового законодательства.

Из мотивировочной части:

«Согласно пункту 7 статьи 3 «Основные начала законодательства о налогах и сборах» Налогового кодекса Российской Федерации все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика (плательщика сборов). По смыслу приведенной нормы, на суды, применяющие нормы налогового законодательства, возложена обязанность добиваться достижения установленной этой нормой цели путём использования различных способов толкования.

Правовой принцип *in dubio contra fiscum* («сомнение — против фиска») представляет собой проявление в налоговом законодательстве конституционного принципа законного установления налогов и сборов (статья 57 Конституции Российской Федерации), в силу которого налоговые органы могут действовать в сфере налогообложения только в тех пределах, в том объёме налоговой нагрузки, которая установлена законом, то есть актом, принятым с соблюдением демократических процедур. Норма пункта 7 статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации является нормой, относящейся к федеральному коллизионному праву (статья 71, пункт «п» Конституции Российской Федерации), и, как содержащая одно из правил толкования, имеет целью защиту интересов налогоплательщика».

Пункт 1 статьи 4 Налогового кодекса Российской Федерации и абзац второй пункта 2 статьи 66 Земельного кодекса Российской Федерации

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 3 ФЕВРАЛЯ 2010 Г. №165-О-О ПО ДЕЛУ
«ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЗАПРОСА
АРБИТРАЖНОГО СУДА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ О ПРОВЕРКЕ
КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 4 НАЛОГОВОГО
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И АБЗАЦА ВТОРОГО
ПУНКТА 2 СТАТЬИ 66 ЗЕМЕЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ».**

Вопрос. О праве федерального законодателя осуществлять правовое регулирование по вопросам, связанным с налогообложением и сборами подзаконными актами. О правовом регулировании земельного налога.

Из мотивировочной части:

«Вместе с тем федеральный законодатель, обладая в сфере налогообложения достаточно широкой свободой усмотрения, вправе — с соблюдением конститу-

ционных принципов законного установления налогов и сборов (статья 57 Конституции Российской Федерации) и разделения единой государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную при обеспечении их взаимодействия (статья 10 Конституции Российской Федерации) — *предусмотреть в целях обеспечения организации исполнения актов законодательства о налогах и сборах нормативное правовое регулирование по вопросам, связанным с налогообложением и сборами, подзаконными актами, которые при этом не могут изменять или дополнять законодательство о налогах и сборах. Возможность принятия именно такого рода актов предусмотрена в пункте 1 статьи 4 Налогового кодекса Российской Федерации, которым к числу субъектов подзаконного нормативного правового регулирования вопросов, связанных с налогообложением и сборами, отнесены органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.* Соответствующие нормативные правовые акты в силу прямого указания пункта 5 статьи 5 Налогового кодекса Российской Федерации действуют во времени по правилам, предусмотренным данной статьёй для актов законодательства о налогах и сборах, и, следовательно, предполагают соблюдение общего режима гарантий прав налогоплательщиков, связанных со сроками вступления актов о налогах и сборах в силу.

Само по себе такое законодательное регулирование не выходит за пределы дискреционных полномочий федерального законодателя в налоговой сфере и не нарушает конституционные права налогоплательщиков.

2.2. Положениями статьи 390 и пункта 1 статьи 391 Налогового кодекса Российской Федерации установлены налоговая база по земельному налогу и порядок её определения посредством использования понятия кадастровой стоимости земельного участка, которым определяется объект налогообложения. Поскольку кадастровая стоимость учитывается в целях налогообложения земельным налогом, значение этого понятия в силу статьи 11 Налогового кодекса Российской Федерации должно применяться в соответствии с земельным законодательством, если иное не предусмотрено названным Кодексом. Данным положением корреспондирует пункт 5 статьи 65 Земельного кодекса Российской Федерации, в соответствии с которым для целей налогообложения и в иных случаях, предусмотренных названным кодексом, федеральными законами устанавливается кадастровая стоимость земельного участка.

В соответствии с абзацем вторым пункта 2 статьи 66 Земельного кодекса Российской Федерации средний уровень кадастровой стоимости по муниципальному району (городскому округу) утверждают органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Как ранее указывал Конституционный Суд Российской Федерации, федеральный законодатель, действующий при определении налоговых обязанностей в рамках своих дискреционных полномочий и обладающий фискальным суверенитетом, вправе устанавливать показатели оценки финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика, необходимые для целей налогообложения, исходя из стоимостных, экономических или физических данных, характеризующих объект налогообложения, основываясь на правилах бухгалтерского учёта, а также использовать определения и понятия не только налогового, но и иных отраслей законодательства. Следовательно, то обстоятельство, что установление налоговой базы по земельному налогу, определяемой как кадастровая стоимость земельного участка, и проведение государственной кадастровой оценки земель для установления кадастровой

стоимости земельного участка для целей налогообложения регламентируются нормами налогового и земельного законодательства, не может рассматриваться как свидетельство отсутствия обоснованности и произвольности исчисления земельного налога (Определение от 19 мая 2009 года № 1047-О-О).

Таким образом, как вытекает из действующего законодательства и приведённой правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, *правовое регулирование земельного налога носит комплексный характер и состоит из актов как налогового, так и земельного законодательства, которое используется для целей налогообложения. Вместе с тем такое правовое регулирование должно производиться с соблюдением вытекающих из Конституции Российской Федерации и получающих конкретизацию в действующем налоговом законодательстве гарантий прав налогоплательщиков, включая те, которые определяют особый порядок вступления в силу актов о налогах и сборах. Иное означало бы возможность снижения конституционных гарантий прав налогоплательщиков исключительно по формальным основаниям, связанным с самой по себе отраслевой принадлежностью нормативных правовых актов, которые используются для целей налогообложения, что недопустимо».*

Положение статьи 213 Налогового кодекса Российской Федерации

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 19 ЯНВАРЯ 2010 Г. № 137-О-П ДЕЛО

«ПО ЖАЛОБЕ ГРАЖДАНКИ ЛИМОНОВОЙ ЛЮДМИЛЫ ЮРЬЕВНЫ НА НАРУШЕНИЕ ЕЁ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ПОЛОЖЕНИЕМ СТАТЬИ 213 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. О включении в налоговую базу по налогу на доходы физических лиц сумм страховых взносов по договорам добровольного пенсионного страхования работников.

Из мотивировочной части:

«2.1. Статья 213 Налогового кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 29 декабря 2004 года № 204-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации», действовавшая с 1 января 2005 года по 1 января 2008 года, предусматривала включение в налоговую базу по налогу на доходы физических лиц сумм страховых взносов по договорам добровольного пенсионного страхования работников, если указанные суммы вносились за физических лиц из средств работодателей (пункт 3), при этом доходы, полученные в виде страховых выплат, при определении налоговой базы не учитывались, если такие выплаты осуществлялись при наступлении пенсионных оснований в соответствии с законодательством Российской Федерации (пункт 1).

До 1 января 2005 года действовало аналогичное правовое регулирование, в рамках которого при определении налоговой базы также учитывались суммы страховых взносов, если они вносились за физических лиц из средств работодателей, за исключением случаев, когда общая сумма вносимых работодателями взносов не превышала пяти тысяч рублей в год на одного работника (пункт 3 статьи 213 Налогового кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 163-ФЗ).

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 6 марта 2008 года № 297-О-О, при регулировании отношений по добровольному пенсионному страхованию имеет существенное значение экономическая характеристика объекта налогообложения и налоговой базы. Выплаты по договору добровольного пенсионного страхования определяются исходя из размера перечисленных работодателем в пользу работника страховых взносов. Такое толкование природы и механизма добровольного пенсионного страхования позволяет сделать вывод о том, что удержание налога на доходы физических лиц в переходный период как с сумм страховых взносов, так и с сумм страховых выплат означало бы двойное налогообложение экономической выгоды, которую получает застрахованное лицо, а следовательно, приводило бы к необоснованному снижению предоставляемых ему гарантий, что недопустимо.

2.2. Таким образом, оспариваемое законоположение, рассматриваемое с учётом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в сохраняющих свою силу решениях, не предполагает обязанность уплаты налога на доходы физических лиц с сумм страховых выплат по договорам добровольного пенсионного страхования за счёт средств работодателя, заключённым до 1 января 2008 года, если до указанной даты с соответствующих страховых взносов данный налог был уплачен в полном объёме.

Федеральный законодатель, изменяя порядок определения налоговой базы по налогу на доходы физических лиц в указанном случае, обязан был предусмотреть особенности вступления в силу новой редакции оспариваемого законоположения, однако соответствующее правовое регулирование своевременно осуществлено не было. В силу статей 79 и 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» федеральному законодателю в целях устранения образовавшегося пробела надлежит внести в Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 216-ФЗ изменения с учётом настоящего Определения, предусмотрев переходные положения, касающиеся порядка применения новой редакции статьи 213 Налогового кодекса Российской Федерации.

Впредь до внесения необходимых изменений — учитывая, что в случаях, когда страховые взносы были уплачены в полном объёме до 1 января 2008 года, определяющее правовое значение имеет момент их уплаты страхователем, — при разрешении вопроса о налогообложении налогом на доходы физических лиц подлежат применению положения пунктов 1 и 3 статьи 213 Налогового кодекса Российской Федерации в редакции, действовавшей до 1 января 2008 года».

Положение абзаца пятого подпункта 2 пункта 1 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 23 ДЕКАБРЯ 2009 Г. № 20-П ПО ДЕЛУ
«О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ АБЗАЦА
ПЯТОГО ПОДПУНКТА 2 ПУНКТА 1 СТАТЬИ 165 НАЛОГОВОГО
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЗАПРОСОМ
ВЫСШЕГО АРБИТРАЖНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».**

Вопрос. О механизме предоставления ставки 0 процентов по налогу на добавленную стоимость и возмещения налога.

Из мотивировочной части:

«3. Закрепление в подпункте 2 пункта 1 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации требования о представлении налогоплательщиком в налоговый орган выписки банка (копии выписки) в качестве документа, подтверждающего фактическое поступление на его счёт в российском банке выручки от реализации товара (припасов) иностранному лицу, обусловлено вытекающей из статьи 57 Конституции Российской Федерации и предусмотренной в пункте 1 статьи 32 Налогового кодекса Российской Федерации обязанностью налоговых органов осуществлять контроль за соблюдением законодательства о налогах и сборах, включая контроль за полнотой исчисления налогов при совершении внешнеторговых сделок.

Данное требование направлено *также на обеспечение реализации предписаний главы 3 Федерального закона от 10 декабря 2003 года № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» о репатриации резидентами, осуществляющими внешнеторговую деятельность, иностранной валюты и валюты Российской Федерации, причитающейся за переданные нерезидентам товары.* Механизм предоставления ставки 0 процентов по налогу на добавленную стоимость и возмещения налога в данном случае служит экономическим стимулом к соблюдению резидентами требований валютного законодательства. Соответственно, с точки зрения валютного законодательства значение имеет лишь основание платежа — *внешнеторговый контракт*, что позволяет идентифицировать поступивший на счёт в российский уполномоченный банк платёж как экспортную выручку. Каких-либо специальных условий относительно гражданско-правовых оснований возложения исполнения соответствующего гражданско-правового обязательства на плательщика — третье лицо названный Федеральный закон не содержит.

Дополнение подпункта 2 пункта 1 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации абзацем пятым, обязывающим налогоплательщика при поступлении на его счёт выручки от реализации товара (припасов) иностранному лицу от третьего лица представлять в налоговый орган наряду с выпиской банка (её копией) договор поручения по оплате за указанный товар (припасы), заключённый между иностранным лицом и организацией (лицом), осуществившей (осуществившим) платёж, *с очевидностью свидетельствует о стремлении федерального законодателя исключить подобную неопределённость. Вместе с тем как и всякая специальная норма, которая вводится в условиях уже действующего гражданско-правового регулирования соответствующих отношений, норма абзаца пятого подпункта 2 пункта 1 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации, регулируя налоговые отношения, должна не только опираться на преследуемую законодателем цель и охраняемый ею публичный интерес, но и быть адекватной этой цели.*

3.2. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, нормы налогового законодательства — исходя не только из публичных интересов государства, но и из частных интересов физических и юридических лиц как субъектов гражданских правоотношений — *должны быть гармонизированы с носящими диспозитивный характер нормами гражданского законодательства* (Постановление от 14 июля 2003 года № 12-П, определения от 4 апреля 2006 года № 98-О и от 13 июня 2006 года № 319-О), *в том числе с Гражданским*

кодексом Российской Федерации, предусматривающим возможность использования и других, помимо договора поручения, гражданско-правовых средств для регулирования отношений, возникающих в связи с осуществлением оплаты за поставленный товар (припасы), в частности для подтверждения фактического поступления денежных средств на счёт продавца.

Налоговые обязательства, будучи прямым следствием деятельности в экономической сфере, неразрывно с нею связаны. Их возникновению, как правило, предшествует вступление лица в гражданские правоотношения, то есть *налоговые обязательства базируются на гражданско-правовых отношениях либо тесно с ними связаны.* С учётом этого в пункте 1 статьи 11 Налогового кодекса Российской Федерации установлено, что институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации, *используемые в данном Кодексе, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено Налоговым кодексом Российской Федерации. Тем самым предполагается наличие в налоговом законодательстве норм, реализация которых находится в зависимости от правового регулирования, содержащегося в иных отраслях законодательства (в том числе от гражданско-правового регулирования соответствующих отношений, в частности с точки зрения их налоговых последствий), и не исключается наличие норм, использующих понятия других отраслей законодательства в собственном налоговом смысле.*

В данном случае имеющая императивный характер норма абзаца пятого подпункта 2 пункта 1 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации, по своему буквальному смыслу, обуславливает наступление специальных налоговых последствий фактического поступления выручки от реализации товаров (припасов) иностранному лицу, если эта выручка поступила на счёт налогоплательщика в российском банке от третьего лица, необходимостью представить в качестве доказательства этого именно и только договор поручения, который не имеет ни специального терминологического значения для применения исключительно в целях налогообложения, ни значения термина межотраслевого характера, но *обладает самостоятельным юридическим значением в гражданско-правовой сфере.*

Следовательно, положение абзаца пятого подпункта 2 пункта 1 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации *не только придаёт юридическое значение самому факту зачисления экспортной выручки на счёт налогоплательщика в российском банке, но и — указывая именно и только на договор поручения — косвенно регламентирует в рамках императивных требований налогового законодательства сами отношения, явившиеся основанием для зачисления выручки на счёт налогоплательщика.*

В результате рассогласованности с действующим гражданско-правовым регулированием — в нарушении принципа юридического равенства, закреплённого статьёй 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации, — *исключается возможность подтверждения налогоплательщиком фактического поступления выручки на его счёт от третьего лица альтернативными способами (какими-либо иными документами, имеющимися у налогоплательщика и могущими служить доказательствами фактического поступления экспортной выручки именно от иностранного покупателя товара).*

Соответственно, принимая во внимание, что само по себе возложение на налогоплательщика — в целях осуществления предусмотренного пунктом 1 статьи 164 Налогового кодекса Российской Федерации *права на применение ставки 0 процентов по налогу на добавленную стоимость — обязанности подтверждения фактического поступления на его счёт в российском банке выручки от реализации товаров (припасов) иностранному лицу, в том числе в случае, если эта выручка поступила на счёт налогоплательщика от третьего лица, не противоречит Конституции Российской Федерации, федеральному законодателю необходимо — исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учётом настоящего Постановления — установить надлежащий правовой механизм реализации данной обязанности».*

Отдельные положения пункта 4 части второй статьи 250, статьи 321.1 Налогового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 3 статьи 41 Бюджетного кодекса Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 22 ИЮНЯ 2009 Г. № 10-П ПО ДЕЛУ
«О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПУНКТА 4 ЧАСТИ ВТОРОЙ СТАТЬИ 250, СТАТЬИ 321.1 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И АБЗАЦА ВТОРОГО ПУНКТА 3 СТАТЬИ 41 БЮДЖЕТНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ РОССИЙСКОГО ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Д.И. МЕНДЕЛЕЕВА И МОСКОВСКОГО АВИАЦИОННОГО ИНСТИТУТА (ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 16 ИЮЛЯ 2009 Г. № 939-О-О ПО ДЕЛУ
«ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА НА НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ПОЛОЖЕНИЯМИ СТАТЕЙ 251 И 321.1 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТАТЕЙ 41 И 42 БЮДЖЕТНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. О взимании налога на прибыль организаций доходов, полученных от использования имущества, находящегося в государственной собственности.

Из мотивировочной части:

«3. По смыслу правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 13 марта 2008 года № 5-П, *налоговые обязательства организаций являются прямым следствием их деятельности в экономической сфере и потому неразрывно с ней связаны; возникновению налоговых обязательств, как правило, предшествует вступление организации в гражданские правоотношения, то есть налоговые обязательства базируются на гражданско-правовых отношениях либо тесно с ними связаны.* Следовательно, бюджетные учреждения признаются плательщиками налога на прибыль организаций, поскольку они допущены государством к участию в гражданском обо-

роте в качестве самостоятельных субъектов, обладающих правом оперативного управления государственным имуществом, и уполномочены на осуществление деятельности, связанной с получением экономической выгоды.

Закрепляя правила определения налогоплательщиками — бюджетными учреждениями — налоговой базы по налогу на прибыль организаций, *федеральный законодатель установил, что в составе доходов и расходов бюджетных учреждений, включаемых в налоговую базу, не учитываются доходы, полученные в виде средств целевого финансирования и целевых поступлений на содержание бюджетных учреждений и ведение уставной деятельности, финансируемой за счёт указанных источников, и расходы, производимые за счёт этих средств (абзац первый пункта 2 статьи 321.1 Налогового кодекса Российской Федерации).*

3.1. Доходами от коммерческой деятельности бюджетных учреждений, которые — в отличие от доходов, получаемых ими в рамках целевого финансирования, — для целей главы 25 Налогового кодекса Российской Федерации отнесены к доходам от иных источников, признаются доходы, получаемые бюджетными учреждениями от юридических и физических лиц по операциям реализации товаров, работ, услуг, имущественных прав, а также внереализационные доходы, к числу которых отнесены доходы от сдачи имущества в аренду (пункт 4 части второй статьи 250, абзац второй пункта 1 статьи 321.1 Налогового кодекса Российской Федерации).

В силу приведённых законоположений *участие бюджетных учреждений в договорных отношениях, возникающих при передаче ими в аренду имущества, находящегося в федеральной собственности, относится для целей налогообложения к коммерческой деятельности бюджетных учреждений и влечёт возникновение у них дохода от иных источников.* В свою очередь, Бюджетный кодекс Российской Федерации, квалифицируя средства, получаемые в виде арендной либо иной платы за передачу в возмездное пользование государственного и муниципального имущества, как доходы бюджетов от использования имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, признаёт их *неналоговым доходом бюджета после уплаты налогов и сборов, предусмотренных законодательством о налогах и сборах* (абзац второй пункта 3 статьи 41, абзац второй статьи 42), что также свидетельствует об обязанности бюджетного учреждения произвести уплату налога на прибыль организаций с соответствующих доходов.

Между тем следует учитывать, что целевое финансирование, целевые поступления в смысле Налогового кодекса Российской Федерации *не тождественны осуществляемому в соответствии с бюджетным законодательством дополнительному бюджетному финансированию, хотя оно также носит строго целевой характер.* Доходы федеральных образовательных учреждений от сдачи государственного имущества в аренду являются источником их дополнительного бюджетного финансирования, чем предопределяется использование доходов федерального бюджета и обеспечиваются финансовые гарантии надлежащего осуществления этими учреждениями возложенных на них публичных функций. Тем самым реализуется бюджетное регулирование, распространяющееся на финансовые средства, которые поступили в доход федерального бюджета и с которых уже уплачены соответствующие налоги и сборы. Следовательно, такое правовое регулирование не изменяет налогово-правовую квалификацию указан-

ных средств и не выводит их из состава налоговой базы по налогу на прибыль организаций.

Таким образом, положениями пункта 4 части второй статьи 250 Налогового кодекса Российской Федерации, предусматривающего включение в налоговую базу по налогу на прибыль организаций доходов от сдачи имущества в аренду, и абзаца второго пункта 3 статьи 41 Бюджетного кодекса Российской Федерации, согласно которому доходы от использования имущества, находящегося в государственной собственности, *признаются неналоговым доходом бюджета после уплаты налогов и сборов, предусмотренных законодательством о налогах и сборах, фактически введено налогообложение налогом на прибыль организаций доходов государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования от сдачи в аренду переданного им в оперативное управление федерального имущества.*

3.2. Налогообложение налогом на прибыль организаций доходов, полученных от использования имущества, находящегося в государственной собственности, является, как следует из решений Конституционного Суда Российской Федерации (определения от 2 октября 2003 года № 384-О, от 1 ноября 2007 года № 719-О-О и другие), *вопросом целесообразности, разрешение которого относится к компетенции законодателя. Законодатель вправе определить элемент юридического состава налога на прибыль организаций, каковым является субъект данного налога (налогоплательщик), таким образом чтобы осуществляющие государственные функции организации, обладающие правами юридического лица, признавались налогоплательщиками независимо от того, закреплено ли соответствующее имущество за этими организациями на праве хозяйственного ведения (оперативного управления) либо оно входит в состав казны.*

Взимание налога на прибыль организаций при предоставлении публичного имущества в аренду обусловлено тем, что при этом *появляется объект налогообложения, с наличием которого законодательство о налогах и сборах связывает возникновение у налогоплательщика обязанности по уплате налога.* Освобождение таких операций от налогообложения должно *осуществляться в соответствии с конституционными принципами экономической нейтральности налогов и признания и защиты равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности.* В тех случаях, когда законодатель имеет намерение вывести из-под налогообложения те или иные субъекты либо объекты, он *прямо на это указывает, что однако в настоящее время не относится к государственным образовательным учреждениям высшего профессионального образования.*

В условиях действующего правового регулирования налоговые доходы, поступающие от обложения налогом на прибыль организаций, распределяются между федеральным бюджетом и бюджетами субъектов Российской Федерации в установленной законодателем пропорции (статья 284 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 50 и 56 Бюджетного кодекса Российской Федерации). Следовательно, налогообложение доходов в виде платы, получаемой государственными образовательными учреждениями высшего профессионального образования от сдачи государственного имущества в аренду, обосновано тем, *что оно обеспечивает — в рамках общих процессов управления федеральной государственной собственностью — в том числе перераспределение средств вну-*

три бюджетной системы Российской Федерации, учитывая её трёхуровневое построение.

4. Использование государством налогового метода для перераспределения доходов между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации требует строгого соблюдения конституционных принципов налогообложения, в том числе заключающих в себе гарантии имущественных прав бюджетных учреждений как налогоплательщиков, ответственных за своевременное, полное и правильное исполнение конституционной обязанности по уплате налогов.

В соответствии с нормативно-доктринальными подходами, выработанными в практике Конституционного Суда Российской Федерации, в целях обеспечения реализации обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы (статья 57 Конституции Российской Федерации) принимаемые законы о налогах должны быть конкретными и понятными, неопределённость же норм налогового законодательства может привести к не согласующемуся с принципом правового государства (статья 1 часть 1 Конституции Российской Федерации) произволу государственных органов и должностных лиц в их отношениях с налогоплательщиками и к нарушению равенства граждан перед законом (статья 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации); акты законодательства о налогах и сборах должны быть сформулированы таким образом, чтобы каждый точно знал, какие налоги (сборы), когда и в каком порядке он должен платить, причём все неустранимые сомнения, противоречия и неясности таких актов толкуются в пользу плательщика налога или сбора (пункты 6 и 7 статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации); неопределённость налоговых норм может приводить как к нарушению прав налогоплательщиков, так и к уклонению от исполнения конституционной обязанности по уплате налога (Постановления от 8 октября 1997 года № 13-П, от 28 марта 2000 года № 5-П, от 30 января 2001 года № 2-П, определения от 12 июля 2006 года № 266-О, от 2 ноября 2006 года № 444-О, от 15 января 2008 года № 294-О-П).

Названные конституционные критерии правомерного регулирования налогообложения в полной мере распространяются на все структурные элементы налогового обязательства и предполагают установление ясного, понятного, непротиворечивого порядка уплаты налога.

4.1. Как следует из взаимосвязанных положений пункта 1 статьи 45 и пункта 5 статьи 58 Налогового кодекса Российской Федерации, налогоплательщик обязан самостоятельно, если иное не предусмотрено законодательством о налогах и сборах, исполнить обязанность по уплате налога в порядке, который для федеральных налогов устанавливается данным Кодексом. Содержание этой обязанности, согласно правовой позиции, изложенной в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2004 года № 41-О, состоит в том, что налогоплательщик должен самостоятельно, от своего имени уплатить соответствующую сумму налога в бюджет.

Процесс исполнения налоговой обязанности государственными образовательными учреждениями высшего профессионального образования как бюджетными учреждениями имеет существенную специфику, которая обусловлена особенностями их бюджетно-правового статуса, в частности, отсутствием у таких учреждений банковских счетов и осуществлением расчётов через лицевые счета, открываемые в соответствующих органах исполнительной власти. Федеральным бюджетным учреждениям лицевые счета открываются в органах Фе-

дерального казначейства. Поэтому исполнение таким бюджетным учреждением обязанности по уплате налога осуществляется путём предъявления платёжного поручения на уплату налога в тот орган Федерального казначейства, в котором ему открыт лицевой счёт, а сама обязанность признаётся исполненной с момента отражения на лицевом счёте учреждения операции по перечислению соответствующих денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации (подпункт 2 пункта 3 статьи 45 Налогового кодекса Российской Федерации).

Одновременно в бюджетном регулировании предусматривается зачисление доходов от сдачи в аренду имущества, находящегося в федеральной собственности и переданного в оперативное управление бюджетным учреждениями, на счёт органов Федерального казначейства, открытый для учёта и распределения этими органами доходов в соответствии с нормативами, установленными бюджетным законодательством Российской Федерации, между соответствующими бюджетами — счёт № 40101 (статья 40 Бюджетного кодекса Российской Федерации, Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 5 сентября 2008 года № 92н «Об утверждении Порядка учёта Федеральным казначейством поступлений в бюджетную систему Российской Федерации и их распределения между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации»). С учётом юридических характеристик этого счёта *бюджетные учреждения не обладают в отношении находящихся на нём финансовых средств какими-либо распорядительными полномочиями, в частности, они не вправе давать поручение на их списание в целях реализации обязанности по уплате налогов и сборов.* Так, доходы, полученные от сдачи в аренду федерального имущества государственными образовательными учреждениями высшего профессионального образования, после их зачисления в доход федерального бюджета признаются источником дополнительного бюджетного финансирования, отражаются на лицевых счетах указанных учреждений, открытых в органах Федерального казначейства, и направляются на содержание и развитие их материально-технической базы сверх бюджетных ассигнований, предусмотренных ведомственной структурой расходов федерального бюджета.

Таким образом, действующее законодательное регулирование налогообложения налогом на прибыль организаций доходов государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования от сдачи переданного им в оперативное управление федерального имущества в аренду не обеспечивает определённость порядка самостоятельной уплаты ими данного налога и создаёт препятствия для реализации налоговой обязанности в установленном порядке (путём представления платёжного документа для отражения соответствующей операции по своему лицевому счёту) как на момент зачисления арендной платы на счёт Федерального казначейства, так и после её отражения на лицевом счёте бюджетного учреждения в качестве источника дополнительного бюджетного финансирования. При этом законодательно не установлен и какой-либо специальный порядок уплаты налога на прибыль организаций указанными бюджетными учреждениями, что свидетельствует о пробельности правового регулирования соответствующих отношений.

Министерство финансов Российской Федерации, как орган, уполномоченный давать разъяснения по вопросам применения законодательства о налогах и сборах, предприняло попытку преодолеть неопределённость и фактическое отсутствие надлежащего механизма исполнения федеральными бюджетными

учреждениями, имеющими право на дополнительный источник бюджетного финансирования, обязанности по уплате налога на прибыль организаций. Министерство финансов Российской Федерации указало, что, поскольку действующим законодательством для этих учреждений предусмотрена возможность осуществлять расходы за счёт дополнительного финансирования в размере поступившей в установленном порядке на счёт № 40101 суммы доходов от сдачи в аренду имущества, *уплата ими налога на прибыль должна осуществляться в пределах доведённых им соответствующими главными распорядителями средств федерального бюджета лимитов бюджетных обязательств по дополнительному источнику бюджетного финансирования.* Соответствующим образом был разъяснён и порядок отражения в бюджетном учёте операций, связанных с начислением и уплатой налога на прибыль организаций с доходов от сдачи в аренду имущества (абзацы 14, 15 и 19 письма Министерства финансов Российской Федерации от 14 ноября 2008 года № 02-03-0/3467 «О некоторых вопросах, связанных с уплатой налога на прибыль федеральными бюджетными учреждениями», письмо от 19 февраля 2009 года № 02-06-07/836).

Между тем, как неоднократно указывал в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации, *налог может считаться законом установленным, только если он установлен законом, который в силу его определённости, стабильности и особого порядка принятия может предоставить налогоплательщику достоверные данные о его налоговой обязанности* (Постановления от 8 октября 1997 года № 13-П, от 11 ноября 1997 года № 16-П и от 27 мая 2003 года № 9-П). При этом необходимо ясное и непротиворечивое урегулирование законом всех существенных элементов налогообложения, к которым пункт 1 статьи 17 Налогового кодекса Российской Федерации относит порядок и сроки уплаты налога.

4.2. Таким образом, положения статьи 321.1 Налогового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 3 статьи 41 Бюджетного кодекса Российской Федерации — *в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования не отвечают требованиям определённости законно установленного порядка исполнения государственными образовательными учреждениями высшего профессионального образования обязанности по уплате налога на прибыль организаций с доходов от сдачи в аренду переданного им в оперативное управление федерального имущества, — не соответствуют Конституции Российской Федерации, её статьям 19 (часть 1) и 57».*

Положение абзаца четвёртого и пятого пункта 10 статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 17 МАРТА 2009 Г. № 5-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ, СОДЕРЖАЩЕГОСЯ В АБЗАЦАХ ЧЕТВЁРТОМ И ПЯТОМ ПУНКТА 10 СТАТЬИ 89 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «ВАРМ».

Вопрос. Об осуществлении повторной выездной налоговой проверки налогоплательщика вышестоящим налоговым органом.

Из мотивировочной части:

«...Повторная выездная налоговая проверка, проводимая вышестоящим налоговым органом в порядке контроля за деятельностью налогового органа, осуществившего первоначальную выездную налоговую проверку, *должна отвечать критериям необходимости, обоснованности и законности, с тем чтобы не превращаться в неправомерное обременение для налогоплательщика*: как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 16 июля 2004 года № 14-П. Налоговый кодекс Российской Федерации исходит из недопустимости причинения неправомерного вреда при проведении налогового контроля (статьи 35 и 103); если же, осуществляя его, налоговые органы руководствуются целями и мотивами, противоречащими действующему правопорядку, налоговый контроль — в нарушение статей 34 (часть 1), 35 (части 1–3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации — *может превратиться из необходимого инструмента налоговой политики в инструмент подавления экономической самостоятельности и инициативы, чрезмерного ограничения свободы предпринимательства и права собственности; превышение налоговыми органами (их должностными лицами) своих полномочий либо использование их вопреки законной цели и охраняемым правам и интересам граждан, организаций, государства и общества несовместимо с принципами правового государства, в котором осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (статьи 1 (часть 1) и 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации)*.

3. По смыслу статьи 57 Конституции Российской Федерации, закреплённой в ней обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы корреспондирует право каждого не быть принуждённым к уплате налогов и сборов, не отвечающих указанному критерию. Это право, как следует из данной статьи во взаимосвязи со статьёй 18 Конституции Российской Федерации, определяет смысл, содержание и применение налогового законодательства, соответствующую деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивается правосудием.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (статья 46, часть 1). Право на судебную защиту относится к основным правам и свободам человека, оно признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации и не подлежит ограничению (статьи 17 (части 1 и 2) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации). Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, *данное право предполагает наличие таких конкретных правовых гарантий, которые позволяют реализовать его в полном объёме и обеспечивать эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего общеправовым требованиям справедливости и равенства* (Постановления от 14 июля 2005 года № 9-П, от 26 декабря 2005 года № 14-П и от 25 марта 2008 года № 6-П).

Ценность права на судебную защиту как важнейшей конституционной гарантии всех других прав и свобод предопределена особой ролью судебной власти и её прерогативами по осуществлению правосудия, в том числе путём контро-

ля за обеспечением верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации и федеральных законов на всей территории Российской Федерации (статьи 18, 118 (часть 2), 120 (часть 1), 125, 126, 127 и 128 (часть 3) Конституции Российской Федерации); эти prerogatives, закреплённые Конституцией Российской Федерации, исходя из принципа разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную (статьи 10 и 11 (часть 1) Конституции Российской Федерации), согласуются с сущностью судебной власти, независимой и беспристрастной по своей природе, и предопределяют значение судебных решений, которые выносятся именем Российской Федерации и имеют обязательный характер, в том числе для установления законности актов налоговых органов, действий или бездействия их должностных лиц (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2002 года № 8-П).

4. Согласно статье 118 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. По смыслу данной статьи во взаимосвязи со статьёй 10 Конституции Российской Федерации, *именно суду принадлежит исключительное полномочие принимать окончательные решения в споре о праве, в том числе по делам, возникающим из налоговых правоотношений, что в свою очередь означает недопустимость преодоления вынесенного судом решения посредством юрисдикционного акта административного органа.*

Конкретизируя вытекающее из статей 10 и 118 Конституции Российской Федерации положение о юридической силе актов судебной власти применительно к делам, разрешаемым арбитражными судами, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает, что вступившие в законную силу судебные акты арбитражных судов являются обязательными для органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц и граждан и подлежат исполнению на всей территории Российской Федерации (часть 1 статьи 16). Это означает, что судебный акт, принятый по спору между действующим от имени государства налоговым органом и налогоплательщиком впредь до его опровержения в судебном же порядке не может быть отвергнут никаким другим налоговым органом, в том числе вышестоящим.

Проверка законности и обоснованности судебных актов осуществляется лишь в специальных, установленных процессуальным законом процедурах — посредством рассмотрения дела судами апелляционной, кассационной и надзорной инстанций. Иная — не судебная — процедура ревизии судебных актов принципиально недопустима, поскольку означала бы возможность — вопреки обусловленным природой правосудия и установленным процессуальным законом формам пересмотра судебных решений и проверки их правосудности исключительно вышестоящими судебными инстанциями — замещения актов органов правосудия административными актами, что является безусловным отступлением от необходимых гарантий самостоятельности, полноты и исключительности судебной власти.

Изложенная правовая позиция, вытекающая из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2001 года № 1-П, согласуется

с международными стандартами в сфере правосудия, не допускающими возможность пересмотра судебных актов во внесудебном порядке (статья 4 Основных принципов независимости судебных органов, принятых седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями и одобренных резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 1985 года), а также с позицией Европейского Суда по правам человека, в силу которой право на справедливое судебное разбирательство дела (статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) предполагает, что полномочие вынести обязывающее решение, которое не может быть изменено несудебной властью в ущерб стороне по делу, присуще самому понятию «суд» (Постановление от 19 апреля 1994 года по делу «Ван де Хурк (Van de Hurk) против Нидерландов»).

5. Как следует из положения, содержащегося в абзацах четвёртом и пятом пункта 10 статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации, повторная выездная налоговая проверка осуществляется вышестоящим налоговым органом в порядке контроля за деятельностью налогового органа, проводившего первоначальную выездную налоговую проверку, и, соответственно, имеет целью обеспечение законности и обоснованности принимаемых им решений. Вместе с тем — как по буквальному смыслу данного положения, так и исходя из его взаимосвязи с другими положениями той же статьи и пункта 2 статьи 87 Налогового кодекса Российской Федерации — такая проверка является повторной выездной налоговой проверкой по отношению к деятельности самого налогоплательщика и соблюдению именно им законодательства о налогах и сборах...

Таким образом, осуществляя повторную выездную налоговую проверку с целью контроля деятельности нижестоящего налогового органа, вышестоящий налоговый орган фактически заново и в полном объёме проверяет деятельность налогоплательщика за тот налоговый период, который уже был предметом выездной налоговой проверки. В результате не исключается — на основе повторного изучения тех же документов, исследования тех же фактических обстоятельств — переоценка выводов, сделанных в ходе первоначальной выездной налоговой проверки, и, соответственно, принятие юрисдикционного акта, которым по-новому определяются конкретные права и обязанности налогоплательщика применительно к тому же налоговому периоду, в том числе могут быть выявлены недомыслия по налогам и начислены соответствующие пени.

При этом положение, содержащееся в абзацах четвёртом и пятом пункта 10 статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации, исходя из его места в системе норм налогового законодательства, позволяет вышестоящему налоговому органу проводить повторную выездную налоговую проверку в порядке контроля за деятельностью налогового органа, осуществившего первоначальную налоговую проверку, и в тех случаях, когда спор между налогоплательщиком и налоговым органом был разрешён судом. Данное законоположение, как показывает практика его реализации (в том числе в конкретном деле заявителя) во взаимосвязи с другими положениями той же статьи, по существу, допускает принятие вышестоящим налоговым органом решения, влекущего изменение прав и обязанностей налогоплательщика, определённых не пересмотренным и не отменённым в установленном процессуальным законом порядке судебным актом, принятым по спору того же на-

логоплательщика и нижестоящего налогового органа, в противоречие с ранее установленными судом фактическими обстоятельствами и имеющимися в деле доказательствами, подтверждёнными этим судебным актом.

Такое регулирование нарушает право на судебную защиту, гарантированное статьёй 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, и не согласуется с предписаниями её статей 10, 118 (части 1 и 2) и 120, определяющими самостоятельность и независимость судебной власти, её исключительную функцию по осуществлению правосудия, которое по своей природе и предназначению должно обеспечивать эффективную реализацию данного права».

Пункт 5 статьи 173 Налогового кодекса Российской Федерации

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 13 ОКТЯБРЯ 2009 Г. № 1332-О-О ПО ДЕЛУ «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ ГРАЖДАНКИ КОЛЕСНИК ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА НА НАРУШЕНИЕ ЕЁ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ПУНКТОМ 5 СТАТЬИ 173 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. О налоге на добавленную стоимость.

Из мотивировочной части:

«...Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 7 ноября 2008 года № 1049-О-О в отношении оспариваемой нормы указал, что для лиц, к категории которых относится заявительница, предусмотрена возможность выбора наиболее оптимального способа организации экономической деятельности и налогового планирования: они вправе либо сформировать цену товаров, (работ, услуг) без учёта сумм налога на добавленную стоимость и, соответственно, без выделения этих сумм в выставляемых покупателю счетах-фактурах, что повышает ценовую конкурентоспособность соответствующих товаров (работ, услуг) (пункт 5 статьи 168 Налогового кодекса Российской Федерации), либо выставить контрагенту по конкретным операциям по реализации товаров (работ, услуг) счета-фактуры с выделением суммы налога на добавленную стоимость, при том что эта сумма налога на добавленную стоимость (без учёта налоговых вычетов) подлежит уплате в бюджет (пункт 5 статьи 173 того же Кодекса). Во втором случае у индивидуального предпринимателя возникает обязанность по уплате налога на добавленную стоимость, несмотря на то что изначально он не признавался плательщиком данного налога.

Конституционный Суд Российской Федерации в названном Определении пришел к выводу, что такое законодательное регулирование, направленное на согласование интересов государства и налогоплательщиков, покупателей и поставщиков товаров (работ, услуг) и определяющее такую меру свободы усмотрения налогоплательщиков в процессе исполнения ими конституционной обязанности по уплате налогов, при которой они вправе самостоятельно осуществлять налоговое планирование, не может рассматриваться как нарушающее конституционные права и свободы граждан и организаций как налогоплательщиков».

Пункт 4 статьи 161 Налогового кодекса Российской Федерации

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 1 ОКТЯБРЯ 2009 Г. № 1345-О-О ПО ДЕЛУ «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЗАПРОСА АРБИТРАЖНОГО СУДА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 161 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. О налоге на добавленную стоимость.

Из мотивировочной части:

«2. Согласно Конституции Российской Федерации каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы (статья 57). Нормативно-правовое регулирование в сфере налогов и сборов относится к компетенции законодателя, который, обладая достаточно широкой дискрецией, *самостоятельно решает вопрос о целесообразности налогообложения тех или иных экономических объектов, руководствуясь при этом конституционными принципами регулирования экономических отношений* (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июня 2009 года № 10-П).

Конституционный Суд Российской Федерации в ряде решений также указывал, что *принцип равенства не исключает возможность установления различных правовых условий для различных категорий субъектов права, однако такие различия не могут быть произвольными, — они должны основываться на объективных характеристиках соответствующих категорий субъектов* (Постановление от 27 апреля 2001 года № 7-П, Определение от 14 декабря 2004 года № 451-О).

В соответствии с данными конституционными принципами в статье 161 Налогового кодекса Российской Федерации установлены особенности определения налоговыми агентами налоговой базы по налогу на добавленную стоимость. К числу таких особенностей федеральный законодатель относит её определение, исходя из цены реализуемого имущества (ценностей), определяемой с учётом положений статьи 40 Налогового кодекса Российской Федерации, с учётом акцизов (для подакцизных товаров). При этом непосредственно в пункте 4 статьи 161 Налогового кодекса Российской Федерации приведён исчерпывающий перечень тех операций по реализации на территории Российской Федерации, при осуществлении которых в рамках действующего налогового регулирования данная норма подлежит применению: реализация конфискованного имущества, бесхозных ценностей, кладов и скупленных ценностей, а также ценностей, перешедших по праву наследования государству.

Федеральным законом от 26 ноября 2008 года № 224-ФЗ данный перечень дополнен таким объектом, как имущество, реализуемое по решению суда (в том числе при проведении процедуры банкротства в соответствии с законодательством Российской Федерации). В силу пункта 11 статьи 9 названного Федерального закона пункт 4 статьи 161 Налогового кодекса Российской Федерации в этой редакции применяется при отгрузке товаров (выполнении работ, оказании услуг) и при передаче имущественных прав, осуществляемых, начиная с 1 января 2009 года. Реализация имущества в порядке статьи 47 Налогового кодекса Российской Федерации по решению руководителя (заместителя руководителя) налогового органа в данный перечень операций федеральным законодателем не включена.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2003 года № 12-П *сформулирована правовая позиция, согласно которой именно связанностью налоговых органов законом объясняется избираемый законодателем вариант детального урегулирования порядка реализации некоторых прав и обязанностей налогоплательщиков*. Данная правовая позиция применима и в отношении прав и обязанностей налоговых агентов, на которых, исходя из статьи 161 Налогового кодекса Российской Федерации, законом не возложена обязанность исчислять, удерживать и перечислять налог на добавленную стоимость в связи с операциями по реализации имущества, не указанного в пункте 4 данной статьи.

Таким образом, *оспариваемая норма не рассматривает в качестве налоговых агентов, на которых возложена обязанность по исчислению и уплате налога на добавленную стоимость, организации, реализующие имущество на основании решений несудебных органов, в том числе налоговых органов*. Данный подход в полной мере согласуется с пунктом 1 статьи 24 Налогового кодекса Российской Федерации, предусматривающим, что налоговыми агентами признаются лица, на которых в соответствии с данным Кодексом возложены обязанности по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению налогов в бюджетную систему Российской Федерации.

Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации разъяснил значение данной нормы для судебной практики: *при рассмотрении налоговых споров, основанных на различном толковании налоговыми органами и налогоплательщиками норм законодательства о налогах и сборах, судам необходимо оценивать определённую соответствующей нормой (Постановление от 28 февраля 2001 года № 5 «О некоторых вопросах применения части первой Налогового кодекса Российской Федерации»)*. Из этого следует, *что возможные противоречия в толковании подлежащих применению положений законодательства о налогах и сборах могут быть разрешены арбитражным судом самостоятельно с учётом фактических обстоятельств конкретного дела*.

Пункт 1 статьи 221 и пункт 3 статьи 237 Налогового кодекса Российской Федерации

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 1 ОКТЯБРЯ 2009 Г. № 1270-О-О ПО ДЕЛУ «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ ГРАЖДАНКИ КИСЛОЙ ЛЮБОВИ АНАТОЛЬЕВНЫ НА НАРУШЕНИЕ ЕЁ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ПУНКТОМ 1 СТАТЬИ 221 И ПУНКТОМ 3 СТАТЬИ 237 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. Об исчислении налоговой базы по налогу на доходы физических лиц и по единому социальному налогу в целях определения размера профессионального налогового вычета.

Из мотивировочной части:

«...2.1. Вопрос, поставленный заявительницей, уже являлся предметом изучения Конституционного Суда Российской Федерации. В официально опубликованных определениях от 4 июня 2007 года № 320-О-П и от 4 июня 2007 года

№ 366-О-П, а также в Определении от 16 декабря 2008 года № 1072-О-О Конституционным Судом Российской Федерации были сформулированы правовые позиции, касающиеся пункта 1 статьи 252 Налогового кодекса Российской Федерации (которым устанавливаются общие характеристики определения расходов налогоплательщика, которые, как уменьшающие полученные им доходы, учитываются при расчёте налоговой базы по налогу на прибыль организаций), а также оценки понятий «обоснованные затраты», «экономически оправданные затраты» и «направленность деятельности на получение дохода».

Поскольку положения пункта 1 статьи 252 Налогового кодекса Российской Федерации в силу прямого указания закона (пункт 1 статьи 221 и пункт 3 статьи 237 данного Кодекса) применяются при расчёте налоговой базы по налогу на доходы физических лиц и единому социальному налогу, правовые позиции, содержащиеся в указанных определениях Конституционного Суда Российской Федерации, *распространяются и на случаи признания для целей расчёта и уплаты этих налогов произведённых налогоплательщиком расходов, уменьшающими полученные им доходы.*

Законодатель оправданно отказался от закрытого перечня конкретных затрат налогоплательщика, которые могут быть учтены при расчёте налоговой базы, имея в виду многообразие содержания и форм экономической деятельности и видов возможных расходов, что при детальном и исчерпывающем их нормативном закреплении приводило бы к ограничению прав налогоплательщика, и предоставил налогоплательщикам возможность самостоятельно определять в каждом конкретном случае, исходя из фактических обстоятельств и особенностей их финансово-хозяйственной деятельности, относятся те или иные, не поименованные в главе 25 Налогового кодекса Российской Федерации затраты, к расходам в целях налогообложения либо нет.

Наличие в законе общих оценочных понятий само по себе не свидетельствует об их неопределённости: поскольку нормы законодательства о налогах и сборах различны по характеру и значению, пределы детализации таких его норм, как абстрактно сформулированные нормы-принципы, определяются законодателем с учётом необходимости их эффективного применения к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций.

Общие критерии отнесения тех или иных затрат к расходам, указанные в пункте 1 статьи 252 Налогового кодекса Российской Федерации и других статьях главы 25, *должны применяться в системе действующего правового регулирования с учётом целей и общих принципов налогообложения, а также позиций Конституционного Суда Российской Федерации.*

Глава 25 Налогового кодекса Российской Федерации регулирует налогообложение прибыли организаций и устанавливает в этих целях *определённую соотносимость доходов и расходов и связь последних именно с деятельностью организации по извлечению прибыли.* Этот же критерий прямо обозначен в абзаце четвёртом пункта 1 статьи 252 Налогового кодекса Российской Федерации как основное условие признания затрат обоснованными или экономически оправданными: расходами признаются любые затраты, если они произведены для осуществления деятельности, направленной на получение дохода.

В силу принципа свободы экономической деятельности (статья 8 часть 1 Конституции Российской Федерации) налогоплательщик осуществляет её самостоя-

тельно на свой риск и вправе самостоятельно и единолично оценивать её эффективность и целесообразность, в том числе, следовательно, определять будущие доходы, расходы (а значит, и подлежащие уплате налоги с учётом соответствующих налоговых вычетов). По смыслу правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 24 февраля 2004 года № 3-П, *судебный контроль не призван проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых субъектами предпринимательской деятельности, которые в сфере бизнеса обладают самостоятельностью и широкой дискрецией, поскольку в силу рискованного характера такой деятельности существуют объективные пределы в возможностях судов выявлять наличие в ней деловых просчётов.*

Следовательно, положения пункта 1 статьи 252 Налогового кодекса Российской Федерации требуют установления объективной связи понесённых налогоплательщиком расходов с направленностью его деятельности на получение прибыли, причём бремя доказывания необоснованности расходов налогоплательщика возлагается на налоговые органы.

При этом положения налогового законодательства должны применяться с учётом требований пункта 7 статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации *о толковании всех неустраиваемых сомнений, противоречий и неясностей актов законодательства о налогах и сборах в пользу налогоплательщиков, а также правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации о необходимости установления, исследования и оценки судами всех имеющих значение для правильного разрешения дела обстоятельств* (Определение от 12 июля 2006 года № 267-О).

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в правоприменительной деятельности налоговых, иных органов, а также судов являются обязательными, а потому положения пункта 1 статьи 221 и пункта 3 статьи 237 Налогового кодекса Российской Федерации в силу статей 118, 120, 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации и статьи 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» не должны истолковываться в ином смысле, нежели в выявленном Конституционным Судом Российской Федерации».

Подпункт 7 пункта 4 статьи 340 Налогового кодекса Российской Федерации

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 1 ОКТЯБРЯ 2009 Г. № 1269-О-О ПО ДЕЛУ «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «САФЬЯНОВСКАЯ МЕДЬ – МЕДИН» НА НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ПОДПУНКТОМ 7 ПУНКТА 4 СТАТЬИ 340 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 1 ОКТЯБРЯ 2009 Г. № 1268-О-О «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ ОТКРЫТОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «БАШКИРСКИЙ МЕДНО-СЕРНЫЙ

КОМБИНАТ» НА НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ПОДПУНКТОМ 7 ПУНКТА 4 СТАТЬИ 340 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. Об определении расчётной стоимости добытого полезного ископаемого в числе прочих видов расходов, произведённых налогоплательщиком в налоговом периоде.

Из мотивировочной части:

«2. В соответствии с Конституцией Российской Федерации каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы (статья 57); система налогов, взимаемых в федеральный бюджет, устанавливается федеральным законом (статья 75, часть 3).

По смыслу данных конституционных положений, *налоги устанавливаются законодателем в соответствии с сущностью каждого из них и не в виде простого перечня, а как элементы системы, параметры и условия функционирования которой применительно к каждому налогоплательщику во многом предопределяются объективными закономерностями их экономической деятельности.* Налоговый кодекс Российской Федерации, исходя из названных конституционных положений, закрепляет в статье 3 «Основные начала законодательства о налогах и сборах» предписание, согласно которому налоги и сборы должны иметь экономическое обоснование и не могут быть произвольными.

Из этого следует, что *уплата того или иного налога может рассматриваться как обстоятельство, учитываемое при формировании последующих налоговых обязательств налогоплательщика.*

2.1. Правовое регулирование отношений, связанных с взиманием налога на добычу полезных ископаемых, осуществляется на основании норм главы 26 «Налог на добычу полезных ископаемых» Налогового кодекса Российской Федерации. В силу пункта 1 статьи 336 данного Кодекса объектом налогообложения налогом на добычу полезных ископаемых — по общему правилу и при наличии иных юридически значимых оговорок — признаются полезные ископаемые, добытые из недр или извлечённые из отходов (потерь) добывающего производства. Стоимость добытых полезных ископаемых определяется в соответствии со статьёй 340 данного Кодекса, содержащей три различных способа её оценки — исходя из сложившихся у налогоплательщика за соответствующий налоговый период цен реализации без учёта субсидий (пункт 1), исходя из сложившихся у налогоплательщика за соответствующий налоговый период цен реализации добытого полезного ископаемого (пункт 2) и исходя из расчётной стоимости добытых полезных ископаемых (пункт 3), кроме того, в данной статье указывается порядок применения каждого из этих способов.

Федеральный законодатель в отношении такого способа оценки налоговой базы по налогу на добычу полезных ископаемых, как способ, основанный на расчётной стоимости добытого полезного ископаемого, указал, что *расчётная стоимость определяется налогоплательщиком самостоятельно на основании данных налогового учёта с применением того порядка признания доходов и расходов, который налогоплательщик применяет для определения налоговой базы по налогу на прибыль организаций* (пункт 4 статьи 340 Налогового кодекса Российской Федерации).

Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая вопросы обложения налогом на добычу полезных ископаемых, в Определении

от 16 мая 2007 года № 418-О-П указал, что положения статьи 340 Налогового кодекса Российской Федерации являются основой механизма оценки стоимости различных видов добытых полезных ископаемых при определении налоговой базы по названному налогу и позволяют налогоплательщикам самостоятельно выбирать условия и варианты осуществления данного вида предпринимательской деятельности, а также способы реализации добытого полезного ископаемого; данные законоположения должны применяться во взаимосвязи с иными положениями налогового законодательства, прежде всего главы 26 «Налог на прибыль организаций» Налогового кодекса Российской Федерации, с учётом целей и общих принципов налогообложения, а также правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации о ключевом значении объекта налогообложения, изложенных в постановлении от 28 октября 1999 года № 14-П, от 30 января 2001 года № 2-П и Определении от 12 мая 2005 года № 167-О.

Из положений главы 26 «Налог на добычу полезных ископаемых» Налогового кодекса Российской Федерации, рассматриваемых с учётом приведённых правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, *следует, что при добыче полезного ископаемого возникает самостоятельный объект налогообложения, стоимость которого для целей налогообложения формируется с учётом конкретных условий; устанавливая данные условия, законодатель обозначает пределы своих намерений в отношении параметров регулирования сферы налогообложения данным налогом. В частности, в силу прямого указания закона при определении расчётной стоимости добытого полезного ископаемого не учитываются расходы, предусмотренные статьями 266, 267 и 270 Налогового кодекса Российской Федерации (пункт 4 статьи 340 Налогового кодекса Российской Федерации), расходы же в виде сумм налога на добычу полезных ископаемых к их числу федеральным законодателем не отнесены.*

2.2. Таким образом, из оспариваемого законоположения, рассматриваемого в системной взаимосвязи с иными нормами законодательства о налогах и сборах и с учётом приведённых правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, *следует, что основания для не включения налога на добычу полезных ископаемых в состав расчётной стоимости отсутствуют.*

Положения статей 333.2–333.5 Налогового кодекса Российской Федерации

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 16 ИЮЛЯ 2009 Г. № 1023-О-О ПО ДЕЛУ «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ ГРАЖДАНИНА КРУГЛОВА ПЕТРА НИКОЛАЕВИЧА НА НАРУШЕНИЕ ЕГО КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ПОЛОЖЕНИЯМИ СТАТЕЙ 333.2–333.5 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. О сборе за пользование объектами водных биологических ресурсов.
Из мотивировочной части:

«...Федеральным законом от 29 ноября 2007 года № 285-ФЗ «О внесении изменений в главу 25.1 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» пункт 7 статьи 333.3 был изменён, и в число плательщиков сбора, подпадающих под пониженную ставку, были включены российские рыбохозяйствен-

ные организации, в том числе рыболовецкие артели (колхозы), при этом право применения пониженной ставки распространялось на них в том случае, если они осуществляли добычу (вылов) водных биологических ресурсов и (или) их первичную и последующую (промышленную) переработку (в том числе на арендованных основных средствах), реализовывали эту продукцию и имели в общем доходе от реализации товаров (работ, услуг) долю дохода от реализации добытых (выловленных) объектов водных биологических ресурсов и (или) произведенной рыбной продукции не менее 70 процентов.

В связи с принятием Федерального закона от 30 декабря 2008 года № 314-ФЗ пункт 8 статьи 333.3, устанавливавший пониженные ставки сбора для индивидуальных предпринимателей, утратил силу по истечении одного месяца со дня официального опубликования названного Федерального закона, а именно с 1 февраля 2009 года (подпункт «б» пункта 3 статьи 1 и пункт 3 статьи 8). Что касается пункта 7 статьи 333.3 Налогового кодекса Российской Федерации, то Федеральным законом от 30 декабря 2008 года № 314-ФЗ изменён ряд критериев, которым должны соответствовать перечисленные в данной норме организации для целей применения пониженных ставок сбора за пользование объектами водных биологических ресурсов.

2.3. Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, вытекающий из статей 8 (часть 2), 19 и 57 Конституции Российской Федерации *принцип равного налогового бремени означает, что не допускается установление дополнительных, а также повышенных по ставкам налогов в зависимости от формы собственности, организационно-правовой формы предпринимательской деятельности, местонахождения налогоплательщика и иных носящих дискриминационный характер оснований* (Постановление от 21 марта 1997 года № 5-П).

Налоговый кодекс Российской Федерации, закрепляя основные начала законодательства о налогах и сборах, содержит предписание, согласно которому не допускается устанавливать дифференцированные ставки налогов и сборов, налоговые льготы в зависимости от формы собственности, гражданства физических лиц или места происхождения капитала (абзац второй пункта 2 статьи 3).

Из оспариваемого заявителем пункта 7 статьи 333.3 Налогового кодекса Российской Федерации следует, что форма собственности не является критерием для применения пониженных ставок сбора на пользование объектами водных биологических ресурсов. Что касается организационно-правовой формы, то она хотя и имеет юридическое значение, но не выступает единственным и достаточным условием для применения пониженных ставок. Это положение Налогового кодекса Российской Федерации — как в настоящей, так и в ранее действовавшей редакции — *предусматривает перечень ограничительных условий, которым должны соответствовать поименованные в нём организации. Невыполнение данных условий означает, что организации обязаны применять общие для всех категорий плательщиков ставки.*

Конституционный Суд Российской Федерации, опираясь на положение статьи 57 Конституции Российской Федерации, согласно которой каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы, в своих решениях неоднократно указывал, что *разрешение вопросов об установлении и изменении состава плательщиков и существенных элементов налогов и сборов не относится к его полномочиям; исключения составляют случаи, когда новому законодательному акту*

придается обратная сила и им ухудшается положение налогоплательщиков (Постановление от 30 января 2001 года № 2-П; определения от 21 декабря 1998 года № 190-О, от 7 февраля 2002 года № 37-О; от 10 ноября 2002 года № 321-О).

Из этого следует, что само по себе изменение законодателем в сторону уменьшения размера ставки сбора за пользование объектами водных биологических ресурсов, — что производилось для организаций (в размере 15 процентов от общих ставок) и в определённый период для индивидуальных предпринимателей (в размере 10 процентов от общих ставок) с учётом предусмотренного перечня ограничительных критериев, — не может рассматриваться как нарушение конституционных прав и свобод плательщиков данного сбора. Иное привело бы к неправомерному ограничению дискреционных полномочий законодателя, который, исходя из специфики условий хозяйствования в определенных отраслях экономики, социальных и иных причин, *вправе в разное время и на различные сроки снижать бремя обложения данным сбором плательщиков отдельных категорий*.

Положения статей 390 и 391 Налогового кодекса Российской Федерации, статей 65 и 66 Земельного кодекса Российской Федерации

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 19 МАЯ 2009 Г. № 1047-О-О ПО ДЕЛУ «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБ ЗАКРЫТОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «АРСЕНАЛ», ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «ГОРТОРГКОМПЛЕКС» И ГРАЖДАНИНА ЗАХАРОВА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА НА НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ПОЛОЖЕНИЯМИ СТАТЕЙ 390 И 391 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, СТАТЕЙ 65 И 66 ЗЕМЕЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. Об исчислении земельного налога. Об установлении налоговой базы по земельному налогу.

Из мотивировочной части:

«2.Согласно Конституции Российской Федерации каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы (статья 57); органы местного самоуправления устанавливают местные налоги (статья 132, часть 1).

Земельный налог относится к числу местных налогов (статья 15 Налогового кодекса Российской Федерации). Он устанавливается Налоговым кодексом Российской Федерации, а именно положениями его главы 31 (статьи 387–398), и нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований, в соответствии с ними же вводится в действие, прекращает действовать и обязателен к уплате на территориях этих муниципальных образований (статья 387); налоговая база по земельному налогу определяется в отношении каждого объекта налогообложения — земельного участка, расположенного в пределах муниципального образования, на территории которого введён налог (пункт 1 статьи 389), как его кадастровая стоимость по состоянию на 1 января года, являющегося налоговым периодом (пункт 1 статьи 390 и пункт 1 статьи 391).

Таким образом, *налоговая база по земельному налогу определена Налоговым кодексом Российской Федерации и представляет собой стоимостную оценку земельного участка, доводимую до сведения налогоплательщиков в каждом налоговом периоде и устанавливаемую в соответствии с земельным законодательством Российской Федерации.*

Правительство Российской Федерации принимает решения, регулирующие земельные отношения, в пределах полномочий, определённых Земельным кодексом Российской Федерации и федеральными законами. Так, согласно пункту 2 статьи 66 Земельного кодекса Российской Федерации Правительство Российской Федерации устанавливает порядок проведения государственной кадастровой оценки земель для определения кадастровой стоимости земельных участков, а органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации утверждают средний уровень кадастровой стоимости по муниципальному району (городскому округу). Во исполнение данного предписания Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2000 года № 316 утверждены Правила государственной кадастровой оценки земель, в соответствии с которыми организация проведения такой оценки осуществляется Федеральным агентством кадастра объектов недвижимости и его территориальными органами, а результаты оценки утверждаются органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации (пункты 1 и 10).

Требования пункта 3 статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации, *в силу которого налоги должны иметь экономическое основание и не могут быть произвольными, относятся к каждому из перечисленных в пункте 1 статьи 17 данного Кодекса элементов налогообложения, включая налоговую базу.* Налоговая база, согласно его статье 53, представляет собой стоимостную, физическую или иную характеристику объекта налогообложения (пункт 1); налоговая база и порядок её определения по региональным и местным налогам устанавливаются Налоговым кодексом Российской Федерации (пункт 2). ***Федеральный законодатель, действующий при определении налоговых обязанностей в рамках своих дискреционных полномочий и обладающий фискальным суверенитетом, вправе устанавливать показатели оценки финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика, необходимые для целей налогообложения, исходя из стоимостных, экономических или физических данных, характеризующих объект налогообложения, основываясь на правилах бухгалтерского учёта, а также определениях и понятиях, используемых не только в налоговом, но и в иных отраслях законодательства.***

Следовательно, то обстоятельство, что *установление налоговой базы по земельному налогу, определяемой как кадастровая стоимость земельного участка (статья 390 и пункт 1 статьи 391 Налогового кодекса Российской Федерации), и проведение государственной кадастровой оценки земель для установления кадастровой стоимости земельного участка для целей налогообложения (пункт 5 статьи 65 и статья 66 Земельного кодекса Российской Федерации) регламентируются нормами налогового и земельного законодательства, не может рассматриваться как свидетельство отсутствия обоснованности и произвольности исчисления земельного налога».*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 19 МАЯ 2009 Г. № 815-О-П ПО ДЕЛУ «О ЖАЛОБЕ ОТКРЫТОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «КАУСТИК» НА НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД АБЗАЦЕМ ДЕСЯТЫМ СТАТЬИ 275.1 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. Об определении налоговой базы налогоплательщиками, в состав которых входят подразделения, осуществляющие деятельность, связанную с использованием объектов обслуживающих производств и хозяйств. О понимании в сфере налогообложения понятия равенства.

Из мотивировочной части:

«Согласно Налоговому кодексу Российской Федерации *налоги и сборы должны иметь экономическое обоснование и не могут быть произвольными* (пункт 3 статьи 3).

Статья 275.1 Налогового кодекса Российской Федерации регламентирует особенности определения налоговой базы налогоплательщиками, в состав которых входят подразделения, осуществляющие деятельность, связанную с использованием объектов обслуживающих производств и хозяйств (это подсобные хозяйства, объекты жилищно-коммунального хозяйства, социально-культурной сферы, учебно-курсовые комбинаты и иные аналогичные хозяйства, производства и службы, осуществляющие реализацию товаров, работ, услуг как своим работникам, так и сторонним лицам). Согласно данной статье такие налогоплательщики определяют налоговую базу по указанной деятельности отдельно от налоговой базы по иным видам деятельности. В абзаце же десятом данной статьи содержатся специальные нормы, закрепляющие порядок признания для цели налогообложения расходов (убытков), понесённых градообразующими организациями в связи с указанной деятельностью. *Таким образом, в статье 275.1 Налогового кодекса Российской Федерации для целей налогообложения установлены два различных порядка признания расходов (убытков), понесённых в связи с деятельностью, связанной с использованием объектов обслуживающих производств и хозяйств.*

Подобные объекты недвижимости, входящие в имущество градообразующих организаций, жизненно необходимы для региона как объекты, которые используются не только в интересах работников этих организаций, но и в подлежащих защите со стороны государства интересах населения региона в целом; отношения, связанные с обеспечением функционирования и сохранения целевого назначения таких объектов, носят публично-правовой характер (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2000 года № 8-П).

Правоприменительная практика, как следует из представленных в Конституционный Суд Российской Федерации материалов, исходит из того, что при отсутствии соответствующих нормативов порядка, градообразующая организация вправе учесть при исчислении налога на прибыль убытки от деятельности, связанной с использованием объектов обслуживающих производств и хозяйств, только с соблюдением условий, предусмотренных абзацами шестым–восьмым статьи 275.1 Налогового кодекса Российской Федерации, причём выполнение таких условий возможно лишь при наличии по месту нахождения градообра-

зующей организации специализированных организаций, осуществляющих аналогичную деятельность (в городе Стерлитамаке подобных организаций в 2004 и 2005 году не было). Одновременно имеет место (и это подтверждается представленными в Конституционный Суд Российской Федерации письмом Министерства финансов Российской Федерации от 3 декабря 2008 года и решением Арбитражного суда Республики Башкортостан) противоположное истолкование оспариваемых ОАО «Каустик» законоположений, основанное на признании возможности учёта градообразующей организацией для целей налогообложения прибыли фактически осуществленных ею расходов на содержание объектов обслуживающих производств и хозяйств — в том числе в случаях отсутствия соответствующих нормативов или порядка.

В статье 275.1 Налогового кодекса Российской Федерации не оговорено, каким должен быть *порядок определения расходов для целей налогообложения при отсутствии утверждённых органами местного самоуправления подобных нормативов и порядка. Между тем данная неточность юридико-технического характера, допущенная законодателем, которая хотя и затрудняет уяснение действительного смысла рассматриваемой нормы налогового законодательства, не даёт оснований для вывода о том, что она является неопределённой, расплывчатой, не содержащей чётких стандартов и, следовательно, не отвечающей принципам налогового законодательства в правовом государстве, так как они закреплены в Конституции Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2000 года № 5-П).*

Для уяснения аутентичного смысла и цели абзаца десятого данной статьи содержащиеся в нём *законоположения необходимо рассматривать в контексте положений Конституции Российской Федерации, закрепляющих принцип правового государства (статья 1, часть 1) и принцип равенства, в том числе в сфере налогообложения (статья 19, часть 1; статья 57). Эти законоположения основываются на презумпции того, что понесенные градообразующей организацией расходы на содержание объектов обслуживающих производств и хозяйств соотносимы с такими же показателями деятельности аналогичных объектов, находящихся на данной территории и подведомственных органам местного самоуправления, и существенно не отличаются от них.*

Использование подобной презумпции в целях налогообложения допустимо при условии конституционно-правового истолкования понятия «аналогичные хозяйства», употреблённого в абзаце десятом статьи 275.1 Налогового кодекса Российской Федерации. Аналогичными данные объекты являются не просто в силу совпадения профиля осуществляемых работ (оказываемых услуг): такие объекты, будучи структурными подразделениями градообразующих организаций, имеют специфические особенности хозяйствования, predeterminedённые в том числе стоимостью осуществляемых ими работ (оказываемых услуг), размерами, состоянием основных фондов, потребностью в ремонте и реконструкции, необходимостью улучшения качества и расширения спектра работ (услуг).

Кроме того, хотя в абзаце десятом статьи 275.1 Налогового кодекса Российской Федерации и установлено, что расходы на содержание объектов обслуживающих производств и хозяйств признаются в пределах нормативов, утверждённых органами местного самоуправления, *обязанность по утверждению указанных нормативов среди вопросов местного значения Федеральный закон*

от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» не предусматривает (статьи 14, 15 и 16).

Отсутствие на территории муниципального образования аналогичных хозяйств, производств и служб либо неутверждение органами местного самоуправления соответствующих нормативов и порядка не должно ставить градообразующие организации, в нарушение статьи 19 Конституции Российской Федерации, в неравное положение по сравнению с иными налогоплательщиками, по месту нахождения которых упомянутые аналогичные хозяйства, производства и службы имеются либо такие нормативы и порядок утверждены.

В сфере налогообложения равенство понимается прежде всего как равенство, нейтральность и справедливость налогообложения. Это означает, что одинаковые экономические результаты деятельности налогоплательщиков должны повлечь одинаковое налоговое бремя и что принцип равенства налогового бремени нарушается в тех случаях, когда определённая категория налогоплательщиков попадает в иные по сравнению с другими налогоплательщиками условия, хотя между ними нет существенных различий, которые оправдывали бы неравное правовое регулирование (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 марта 2008 года № 5-П).

Из данной правовой позиции следует, что при невозможности сравнения показателей в силу отсутствия аналогичных хозяйств, производств и служб и непринятия органами местного самоуправления соответствующих нормативов и порядка градообразующие организации вправе призывать для целей налогообложения расходы на содержание обслуживающих подразделений и хозяйств в размере фактически осуществлённых ими расходов без ограничений.

В противном случае оказывались бы нарушенными справедливый баланс, который в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации должен поддерживаться между требованиями защиты публичных (фискальных) интересов и защиты носящих частноправовой характер интересов собственников-налогоплательщиков, а также конституционные принципы правового государства и равенства в сфере налогообложения.

Таким образом, положения абзаца десятого статьи 275.1 Налогового кодекса Российской Федерации — в их конституционно-правовом истолковании в системе действующего правового регулирования — **не предполагают отнесение фактов отсутствия аналогичных хозяйств на территории муниципального образования и непринятия органами местного самоуправления соответствующих нормативов и порядка к самостоятельным и достаточным основаниям для отказа налоговых органов признать для целей налогообложения фактически осуществлённые градообразующими организациями расходы.**

При этом не исключается право налоговых органов оспаривать в судебном порядке размеры принимаемых налогоплательщиками расходов по мотивам их несоответствия требованиям, установленным статьёй 252 Налогового кодекса Российской Федерации».

Абзацы первый и второй пункта 1 статьи 59 Налогового кодекса Российской Федерации и подпункт «а» пункта 1 Постановления Правительства Российской Федерации «О порядке признания безнадежными к взысканию

и списания недоимки и задолженности по пеням и штрафам по федеральным налогам и сборам, а также задолженности по страховым взносам в государственные социальные внебюджетные фонды, начисленным пеням и штрафам»

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 19 МАЯ 2009 Г. № 757-О-О ПО ДЕЛУ «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ ОТКРЫТОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «УЧАЛИНСКИЙ ГОРНО-ОБОГАТИТЕЛЬНЫЙ КОМБИНАТ» НА НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД АБЗАЦАМИ ПЕРВЫМ И ВТОРЫМ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 59 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПОДПУНКТОМ «А» ПУНКТА 1 ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «О ПОРЯДКЕ ПРИЗНАНИЯ БЕЗНАДЁЖНЫМИ К ВЗЫСКАНИЮ И СПИСАНИЯ НЕДОИМКИ И ЗАДОЛЖЕННОСТИ ПО ПЕНЯМ И ШТРАФАМ ПО ФЕДЕРАЛЬНЫМ НАЛОГАМ И СБОРАМ, А ТАКЖЕ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ПО СТРАХОВЫМ ВЗНОСАМ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ВНЕБЮДЖЕТНЫЕ ФОНДЫ, НАЧИСЛЕННЫМ ПЕНЯМ И ШТРАФАМ».

Вопрос. О налоговых льготах.

Из мотивировочной части:

«...Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 3 апреля 2007 года № 334-О-О, федеральный законодатель, руководствуясь вытекающими из Конституции Российской Федерации принципами справедливости и равенства налогообложения, а также необходимостью обеспечения налогового суверенитета государства, в целях гарантирования прав налогоплательщиков и рационализации функционирования финансово-бюджетной системы вправе, но не обязан предусмотреть условия, при которых уплата и взыскание недоимки объективно невозможны, и освободить налогоплательщика от исполнения налоговой обязанности по таким безнадежным долгам.

Освобождение от уплаты налога — даже в случае, когда его принудительное взыскание невозможно, — представляет собой одну из форм налоговых льгот, а в соответствии с правовыми позициями, ранее выраженными Конституционным Судом Российской Федерации в его решениях, налоговая льгота является исключением из вытекающих из Конституции Российской Федерации (статьи 19 и 57) принципов всеобщности и равенства налогообложения, в силу которых каждый обязан платить законно установленный налог с соответствующего объекта налогообложения, льготы всегда носят адресный характер, а их установление относится к исключительной прерогативе законодателя (Постановления от 21 марта 1997 года № 5-П, от 28 марта 2000 года № 5-П и от 19 июня 2002 года № 11-П).

Правительство Российской Федерации вправе было включить в Постановление от 12 февраля 2001 года № 100 исчерпывающий перечень условий, при которых такое списание становится возможным, поскольку ни в статье 59 Налогового кодекса Российской Федерации, ни в других нормах действующего законодательства не уточняется, какие именно положения должен содержать

порядок списания безнадежной к взысканию недоимки. Следовательно, Правительство Российской Федерации при принятии указанного Постановления не вышло за пределы полномочий, предоставленных ему названной статьёй».

Положения пункта 3 статьи 210 и подпункта 3 пункта 1 статьи 219 Налогового кодекса Российской Федерации

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 3 АПРЕЛЯ 2009 Г. № 480-О-О ПО ДЕЛУ «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ ГРАЖДАНИНА БОРИСОВА АЛЕКСАНДРА БОРИСОВИЧА НА НАРУШЕНИЕ ЕГО КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ПОЛОЖЕНИЯМИ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 210 И ПОДПУНКТА 3 ПУНКТА 1 СТАТЬИ 219 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. О социальном налоговом вычете. О принципе равенства применительно к сфере налоговых отношений.

Из мотивировочной части:

«...Механизм социального налогового вычета, предоставляемого налогоплательщику в связи с оплатой медицинских услуг, предполагает, что соответствующая сумма должна быть уплачена, во-первых, самим налогоплательщиком за счёт собственных средств, причём в течение налогового периода, за который вычет заявляется, во-вторых, только за медицинские услуги, включённые в перечень, утверждаемый Правительством Российской Федерации. Квалифицирующим признаком социального налогового вычета выступает целевое расходование налогоплательщиком — физическим лицом части собственных доходов на оплату медицинских услуг. При этом возможность применения налогового вычета соотносится не с категорией полученного дохода, а с категорией налогоплательщика — получателя дохода: правом на данный вычет могут воспользоваться только налогоплательщики — физические лица, являющиеся налоговыми резидентами Российской Федерации, а также физические лица, получающие доходы от источников в Российской Федерации, не являющиеся налоговыми резидентами Российской Федерации и уплачивающие налог на доходы физических лиц по ставке 13 процентов (пункт 1 статьи 207, пункт 3 статьи 210 и пункт 1 статьи 224 Налогового кодекса Российской Федерации).

Таким образом, воспользоваться социальным налоговым вычетом могут лица, применяющие общую систему налогообложения. Индивидуальные предприниматели же, перешедшие на упрощённую систему налогообложения, которая является специальным налоговым режимом, уплачивают единый налог по ставкам 6 процентов (если объектом налогообложения являются доходы) и 15 процентов (если объектом налогообложения являются доходы, уменьшенные на величину расходов). Такие индивидуальные предприниматели именно в силу своего статуса не могут воспользоваться социальным налоговым вычетом, предоставляемым физическим лицам — плательщикам налога на доходы физических лиц, хотя бы они и доказали соответствующее целевое расходование средств.

3. Согласно взаимосвязанным положениям статей 8 (часть 2), 19 (части 1 и 2) и 57 Конституции Российской Федерации *регулирование налоговых отношений*

должно отвечать требованиям конституционного принципа равенства. Это предполагает закрепление в законе правовых гарантий возложения на равных субъектов налогообложения равного налогового бремени. Из данных требований исходит и Налоговый кодекс Российской Федерации, предусматривающий, что налоги и сборы не могут иметь дискриминационный характер и различно применяться исходя из социальных, расовых, национальных, религиозных и иных подобных критериев, а также запрещающий установление дифференцированных ставок налогов и сборов, налоговых льгот в зависимости от формы собственности, гражданства физических лиц или места происхождения капитала (пункт 1 и абзацы первый и второй пункта 2 статьи 3).

Вместе с тем, как следует из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в ряде его решений, в том числе в Постановлении от 27 апреля 2001 года № 7-П, *принцип равенства не исключает возможность установления различных правовых условий для различных категорий субъектов права, однако такие различия не могут быть произвольными, они должны основываться на объективных характеристиках соответствующих категорий субъектов.* Приведенная правовая позиция, имеющая общее значение для всех отраслей законодательного регулирования, применительно к сфере налоговых отношений означает, что конституционный принцип равенства не препятствует законодателю использовать дифференцированный подход к установлению различных систем налогообложения для различных категорий субъектов налогообложения, если такая дифференциация обусловлена объективными факторами, включая экономические характеристики налогооблагаемой базы и особенности указанных субъектов как плательщиков налогов.

Следовательно, закрепление в рамках общей системы налогообложения права плательщиков налога на доходы физических лиц на налоговую льготу в виде социального налогового вычета не затрагивает права тех налогоплательщиков, которых Налоговый кодекс Российской Федерации не относит к числу лиц, пользующихся данной льготой, в том числе индивидуальных предпринимателей, применяющих упрощенную систему налогообложения, и само по себе не свидетельствует о нарушении конституционных принципов, в том числе принципа равенства, поскольку различия между субъектами этих систем налогообложения основаны на объективных критериях.

...Между тем Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно указывал, что **налоговый вычет по своей природе — льгота, которая является исключением из вытекающих из Конституции Российской Федерации (статьи 19 и 57) принципов всеобщности и равенства налогообложения, в силу которых каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы; льготы всегда носят адресный характер, их установление относится к исключительной прерогативе законодателя; именно законодатель вправе определять (сужать или расширять) круг лиц, на которых распространяются налоговые льготы** (Постановления от 21 марта 1997 года № 5-П, от 28 марта 2000 года № 5-П и от 13 марта 2008 года № 5-П)».

Положения пункта 1 статьи 210, пункта 1 статьи 221 и пункта 3 статьи 237 Налогового кодекса Российской Федерации

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 2 АПРЕЛЯ 2009 Г. № 478-О-О ПО ДЕЛУ «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ ГРАЖДАНИНА ПШИКОВА ДМИТРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА НА НАРУШЕНИЕ ЕГО КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ПОЛОЖЕНИЯМИ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 210, ПУНКТА 1 СТАТЬИ 221 И ПУНКТА 3 СТАТЬИ 237 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. Об определении налоговой базы по налогу на доходы физических лиц и налоговых вычетов.

Из мотивировочной части:

«2. Согласно Налоговому кодексу Российской Федерации (пункт 1 статьи 17, пункт 1 статьи 38 и пункт 1 статьи 53) обязательное требование, предъявляемое к любому налогу, — наличие самостоятельного объекта налогообложения, стоимостная, физическая или иная характеристики которого определяют налоговую базу. По смыслу указанных законоположений и в силу правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации, в частности в Постановлении от 30 января 2001 года № 2-П, *федеральный законодатель — в целях обеспечения справедливого и соразмерного налогообложения и руководствуясь статьями 1 (часть 1), 55 (часть 3) и 57 Конституции Российской Федерации — вправе избирать различные способы определения экономически значимых характеристик объекта и налоговой базы по тому или иному налогу.*

2.1. По смыслу статей 209 и 210 Налогового кодекса Российской Федерации, объектом обложения налогом на доходы физических лиц признаётся доход, полученный налогоплательщиками — физическими лицами, являющимися налоговыми резидентами Российской Федерации, от источников в Российской Федерации и (или) от источников за пределами Российской Федерации, а при определении налоговой базы учитываются все доходы налогоплательщика, полученные им как в денежной, так и в натуральной формах, за исключением тех доходов, которые прямо перечислены в законодательстве, то есть в статье 217 Налогового кодекса Российской Федерации. Объектом же обложения единым социальным налогом для налогоплательщиков — индивидуальных предпринимателей, согласно пункту 2 статьи 236 Налогового кодекса Российской Федерации, также признаются доходы от предпринимательской либо иной профессиональной деятельности за вычетом расходов, связанных с их извлечением. Таким образом, *формально для индивидуального предпринимателя, который не производит выплаты физическим лицам, объекты налогообложения и налоговые базы по налогу на доходы физических лиц и по единому социальному налогу совпадают.*

Между тем, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, *предназначением единого социального налога является формирование финансовой основы социального страхования, его сумма исчисляется и уплачивается в федеральный бюджет и в определенных законом частях — в каждый внебюджетный фонд* (Постановление от 23 декабря 2004 года № 19-П, определения от 5 февраля 2004 года № 28-О, от 4 октября 2005 года № 436-О, от 8 ноября 2005 го-

да № 440-О и № 457-О). *Что касается налога на доходы физических лиц, который непосредственно служит целям финансового обеспечения деятельности государства, то он имеет, соответственно, иное социально-правовое и экономическое предназначение.*

Положения статей 366 и 367 Налогового кодекса Российской Федерации позволяют сделать вывод, что налог на игорный бизнес также имеет самостоятельный, отличный от других, объект налогообложения — игровой стол, игровой автомат, касса тотализатора, касса букмекерской конторы, и чётко определённую налоговую базу, которая не может совпадать ни с налоговой базой по налогу на доходы физических лиц, ни с налоговой базой по единому социальному налогу, поскольку этим налогом облагаются не доходы налогоплательщика от игровой деятельности, а его имущество.

Следовательно, отсутствуют основания утверждать, что оспариваемые Д.В. Пшиковым положения статей 210, 221 и 237 Налогового кодекса Российской Федерации допускают двойное налогообложение одного и того же экономического объекта и нарушают принципы справедливого и соразмерного налогообложения, вытекающие из статей 1 (часть 1), 55 (часть 3) и 57 Конституции Российской Федерации.

В соответствии со статьями 6 (часть 2), 8 (часть 2), 19 (часть 1) и 57 Конституции Российской Федерации *все налогоплательщики находятся в равном положении перед налоговым законом, причём форма собственности не может быть критерием для дифференциации в налоговой сфере. При этом законодательное регулирование, которое имеет целью обеспечить одинаковый объём правовых гарантий каждому налогоплательщику и вместе с тем позволяет учитывать юридически значимые и объективно обусловленные различия между отдельными категориями налогоплательщиков, не может рассматриваться как нарушающее принцип равенства* (Постановление от 16 июля 2004 года № 14-П).

Из этого следует, что установленные законом различия, касающиеся лиц, которые занимаются относящейся к игорному бизнесу деятельностью и уплачивают налог на игорный бизнес, в зависимости от того, являются они индивидуальными предпринимателями или юридическими лицами, то есть от организационно-правовой формы, *не могут рассматриваться как дискриминационные, в том числе когда они ставят индивидуального предпринимателя — плательщика налога на доходы физических лиц и налога на игорный бизнес в иное по сравнению с организацией — плательщиком налога на прибыль организаций и налога на игорный бизнес, положение.*

Кроме того, учитывая особый характер данного вида предпринимательской деятельности, которая может оказывать серьёзное негативное влияние на сферу нравственности, здоровье, права и законные интересы других лиц, *федеральный законодатель вправе осуществить правовое регулирование, вводящее соответствующие ограничения, в том числе направленное на закрепление особого механизма уплаты налогов с данного вида деятельности, на сужение субъектного состава участников — организаторов азартных игр, на установление иных ограничений для лиц, занимающихся данным видом деятельности, а также на ограничение места размещения игорных заведений.* В соответствии с пунктом 1 статьи 6 Федерального закона от 29 декабря 2006 года № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных

игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» с 1 января 2007 года организаторами азартных игр могут выступать только юридические лица, что в настоящее время исключает саму возможность для заявителя заниматься такой деятельностью».

Подпункт 2 пункта 1 статьи 164 Налогового кодекса Российской Федерации

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 2 АПРЕЛЯ 2009 Г. № 475-О-О ПО ДЕЛУ
«ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ
ОТКРЫТОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «ТНК-НЯГАНЬ»
НА НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД
ПОДПУНКТОМ 2 ПУНКТА 1 СТАТЬИ 164 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».**

Вопрос. О порядке исчисления налога на добавленную стоимость. О применении налоговой ставки 0 процентов.

Из мотивировочной части:

«...Формируя структуру налоговой системы Российской Федерации, федеральный законодатель при установлении конкретного налога самостоятельно выбирает и определяет обусловленные экономическими характеристиками этого налога параметры его элементов, в том числе состав налогоплательщиков и объектов налогообложения, виды налоговых ставок, продолжительность налогового периода, стоимостные и (или) количественные показатели, необходимые для определения налоговой базы, а также порядок исчисления налога, обеспечивающий расчёт суммы налога, подлежащей уплате в бюджет.

Конституционный Суд Российской Федерации, обращаясь в своих решениях (Постановления от 28 марта 2000 года № 5-П и от 20 февраля 2001 года № 3-П, определения от 8 апреля 2004 года № 169-О и от 4 ноября 2004 года № 324-О) к вопросам, связанным с порядком исчисления налога на добавленную стоимость, указывал, что данный налог, представляющий собой форму изъятия в бюджет части добавленной стоимости, создаваемой на всех стадиях производства и определяемой как разница между стоимостью реализованных товаров, работ и услуг и стоимостью материальных затрат, отнесённых на издержки производства и обращения, является косвенным налогом (налогом на потребление): реализация товаров (работ, услуг) производится по ценам (тарифам), увеличенным на сумму этого налога; устанавливая в главе 21 Налогового кодекса Российской Федерации налог на добавленную стоимость и закрепляя — с учётом его экономической природы — правила исчисления данного налога, законодатель предусмотрел многоступенчатый механизм его уплаты, в рамках которого при реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав) налогоплательщик (налоговый агент) дополнительно к их цене (тарифу) обязан предьявить к оплате покупателю сумму НДС, исчисленную по каждому виду товаров (работ, услуг, имущественных прав) как процентная доля указанных цен (тарифов), соответствующая налоговой ставке.

Налоговая ставка, в том числе нулевая, по налогу на добавленную стоимость, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении

от 15 мая 2007 года № 372-О-П, является обязательным элементом налогообложения (пункт 1 статьи 17 Налогового кодекса Российской Федерации), и налогоплательщик не может произвольно её применять (изменить её размер в большую или меньшую сторону) или отказаться от её применения.

Применение налоговой ставки 0 процентов в соответствии с правилами главы 21 Налогового кодекса Российской Федерации обусловлено реальным осуществлением экспортной операции, а также представлением налогоплательщиком определённого комплекта документов (пункт 4 статьи 165), то есть именно на налогоплательщика возлагается обязанность подтвердить обоснованность применения указанной налоговой ставки.

Отмечая специфику обложения налогом на добавленную стоимость экспортируемых товаров, а также работ и услуг, связанных с экспортом товаров, Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 19 января 2005 года № 41-О отметил, что при этом происходит не только освобождение налогоплательщика от уплаты НДС по операциям реализации соответствующих товаров (работ, услуг), но и возмещение из бюджета сумм НДС, перечисленных налогоплательщиком своим поставщикам (возврат «входного» НДС). Применение такого порядка в отношении экспортируемых товаров способствует усилению конкурентоспособности товаров, экспортируемых из Российской Федерации, на мировом рынке, поскольку по общему правилу обложение налогом на добавленную стоимость экспортируемых товаров, а также работ и услуг, связанных с экспортом товаров, осуществляется в стране назначения.

Перечень товаров, работ и услуг, налогообложение по которым производится по ставке 0 процентов, установлен пунктом 1 статьи 164 Налогового кодекса Российской Федерации. В соответствии с подпунктом 2 пункта 1 указанной статьи налогообложение по налоговой ставке 0 процентов производится при реализации работ (услуг), непосредственно связанных с производством и реализацией товаров, вывезенных в таможенном режиме экспорта, а также товаров, помещённых под таможенный режим свободной таможенной зоны.

Данное положение распространяется в том числе на работы (услуги) по организации и сопровождению перевозок, перевозке или транспортировке, организации, сопровождению, погрузке и перегрузке вывозимых за пределы территории Российской Федерации или ввозимых на территорию Российской Федерации товаров, выполняемые (оказываемые) российскими организациями или индивидуальными предпринимателями (за исключением российских перевозчиков на железнодорожном транспорте).

Кроме того, названной нормой к данному роду работ (услуг) причислены «и иные подобные работы (услуги)» — как следует из буквального содержания подпункта 2 пункта 1 статьи 164 Налогового кодекса Российской Федерации, — непосредственно связанные с производством и реализацией товаров, вывезенных в таможенном режиме экспорта, а также товаров, помещённых под таможенный режим свободной таможенной зоны.

Подобное регулирование свидетельствует о том, что, устанавливая общий критерий, на основании которого осуществляется квалификация тех или иных работ (услуг) как непосредственно связанных с производством и реализацией экспортируемых товаров, законодатель отказался от закрепления закрытого их перечня, имея в виду многообразие содержания и форм экономической

деятельности и видов возможных работ (услуг), непосредственно связанных с экспортом товаров, что при детальном и исчерпывающем их нормативном закреплении приводило бы к ограничению прав налогоплательщиков.

Разрешение же споров о юридической квалификации тех или иных работ (услуг), связанных с выполнением обязанности по уплате налога, относится к компетенции арбитражных судов, которые не должны ограничиваться установлением только формальных условий применения норм законодательства о налогах и сборах и в случае сомнений в правомерности отказа в возмещении суммы налога на добавленную стоимость обязаны установить, исследовать и оценить всю совокупность имеющих значение для правильного разрешения дела обстоятельств (выяснение характера операций, возможности их осуществления только в отношении экспортных товаров, установление того, являлся ли товар в момент оказания услуги экспортируемым, были ли соответствующие товары на момент совершения данных операций помещены под таможенный режим экспорта и тому подобное).

Таким образом, оспариваемая норма Налогового кодекса Российской Федерации, устанавливая пределы её детализации, обусловленные необходимостью её эффективного применения к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций, сама по себе не содержит неопределённости и не предполагает формального подхода при разрешении налоговых споров и — с учётом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, сохраняющих свою силу, — не может, вопреки утверждению заявителя, рассматриваться как нарушающая или ограничивающая конституционные права налогоплательщиков».

Положения подпункта 4 пункта 2 статьи 346.26, статьи 346.27 и пункта 3 статьи 346.29 Налогового кодекса Российской Федерации

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 19 МАРТА 2009 Г. № 381-О-О ПО ДЕЛУ «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «УЧЕБНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «ВАТАН» ТАТАРСКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИНВАЛИДОВ» НА НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ПОЛОЖЕНИЯМИ ПОДПУНКТА 4 ПУНКТА 2 СТАТЬИ 346.26, СТАТЬИ 346.27 И ПУНКТА 3 СТАТЬИ 346.29 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. О едином налоге на вменённый доход для отдельных видов деятельности.

Из мотивировочной части:

«2. Система налогообложения в виде единого налога на вменённый доход для отдельных видов деятельности относится к специальным налоговым режимам, в рамках которых может быть предусмотрен особый порядок определения элементов налогообложения (статья 18 Налогового кодекса Российской Федерации). Из оспариваемых заявителем законоположений, регулирующих отношения в рамках названной системы, следует, что расчёт налоговой базы при налогообложении услуг по хранению автотранспортных средств на платных стоянках осуществляется с учётом такого физического показателя, как площадь

автостоянки. Особенности этого законодательного механизма предопределяются правовой природой единого налога на вменённый доход, предназначенного для сферы среднего и малого предпринимательства и взимаемого с вменённого, то есть потенциально возможного дохода налогоплательщика, рассчитываемого с учётом совокупности условий, непосредственно влияющих на получение указанного дохода, включая фактическую возможность его получения, определяемую на основе объективных, стабильных во времени данных, принимая во внимание пределы налогового контроля за данными видами деятельности.

В связи с этим, по смыслу оспариваемых законоположений, при расчёте налоговой базы для исчисления суммы единого налога на вменённый доход учитывается площадь автостоянки, подлежащая использованию при осуществлении данного вида предпринимательской деятельности. Поэтому только та площадь автостоянки, которая объективно не может быть использована предпринимателем, в расчёт единого налога на вменённый доход не включается.

Таким образом, оспариваемые законоположения не могут, вопреки доводам заявителя, рассматриваться как неопределённые и нарушающие его конституционные права в конкретном деле».

Статьи 21 и 23, подпункты 10 и 11 пункта 5 статьи 169, подпункт 1 пункта 2 статьи 171 и пункт 1 статьи 172 Налогового кодекса Российской Федерации

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 5 МАРТА 2009 Г. № 468-О-О ПО ДЕЛУ «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЗАПРОСОВ АРБИТРАЖНОГО СУДА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ СТАТЕЙ 21 И 23, ПОДПУНКТОВ 10 И 11 ПУНКТА 5 СТАТЬИ 169, ПОДПУНКТА 1 ПУНКТА 2 СТАТЬИ 171 И ПУНКТА 1 СТАТЬИ 172 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. О порядке исчисления налога на добавленную стоимость, о требованиях, предъявляемых к счёту-фактуре, о применении вычета по налогу на добавленную стоимость.

Из мотивировочной части:

«Формируя структуру налоговой системы Российской Федерации, федеральный законодатель при установлении конкретного налога самостоятельно выбирает и определяет обусловленные экономическими характеристиками этого налога параметры его элементов, в том числе состав налогоплательщиков и объектов налогообложения, виды налоговых ставок, продолжительность налогового периода, стоимостные и (или) количественные показатели, необходимые для определения налоговой базы, а также порядок исчисления налога, обеспечивающий расчёт суммы налога, подлежащей уплате в бюджет.

Конституционный Суд Российской Федерации, обращаясь в своих решениях (постановления от 28 марта 2000 года № 5-П и от 20 февраля 2001 года № 3-П, определения от 8 апреля 2004 года № 169-О, от 4 ноября 2004 года № 324-О и от 3 июля 2008 года № 630-О-П) к вопросам, связанным с порядком исчисления налога на добавленную стоимость, указывал, что данный налог, представляющий собой форму изъятия в бюджет части добавленной стоимости, создаваемой

на всех стадиях производства и определяемой как разница между стоимостью реализованных товаров, работ и услуг и стоимостью материальных затрат, отнесённых на издержки производства и обращения, является косвенным налогом (налогом на потребление): реализация товаров (работ, услуг) производится по ценам (тарифам), увеличенным на сумму этого налога; устанавливая в главе 21 Налогового кодекса Российской Федерации налог на добавленную стоимость и закрепляя — с учётом его экономической природы — правила исчисления данного налога, законодатель предусмотрел многоступенчатый механизм его уплаты, в рамках которого при реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав) налогоплательщик (налоговый агент) дополнительно к их цене (тарифу) обязан предъявить к оплате покупателю сумму налога на добавленную стоимость, исчисленную по каждому виду товаров (работ, услуг, имущественных прав) как процентная доля указанных цен (тарифов), соответствующая налоговой ставке.

При этом не позднее 5 дней со дня отгрузки товара (выполнения работ, оказания услуг) или передачи имущественных прав выставляются соответствующие счета-фактуры, оформленные согласно требованиям статьи 169 Налогового кодекса Российской Федерации, в силу которых в счёте-фактуре должны быть обязательно указаны цена (тариф) за единицу измерения по договору (контракту) без учёта налога, стоимость товаров (работ, услуг) за всё количество поставляемых (отгруженных) по счёту-фактуре товаров (выполненных работ, оказанных услуг) без налога, ставка налога, сумма налога, предъявляемая покупателю товаров (работ, услуг), определяемая исходя из применяемых налоговых ставок, и стоимость всего количества поставляемых (отгруженных) по счёту-фактуре товаров (выполненных работ, оказанных услуг) с учётом суммы налога. Причём в расчётных документах, первичных учетных документах и счётах-фактурах сумма налога выделяется отдельной строкой, тем самым определяется сумма налога, предъявляемая продавцом покупателю.

В свою очередь, счёт-фактура является документом, служащим основанием для принятия покупателем предъявленных продавцом сумм налога к вычету (пункт 1 статьи 169 Налогового кодекса Российской Федерации). *Счета-фактуры, составленные и выставленные с нарушением требований статьи 169 Налогового кодекса Российской Федерации, не могут являться основанием для принятия предъявленных продавцом покупателю сумм налога к вычету или возмещению (пункт 2 статьи 169 Налогового кодекса Российской Федерации). Это свидетельствует о том, что налогоплательщик, не обеспечивший документальное подтверждение достоверности сведений и обоснованности требований, изложенных в документах, на основании которых он претендует на получение налоговых вычетов, несёт риск неблагоприятных последствий своего бездействия в виде невозможности принятия к вычету соответствующих сумм налога.*

По мнению заявителя, несоблюдение налогоплательщиком — продавцом товара (работы, услуги, имущественных прав) требований налогового законодательства в части правомерности применения ставки налога 18 процентов не является достаточным основанием для отказа налогоплательщику-покупателю в возмещении налога, поскольку статьи 21 и 23 Налогового кодекса Российской Федерации не закрепляют за ним обязанность по проверке добросовестности контрагентов-поставщиков.

Между тем этот вопрос ранее был предметом исследования Конституционно-го Суда Российской Федерации. В определениях от 15 февраля 2005 года № 93-О и от 18 апреля 2006 года № 87-О Конституционный Суд Российской Федерации указал, что по смыслу пункта 2 статьи 169 Налогового кодекса Российской Федерации соответствие счёта-фактуры требованиям, установленным пунктами 5 и 6 данной статьи, позволяет определить контрагентов по сделке (её субъекты), их адреса, объект сделки (товары, работы, услуги), количество (объём) поставляемых (отгруженных) товаров (работ, услуг), цену товара (работ, услуг), а также сумму начисленного налога, уплачиваемую налогоплательщиком и принимаемую им далее к вычету; требование пункта 2 статьи 169 Налогового кодекса Российской Федерации, согласно которому налогоплательщик в качестве основания налогового вычета может представить только счёт-фактуру, содержащий все требуемые сведения, и не вправе предъявлять к вычету сумму налога, начисленную по счёту-фактуре, сведения в котором отражены неверно или неполно, направлено на создание условий, позволяющих оценить правомерность налогового вычета и пресечь ситуации, связанные с необоснованным возмещением (зачётом или возвратом) сумм налога из бюджета; названные законоположения не запрещают принимать к вычету суммы налога на добавленную стоимость, исчисление и оформление которых соответствует всем необходимым для осуществления налогового контроля требованиям, а потому не могут рассматриваться как ограничивающие конституционные права и свободы налогоплательщиков.

В частности, невыполнение требований к счёту-фактуре, не предусмотренных статьёй 169 Налогового кодекса Российской Федерации, согласно пункту 2, не может являться основанием для отказа в принятии суммы налога к вычету. Однако если продавцом вместо ставки 0 процентов в счёте-фактуре указана ставка 18 процентов (либо указана сумма налога, рассчитанная по ставке 18 процентов), это свидетельствует не о формальном характере допущенных нарушений, а о нарушении предусмотренного законом порядка обложения налогом на добавленную стоимость. Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 15 мая 2007 года № 372-О-П отметил, что *налоговая ставка, в том числе нулевая, по налогу на добавленную стоимость является обязательным элементом налогообложения (пункт 1 статьи 17 Налогового кодекса Российской Федерации), и налогоплательщик не может произвольно её применять (изменить её размер в большую или меньшую сторону) или отказываться от её применения.*

Что касается права налогоплательщика на применение вычета по налогу на добавленную стоимость, то, как следует из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 20 февраля 2001 года № 3-П, данному праву корреспондирует обязанность уплатить налог на добавленную стоимость в бюджет в денежной форме; разрешение же споров о праве на налоговый вычет, касающихся юридической квалификации тех или иных работ (услуг), как связанных с выполнением обязанности по уплате налога с учётом применения соответствующей налоговой ставки, относится к компетенции арбитражных судов, которые не должны ограничиваться установлением только формальных условий применения норм законодательства о налогах и сборах и в случае сомнений в правомерности отказа в возмещении суммы налога на добавленную стоимость обязаны установить, исследовать и оценить всю совокупность имеющих значение для правильного разрешения дела обстоя-

тельств (выяснение характера операций, возможности их осуществления только в отношении экспортных товаров, установление того, являлся ли товар в момент оказания услуги экспортируемым, были ли соответствующие товары на момент совершения данных операций помещены под таможенный режим экспорта и тому подобное)».

Положения статьи 346.2 Налогового кодекса Российской Федерации

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 5 МАРТА 2009 Г. № 380-О-О ПО ДЕЛУ «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ ЗАКРЫТОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «РЫБОЛОВЕЦКИЙ КОЛХОЗ «ВОСТОК-1» НА НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ПОЛОЖЕНИЯМИ СТАТЬИ 346.2 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. О круге плательщиков единого сельскохозяйственного налога.

Из мотивировочной части:

«2. Круг плательщиков единого сельскохозяйственного налога определён в пункте 1 статьи 346.2 Налогового кодекса Российской Федерации: ими признаются организации и индивидуальные предприниматели, являющиеся сельскохозяйственными товаропроизводителями и перешедшие на уплату единого сельскохозяйственного налога.

Понятие сельскохозяйственных товаропроизводителей раскрывается в пункте 2 данной статьи — это организации и индивидуальные предприниматели, производящие сельскохозяйственную продукцию, осуществляющие её первичную и последующую (промышленную) переработку (в том числе на арендованных основных средствах) и реализующие эту продукцию, при условии, что в общем доходе от реализации товаров (работ, услуг) таких организаций и индивидуальных предпринимателей доля дохода от реализации произведённой ими сельскохозяйственной продукции, включая продукцию её первичной переработки, произведённую ими из сельскохозяйственного сырья собственного производства, составляет не менее 70 процентов.

При этом к сельскохозяйственной продукции пункт 3 статьи 346.2 Налогового кодекса Российской Федерации — в целях его главы 26.1 «Система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (единый сельскохозяйственный налог)» — относит продукцию растениеводства сельского и лесного хозяйства и продукцию животноводства (в том числе полученную в результате выращивания и дорастивания рыб и других водных биологических ресурсов), конкретные виды которых определяются Правительством Российской Федерации в соответствии с Общероссийским классификатором продукции.

Данный пункт в редакции, действовавшей на момент обращения ЗАО «Рыболовецкий колхоз «Восток-1» в Конституционный Суд Российской Федерации, прямо указывал, что к сельскохозяйственной продукции не относится вылов рыбы и других водных биологических ресурсов, за исключением вылова рыбы и других водных биологических ресурсов градо- и поселкообразующих российских рыбохозяйственных организаций (пункт 3 статьи 346.2 Налогового

кодекса Российской Федерации в этой редакции был введён Федеральным законом от 3 ноября 2006 года № 177-ФЗ и действовал с 1 января 2007 года по 30 декабря 2008 года).

Как подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 16 октября 2007 года № 726-О-О, *отнесение товаропроизводителей к сельскохозяйственным законодатель связывает с производством, переработкой и реализацией сельскохозяйственной продукции, что само по себе не может рассматриваться как нарушение конституционных прав и свобод*.

Подпункт 2 пункта 1 статьи 164 Налогового кодекса Российской Федерации

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 5 ФЕВРАЛЯ 2009 Г. № 367-О-О ПО ДЕЛУ
«ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ
ОТКРЫТОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «НИЖНЕВАРТОВСКОЕ
НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩЕЕ ПРЕДПРИЯТИЕ» НА НАРУШЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ПОДПУНКТОМ 2 ПУНКТА 1
СТАТЬИ 164 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».**

Вопрос. О порядке обложения налогом на добавленную стоимость экспортируемых товаров, а также работ и услуг, связанных с экспортом товаров.

Из мотивировочной части:

«...Конституционный Суд Российской Федерации, обращаясь в своих решениях (Постановления от 28 марта 2000 года № 5-П и от 20 февраля 2001 года № 3-П, определения от 8 апреля 2004 года № 169-О и от 4 ноября 2004 года № 324-О) к вопросам, связанным с порядком исчисления налога на добавленную стоимость, указывал, что *данный налог, представляющий собой форму изъятия в бюджет части добавленной стоимости, создаваемой на всех стадиях производства и определяемой как разница между стоимостью реализованных товаров, работ и услуг и стоимостью материальных затрат, отнесённых на издержки производства и обращения, является косвенным налогом (налогом на потребление): реализация товаров (работ, услуг) производится по ценам (тарифам), увеличенным на сумму этого налога; устанавливая в главе 21 Налогового кодекса Российской Федерации налог на добавленную стоимость и закрепляя — с учётом его экономической природы — правила исчисления данного налога, законодатель предусмотрел многоступенчатый механизм его уплаты, в рамках которого при реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав) налогоплательщик (налоговый агент) дополнительно к их цене (тарифу) обязан предъявить к оплате покупателю сумму НДС, исчисленную по каждому виду товаров (работ, услуг, имущественных прав) как процентная доля указанных цен (тарифов), соответствующая налоговой ставке.*

Налоговая ставка, в том числе нулевая, по налогу на добавленную стоимость, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 15 мая 2007 года № 372-О-П, *является обязательным элементом налогообложения* (пункт 1 статьи 17 Налогового кодекса Российской Федерации), и налогоплательщик не может произвольно её применять (изменить её размер в большую или меньшую сторону) или отказаться от её применения.

Применение налоговой ставки 0 процентов в соответствии с правилами главы 21 Налогового кодекса Российской Федерации обусловлено реальным осуществлением экспортной операции, а также представлением налогоплательщиком определённого комплекта документов (пункт 4 статьи 165), то есть именно на налогоплательщика возлагается обязанность подтвердить обоснованность применения указанной налоговой ставки.

Отмечая специфику обложения налогом на добавленную стоимость экспортируемых товаров, а также работ и услуг, связанных с экспортом товаров, Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 19 января 2005 года № 41-О отметил, что при этом происходит не только освобождение налогоплательщика от уплаты НДС по операциям реализации соответствующих товаров (работ, услуг), но и возмещение из бюджета сумм НДС, перечисленных налогоплательщиком своим поставщикам (возврат «входного» НДС). Применение такого порядка в отношении экспортируемых товаров способствует усилению конкурентоспособности товаров, экспортируемых из Российской Федерации, на мировом рынке, поскольку по общему правилу обложение налогом на добавленную стоимость экспортируемых товаров, а также работ и услуг, связанных с экспортом товаров, осуществляется в стране назначения.

Перечень товаров, работ и услуг, налогообложение по которым производится по ставке 0 процентов, установлен пунктом 1 статьи 164 Налогового кодекса Российской Федерации. В соответствии с подпунктом 2 пункта 1 указанной статьи налогообложение по налоговой ставке 0 процентов производится при реализации работ (услуг), непосредственно связанных с производством и реализацией товаров, вывезенных в таможенном режиме экспорта, а также товаров, помещённых под таможенный режим свободной таможенной зоны.

Данное положение распространяется в том числе на работы (услуги) по организации и сопровождению перевозок, перевозке или транспортировке, организации, сопровождению, погрузке и перегрузке вывозимых за пределы территории Российской Федерации или ввозимых на территорию Российской Федерации товаров, выполняемые (оказываемые) российскими организациями или индивидуальными предпринимателями (за исключением российских перевозчиков на железнодорожном транспорте).

Кроме того, названной нормой к данному роду работ (услуг) причислены «и иные подобные работы (услуги)» — как следует из буквального содержания подпункта 2 пункта 1 статьи 164 Налогового кодекса Российской Федерации, — непосредственно связанные с производством и реализацией товаров, вывезенных в таможенном режиме экспорта, а также товаров, помещённых под таможенный режим свободной таможенной зоны.

Подобное регулирование свидетельствует о том, что, устанавливая общий критерий, на основании которого осуществляется квалификация тех или иных работ (услуг) как непосредственно связанных с производством и реализацией экспортируемых товаров, законодатель отказался от закрепления закрытого их перечня, имея в виду многообразие содержания и форм экономической деятельности и видов возможных работ (услуг), непосредственно связанных с экспортом товаров, что при детальном и исчерпывающем их нормативном закреплении привело бы к ограничению прав налогоплательщиков».

Пункт 2 статьи 119 и пункт 1 статьи 122 Налогового кодекса Российской Федерации

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 16 ЯНВАРЯ 2009 Г. № 146-О-О

ПО ДЕЛУ «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ ГРАЖДАНИНА АМИРОВА АНВАРА КАРИМОВИЧА НА НАРУШЕНИЕ ЕГО КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ПУНКТОМ 2 СТАТЬИ 119 И ПУНКТОМ 1 СТАТЬИ 122 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. О налоговых санкциях.

Из мотивировочной части:

«2. Конституция Российской Федерации, закрепляя обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы (статья 57), непосредственно не предусматривает обеспечительный механизм исполнения данной обязанности, — его установление относится к полномочиям законодателя.

2.1. Одним из элементов такого механизма является налоговая декларация, которая согласно статье 80 Налогового кодекса Российской Федерации представляет собой письменное заявление налогоплательщика о полученных доходах и произведённых расходах, источниках доходов, налоговых льготах и исчисленной сумме налога и (или) другие данные, связанные с исчислением и уплатой налога, которое представляется каждым налогоплательщиком по каждому налогу, подлежащему уплате этим налогоплательщиком, если иное не предусмотрено законодательством о налогах и сборах (пункт 1).

Налоговая декларация является основным документом налоговой отчётности, непредставление в установленный срок которого ставит под угрозу эффективное осуществление налогового контроля и своевременное обнаружение фактов несвоевременного, неполного или неправильного исполнения налоговой обязанности. На основе представляемых налогоплательщиками налоговых деклараций в соответствии со статьей 88 Налогового кодекса Российской Федерации осуществляются мероприятия камерального налогового контроля. И хотя непредставление в установленный срок налоговой декларации не может полностью блокировать осуществление в отношении налогоплательщика контрольных мероприятий, имея в виду в том числе возможность проведения выездных налоговых проверок, игнорирование налогоплательщиком соответствующей обязанности способно существенным образом затруднить нормальное осуществление налоговым органом его функций.

Статья 119 Налогового кодекса Российской Федерации предусматривает ответственность за непредставление или несвоевременное представление налоговой декларации. Как следует из этой статьи, рассматриваемой во взаимосвязи с иными положениями раздела VI «Налоговые правонарушения и ответственность за их совершение» данного Кодекса, указанное в ней налоговое правонарушение посягает на самостоятельный объект охраняемых государством общественных отношений в сфере налогообложения, связанных с осуществлением налогового контроля. Именно поэтому налогоплательщик привлекается к ответственности за совершение данного налогового правонарушения независимо от факта уплаты им налога.

Закреплённая в пункте 1 статьи 119 Налогового кодекса Российской Федерации санкция направлена, среди прочего, на обеспечение эффективной превенции правонарушений в сфере налогового контроля. Что же касается неуплаты и несвоевременной уплаты налога (сбора) в результате занижения налоговой базы, иного неправильного исчисления налога (сбора) или других неправомерных действий (бездействия), то данные действия (бездействия) образуют самостоятельный состав налогового правонарушения, предусмотренного статьей 122 Налогового кодекса Российской Федерации.

2.2. Законодатель, предусматривая ответственность за совершение налоговых правонарушений, должен исходить из конституционных принципов справедливости, юридического равенства, пропорциональности, соразмерности устанавливаемой ответственности конституционно значимым целям (статья 19, часть 1; статья 55, части 2 и 3 Конституции Российской Федерации).

Содержание названных принципов раскрывается в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 года № 3-П, от 17 декабря 1996 года № 20-П, от 8 октября 1997 года № 13-П, от 11 марта 1998 года № 8-П, от 12 мая 1998 года № 14-П и от 15 июля 1999 года № 11-П. Из сформулированных в них правовых позиций, которые в соответствии со статьями 6, 79, 80 и 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» являются общеобязательными, вытекает недопустимость чрезмерных ограничений конституционных прав, в том числе права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещённой законом экономической деятельности (статья 34, часть 1 Конституции Российской Федерации). Устанавливая ответственность за нарушения законодательства о налогах и сборах, законодатель также должен исходить из того, что ограничение прав и свобод возможно, только если оно соразмерно целям, прямо указанным в Конституции Российской Федерации, её статье 55 (часть 3).

Принцип соразмерности и вытекающие из него требования справедливости, адекватности и пропорциональности используемых правовых средств предполагают установление публично-правовой ответственности лишь за виновное деяние и её дифференциацию в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обусловливающих индивидуализацию при применении взыскания. Указанные принципы привлечения к ответственности в равной мере относятся к физическим и юридическим лицам.

2.3. При применении упрощенной системы налогообложения и системы налогообложения в виде единого налога на вменённый доход для отдельных видов деятельности уплаченные налоги поступают в бюджеты разных уровней: если единый налог на вменённый доход для отдельных видов деятельности подлежит зачислению в бюджеты муниципальных районов и городских округов по нормативу 90 процентов (статьи 61.1 и 61.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации), то налог, взимаемый в связи с применением упрощённой системы налогообложения, подлежит зачислению по нормативу 90 процентов в бюджеты субъектов Российской Федерации (статья 56 Бюджетного кодекса Российской Федерации). Несмотря на то что бюджетная система Российской Федерации является единой, бюджеты разных уровней самостоятельны, а доходы, расходы

и источники финансирования дефицитов бюджетов между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации разграничиваются (статьи 28–31 Бюджетного кодекса Российской Федерации).

Следовательно, при ошибочном применении упрощённой системы налогообложения вместо системы налогообложения в виде уплаты единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности бюджетной системе наносится ущерб, что делает необходимым взыскание налоговых санкций за неуплату единого налога на вменённый доход и непредставление по нему налоговых деклараций.

Налоговая санкция является мерой ответственности за совершение налогового правонарушения, то есть виновно совершенного противоправного (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяния (действия или бездействия) налогоплательщика, за которое Налоговым кодексом Российской Федерации установлена ответственность (статья 106, пункт 1 статьи 114 Налогового кодекса Российской Федерации). Налоговый кодекс Российской Федерации в статье 111 содержит открытый перечень обстоятельств, исключающих вину лица в совершении налогового правонарушения (пункт 1), при наличии которых лицо не подлежит ответственности за совершение налогового правонарушения (пункт 2). Обстоятельства, смягчающие ответственность за совершение налогового правонарушения, указаны в статье 112 данного Кодекса, перечень которых также является открытым (подпункт 3 пункта 1)».

Положения пункта 1 статьи 210, статьи 211 и пункт 19 статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 16 ЯНВАРЯ 2009 Г. № 81-О-О ПО ДЕЛУ «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ ГРАЖДАНИНА ЯКОВЛЕВА КОНСТАНТИНА ВИКТОРОВИЧА НА НАРУШЕНИЕ ЕГО КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ПОЛОЖЕНИЯМИ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 210, СТАТЬИ 211 И ПУНКТА 19 СТАТЬИ 217 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. Об определении налоговой базы по налогу на доходы физических лиц.

Из мотивировочной части:

«...В пункте 1 статьи 210 Налогового кодекса Российской Федерации закреплён универсальный подход, в соответствии с которым при определении налоговой базы по налогу на доходы физических лиц учитываются все доходы налогоплательщика, полученные им как в денежной, так и в натуральной формах, или право на распоряжение которыми у него возникло, а также доходы в виде материальной выгоды. При этом из содержания пункта 19 статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации следует, что доходы, полученные налогоплательщиками (акционерами акционерных обществ или участниками других организаций) от акционерных обществ и других организаций, в двух случаях не подлежат налогообложению — при переоценке основных фондов (средств) и реорганизации акционерного общества, что обусловлено как разными юридически

значимыми обстоятельствами, в которых находится указанная категория налогоплательщиков, так и экономическими особенностями облагаемого дохода.

Тем самым Налоговый кодекс Российской Федерации закрепил одновременно унифицированный и дифференцированный подход к определению доходов, учитываемых при формировании объекта налогообложения и налоговой базы по налогу на доходы физических лиц. Такое регулирование имеет целью обеспечить одинаковый объём правовых гарантий каждому налогоплательщику и вместе с тем позволяет принимать во внимание юридически значимые объективные различия между отдельными категориями налогоплательщиков, а также конкретными видами доходов.

3. Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно указывал, что освобождение от уплаты налогов по своей природе является льготой, представляющей собой исключение из вытекающих из Конституции Российской Федерации (статьи 19 и 57) принципов всеобщности и равенства налогообложения, в силу которых каждый обязан платить законно установленный налог с соответствующего объекта налогообложения. Льготы всегда носят адресный характер, и их установление относится к исключительной прерогативе законодателя. Именно законодатель вправе определять (сужать или расширять) круг лиц, на которых распространяются налоговые льготы (постановления от 21 марта 1997 года № 5-П, от 28 марта 2000 года № 5-П и от 19 июня 2002 года № 11-П)».

**ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСАМ, ОТНОСЯЩИМСЯ
К ВЕДЕНИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И К СОВМЕСТНОМУ
ВЕДЕНИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СУБЪЕКТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

(ст. 71, ст. 72 Конституции Российской Федерации)

Вопросы, относящиеся к ведению Российской Федерации

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 17 ИЮНЯ 2004 Г. № 12-П ПО ДЕЛУ
«О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПУНКТА 2 СТАТЬИ 155,
ПУНКТОВ 2 И 3 СТАТЬИ 156 И АБЗАЦА ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО
СТАТЬИ 283 БЮДЖЕТНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В СВЯЗИ С ЗАПРОСАМИ АДМИНИСТРАЦИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА,
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ,
КРАСНОЯРСКОГО КРАЕОВОГО СУДА И АРБИТРАЖНОГО СУДА
РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ».**

Вопрос. Нормативно-правовое регулирование финансовых отношений, установление основ федеральной политики в области экономического развития, проведение единой финансовой политики.

Из мотивировочной части:

Конституционно-правовое содержание полномочий Российской Федерации по финансовому регулированию (статья 71, пункт «ж» Конституции Российской Федерации) не сводится лишь к нормативно-правовому регулированию финансовых отношений и закреплению на этой основе финансово-правового статуса субъектов соответствующих отношений. Финансовое регулирование коррелирует с отнесённым также к ведению Российской Федерации установлением основ федеральной политики в области экономического развития Российской Федерации (статья 71, пункт «е» Конституции Российской Федерации) и проведением единой финансовой политики (статья 114, пункт «б» части 1 Конституции Российской Федерации).

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 6 ДЕКАБРЯ 2001 Г. № 250-О «ПО ЗАПРОСУ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СОБРАНИЯ – КУРУЛТАЯ РЕСПУБЛИКИ
БАШКОРТОСТАН О ТОЛКОВАНИИ РЯДА ПОЛОЖЕНИЙ
СТАТЕЙ 5, 11, 71, 72, 73, 76, 77 И 78 КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ».**

Вопрос. О суверенитете республики в составе Российской Федерации (статьи 5, 11, 71–73, 76–78 Конституции Российской Федерации).

Из мотивировочной части:

В Постановлении от 7 июня 2000 года и определениях от 27 июня 2000 года № 92-О и от 19 апреля 2001 года № 65-О Конституционный Суд Российской Федерации пришёл к следующим выводам.

Содержащееся в Конституции Российской Федерации решение вопроса о суверенитете предопределяет характер федеративного устройства, исторически обусловленного тем, что субъекты Российской Федерации не обладают суве-

ренитетом, который изначально принадлежит Российской Федерации в целом. По смыслу преамбулы статей 3, 4, 5, 15 (часть 1), 65 (часть 1), 66 и 71 (пункт «б») Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи, республики как субъекты Российской Федерации не имеют статуса суверенного государства и решить этот вопрос иначе в своих конституциях они не могут, а потому не вправе наделять себя свойствами суверенного государства.

Из названных решений Конституционного Суда Российской Федерации следует, что выводом о несоответствии Конституции Российской Федерации положений, закрепляющих и конкретизирующих принцип суверенитета республик, не затрагивается принадлежность республике всей полноты государственной власти, которой она — в силу статей 5 (часть 3), 73 и 76 (часть 4) Конституции Российской Федерации — обладает вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и её субъектов; равным образом не затрагивается и высшая юридическая сила конституции республики по вопросам, которые в силу статьи 73 Конституции Российской Федерации относятся к её ведению как субъекта Российской Федерации.

При этом, по смыслу статей 3, 4, 5, 11, 71, 72, 73 и 76 Конституции Российской Федерации, наделение республики всей полнотой государственной власти вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и её субъектов, а также признание высшей юридической силы конституции республики по вопросам её ведения как субъекта Российской Федерации не означает, что республика тем самым признаётся суверенным государством, поскольку и то, и другое проистекает не из суверенного волеизъявления республик, выраженного в их конституциях либо договоре, а из Конституции Российской Федерации как высшего нормативно-правового акта суверенной власти всего многонационального народа России.

Отсюда также следует, что не только принадлежащая субъекту Российской Федерации полнота государственной власти, то есть пределы полномочий (статья 73 Конституции Российской Федерации), но и приоритет нормативного правового акта субъекта Российской Федерации, изданного по вопросам его собственного правового регулирования (статья 76, части 4 и 6 Конституции Российской Федерации), а также самостоятельное установление субъектом Российской Федерации своей системы органов государственной власти (статья 77, часть 1 Конституции Российской Федерации) не могут рассматриваться республикой в качестве её суверенных прав и суверенных полномочий со всеми вытекающими последствиями.

Более того, её статья 71 (пункт «в») относит гражданства в Российской Федерации к исключительному ведению Российской Федерации, что во взаимосвязи со статьёй 76 (часть 1) означает регламентирование института гражданства только федеральным законом, имеющим прямое действие на всей территории Российской Федерации.

Кроме того, Конституция Российской Федерации относит к ведению Российской Федерации как судоустройство (статья 71, пункт «о») и установление системы федеральных органов судебной власти, порядка их организации и деятельности (статья 71, пункт «г»), так и установление судебной системы Российской Федерации в целом, которая в силу статьи 118 (часть 3) определяется исключительно Конституцией Российской Федерации и федеральными конституционными законами. Конституция Российской Федерации устанавли-

вает единую судебную систему и не предполагает в качестве самостоятельных судебные системы субъектов Российской Федерации. К судам субъектов Российской Федерации федеральным конституционным законом отнесены лишь их конституционные (уставные) суды и мировые судьи. Исходя из этого, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 7 июня 2000 года сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой регулирование образования и деятельности федеральных судов не может осуществляться нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации, поскольку это нарушает принцип верховенства Конституции Российской Федерации и является вторжением в полномочия Российской Федерации по предметам её ведения, то есть не согласуется со статьями 4 (часть 2), 71 (пункты «г», «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 7 ИЮНЯ 2000 Г. № 10-П ПО ДЕЛУ
«О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ
ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ
И ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОБЩИХ ПРИНЦИПАХ
ОРГАНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ)
И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».**

Вопрос. Судостроительство, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

Из мотивировочной части:

Между тем Конституция Российской Федерации относит судостроительство, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство к ведению Российской Федерации (пункт «о» статьи 71). Следовательно, любые полномочия судов, как и процедура установления факта совершения лицом умышленного преступления, также могут определяться только федеральным законодателем, что относится и к случаям, когда субъект Российской Федерации предусматривает совершение умышленного преступления в качестве основания конституционной ответственности. Но федеральное законодательство не допускает подтверждение совершения преступления заключением суда, поскольку это противоречило бы конституционным принципам уголовного судопроизводства: из статьи 49 (часть 1) Конституции Российской Федерации следует, что виновность в совершении преступления устанавливается в предусмотренном федеральным законом порядке только на основании приговора суда.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 7 ИЮНЯ 2000 Г. № 10-П ПО ДЕЛУ
«О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ
ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ
И ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОБЩИХ ПРИНЦИПАХ
ОРГАНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ)
И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».**

Вопрос. О недопустимости передачи в совместное ведение вопроса о назначении на должность руководителей территориальных органов федеральных

органов исполнительной власти, которые создаются в рамках одного или нескольких субъектов Российской Федерации для осуществления полномочий по предметам ведения Российской Федерации.

Из мотивировочной части:

По смыслу статьи 71 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с её статьями 11, 76, 77 и 78, федеральными конституционными и федеральными законами, а также конституциями (уставами), законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, договорами, соглашениями не могут передаваться, исключаться или иным образом перераспределяться установленные Конституцией Российской Федерации предметы ведения Российской Федерации и соответствующие полномочия федеральных органов исполнительной власти. Следовательно, федеральный законодатель не вправе передать в совместное ведение Российской Федерации и её субъектов вопрос о назначении на должность руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, которые создаются в рамках одного или нескольких субъектов Российской Федерации для осуществления полномочий по предметам ведения Российской Федерации.

В таких случаях федеральные органы исполнительной власти, действующие в установленной Конституцией Российской Федерации системе разделения властей и разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, в пределах своей компетенции принимают решения самостоятельно. Осуществление ими полномочий по предметам ведения Российской Федерации не может зависеть от решения органов власти субъектов Российской Федерации. Иное означало бы перераспределение между Российской Федерацией и её субъектами установленных Конституцией Российской Федерации предметов федерального ведения (статья 71), что исключается Конституцией Российской Федерации и также прямо запрещено Федеральным законом от 24 июня 1999 года «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» (пункт 1 статьи 3).

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 27 ЯНВАРЯ 1999 Г. № 2-П ПО ДЕЛУ
«О ТОЛКОВАНИИ СТАТЕЙ 71 (ПУНКТ «Г»), 76 (ЧАСТЬ 1) И 112
(ЧАСТЬ 1) КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».**

Вопрос. О системе федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядка организации и деятельности; формирование федеральных органов государственной власти.

Из мотивировочной части:

В статье 71 (пункт «г») Конституции Российской Федерации определено, что в ведении Российской Федерации находится установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядка их организации и деятельности, то есть в данной статье речь идёт о системе федеральных органов, относящихся ко всем названным ветвям государственной власти, в их единстве и взаимодействии.

Конституция Российской Федерации (статья 11, часть 1) непосредственно закрепляет те федеральные органы, которые входят в эту единую систему, — согласно указанной норме государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации. К конституционным основам организации и деятельности единой системы федеральных органов государственной власти относится разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную при обеспечении самостоятельности осуществляющих её органов (статья 10 Конституции Российской Федерации).

Статья 71 (пункт «г») Конституции Российской Федерации исходит из внутреннего органического единства системы федеральных органов государственной власти, вытекающего из статьи 3 (часть 1) Конституции Российской Федерации, согласно которой носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ, и находящего отражение в положениях статьи 5 (часть 3), провозглашающей единство системы государственной власти в качестве одной из основ федеративного устройства Российской Федерации. Особенности же правового регулирования организации и деятельности федеральных органов, относящихся к той или иной ветви государственной власти, закрепляются другими положениями Конституции Российской Федерации (глава 4 «Президент Российской Федерации», глава 5 «Федеральное Собрание», глава 6 «Правительство Российской Федерации», глава 7 «Судебная власть») и конкретизируются в ряде федеральных конституционных и федеральных законов.

Таким образом, под системой федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, установление которой отнесено к ведению Российской Федерации (статья 71, пункт «г», Конституции Российской Федерации), следует понимать единство взаимосвязанных федеральных органов различных ветвей государственной власти, которое, исходя из разграничения полномочий при осуществлении законодательных, исполнительных и судебных функций, обеспечивает баланс этих властей, систему взаимных сдержек и противовесов.

По смыслу статей 71 (пункт «г») 72 (пункт «н»), 76 (части 1 и 2) и 77 (часть 1) Конституции Российской Федерации, определение видов федеральных органов исполнительной власти, постольку оно взаимосвязано с регулированием общих принципов организации и деятельности системы органов государственной власти в целом, осуществляется посредством федерального закона. Однако этим не исключается возможность регулирования указанных вопросов другими нормативными актами исходя из предписаний Конституции Российской Федерации, устанавливающих полномочия Президента Российской Федерации (статьи 80, 83, 84, 86, 87 и 89), а также регламентирующих порядок образования и деятельности Правительства Российской Федерации (статьи 110, 112, 113 и 114).

Такая правовая позиция выражена Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 9 января 1998 года по делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации. В данном Постановлении указано, что действительный смысл положений статьи 76 Конституции Российской Федерации, устанавливающих формы законодательного регулирования по предметам ведения Российской Федерации, не может быть понят в отрыве

от других конституционных положений; как следует из статей 90, 115 и 125 (пункт «а» части 2) Конституции Российской Федерации, Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации принимают собственные правовые акты, в том числе нормативного характера, по вопросам ведения Российской Федерации.

Таким образом, само по себе отнесение того или иного вопроса к ведению Российской Федерации (статья 71 Конституции Российской Федерации) не означает невозможности его урегулирования иными, помимо закона, нормативными актами, кроме случаев, когда сама Конституция Российской Федерации исключает это, требуя для решения конкретного вопроса принятия именно федерального конституционного либо федерального закона. Следовательно, до принятия соответствующих законодательных актов Президент Российской Федерации может издавать указы по вопросам установления системы федеральных органов исполнительной власти, порядка их организации и деятельности. Так, Указом Президента Российской Федерации от 14 августа 1996 года № 1176 «О системе федеральных органов исполнительной власти» были закреплены виды федеральных органов исполнительной власти: министерства Российской Федерации (федеральные министерства), государственные комитеты Российской Федерации, федеральные комиссии России, федеральные службы России, российские агентства, федеральные надзоры России, иные федеральные органы исполнительной власти. Однако такого рода акты не могут противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам (статья 15, часть 1; статья 90, часть 3; статья 115, часть 1 Конституции Российской Федерации).

Из положений статей 71 (пункт «г») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с её статьями 5 (часть 3), 10, 11, 72 (пункт «н»), 77, 78 (часть 1) и 110 следует, что в систему федеральных органов исполнительной власти входят Правительство Российской Федерации, состоящее из Председателя Правительства Российской Федерации, заместителей Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров, а также министерства и другие федеральные органы исполнительной власти, которые определяются на основе Конституции Российской Федерации, Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» и иных федеральных законов. По вопросам, касающимся системы федеральных органов исполнительной власти, не урегулированным законодателем, Президент Российской Федерации может издавать указы, которые не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 8 ИЮНЯ 2004 Г. № 230-О

**«ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЗАПРОСА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОРОДСКОГО СУДА О ПРОВЕРКЕ
КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 10 ФЕДЕРАЛЬНОГО
ЗАКОНА «О МИРОВЫХ СУДЬЯХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».**

Вопрос. О судоустройстве.

Из мотивировочной части:

В соответствии со статьей 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации, согласно которой судоустройство относится к ведению Российской Федерации, и исходя из принципа единства судебной системы федеральный законода-

тель вправе определить перечень действующих в Российской Федерации судов, их правовой статус и компетенцию. Вместе с тем в пределах, предусмотренных федеральным законодательством, каждый субъект Российской Федерации самостоятельно устанавливает порядок организации и материально-технического обеспечения деятельности мировых судей.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 5 ФЕВРАЛЯ 2004 Г. № 70-О «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА «ЮРУС» И ОТКРЫТОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «АНГЕЛИНСКИЙ ЭЛЕВАТОР» НА НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ПОЛОЖЕНИЯМИ ЧАСТИ ВТОРОЙ СТАТЬИ 5 ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «О НАЛОГЕ НА ПРИБЫЛЬ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ», АБЗАЦА ВТОРОГО СТАТЬИ 3 ЗАКОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ «О КРАЕВОМ БЮДЖЕТЕ НА 2000 ГОД» И АБЗАЦА ВТОРОГО СТАТЬИ 3 ЗАКОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ «О КРАЕВОМ БЮДЖЕТЕ НА 2001 ГОД».

Вопрос. Федеральные налоги и сборы.

Из мотивировочной части:

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации федеральный налог считается законно установленным, если он установлен федеральным законодательным органом в надлежащей форме, то есть федеральным законом в предусмотренном законом порядке, и введен в действие в соответствии с действующим законодательством (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 февраля 1997 года по делу о проверке конституционности Постановления Правительства Российской Федерации от 28 февраля 1995 года «О введении платы за выдачу лицензий на производство, розлив, хранение и оптовую продажу алкогольной продукции»). При этом федеральный налог считается законно установленным лишь в том случае, если законом определены все существенные элементы налогового обязательства, к которым относится и налоговая ставка (пункт 4 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 8 октября 1997 года, пункт 3 мотивировочной части Постановления от 11 ноября 1997 года, пункт 8 мотивировочной части Постановления от 30 января 2001 года и др.).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 25 ДЕКАБРЯ 2003 Г. № 453-О «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБЫ АДМИНИСТРАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «СЕРТОЛОВО» ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ НА НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ПУНКТОМ 5 СТАТЬИ 15 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О СТАТУСЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ».

Вопрос. О военной службе.

Из мотивировочной части:

Военная служба, по смыслу статей 59 и 71 (пункт «т») Конституции Российской Федерации, представляет собой особый вид федеральной государственной

службы, что обуславливает и особый правовой статус военнослужащих, выражающийся, в частности, в порядке их жилищного обеспечения, которое осуществляется на основе специального законодательства и по специальным правилам. В развитие названных конституционных положений Федеральный закон «О статусе военнослужащих» устанавливает основы государственной политики в области правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан Российской Федерации, уволенных с военной службы, и членов их семей, предусматривая механизм реализации ими права на жилище (статья 40 Конституции Российской Федерации), в том числе при обеспечении жилой площадью в домах государственного и муниципального жилищного фонда на условиях договора социального найма жилого помещения.

Вопросы, относящиеся к совместному ведению

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 9 ЯНВАРЯ 1998 Г. № 1-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ЛЕСНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. Вопросы владения, пользования и распоряжения землёй, недрами, водными и другими природными ресурсами, а также разграничение государственной собственности.

Из мотивировочной части:

По смыслу статей 72 и 76 (части 2 и 5) Конституции Российской Федерации, до издания федерального закона по тому или иному предмету совместного ведения субъект Российской Федерации вправе принять собственный закон и иные нормативные правовые акты. Но после издания федерального закона такие акты должны быть приведены в соответствие с федеральным законом.

Федеральный закон как нормативный правовой акт общего действия, регулирующий те или иные вопросы (предметы) совместного ведения, определяет права и обязанности участников правоотношений, в том числе полномочия органов государственной власти, и тем самым осуществляет разграничение этих полномочий. Из статей 11 (часть 3), 72 (пункты «в», «г», «д» и «к» части 1), 76 (части 2 и 5) и 94 Конституции Российской Федерации следует, что Федеральное Собрание вправе осуществлять законодательное регулирование вопросов, относящихся к данным предметам совместного ведения, определять соответствующие конкретные полномочия и компетенцию органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации. При этом однако должны быть также соблюдены требования Конституции Российской Федерации, в том числе её статей 9 и 36, относящиеся к праву собственности на природные ресурсы и к их использованию.

Отдельные положения Конституции Российской Федерации, в том числе положения статей 9, 11 (часть 3), 36, 72 (пункты «в», «г», «д» и «к» части 1) и 76 (части 2 и 5), также имеют верховенство, высшую юридическую силу, прямое действие и применяются на всей территории Российской Федерации.

Как следует из статьи 71 (пункт «а») Конституции Российской Федерации, принятие и изменение всех федеральных законов находится в ведении Российской Федерации, а не в совместном ведении Российской Федерации и её субъ-

ектов. Закреплённый Конституцией Российской Федерации порядок принятия федеральных законов (статьи 104–108) не предусматривает обязательного направления законопроекта по предметам совместного ведения республикам в составе Российской Федерации и специального рассмотрения их предложений в федеральном парламенте. Вместе с тем, поскольку, согласно Конституции Российской Федерации, законопроекты вносятся именно в Государственную Думу (статья 104, часть 2) и федеральные законы сначала принимаются Государственной Думой (статья 105, часть 1), то сама Государственная Дума была вправе, конкретизируя данные конституционные нормы, предусмотреть в своём Регламенте положение, согласно которому законопроекты по предметам совместного ведения направляются субъектам Российской Федерации для дачи предложений и замечаний (статья 102 Регламента Государственной Думы).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 10 ДЕКАБРЯ 1997 Г. № 19-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ РЯДА ПОЛОЖЕНИЙ УСТАВА (ОСНОВНОГО ЗАКОНА) ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ».

Вопрос. Защита прав и свобод человека и единая система органов исполнительной власти.

Из мотивировочной части:

Согласно Конституции Российской Федерации защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности, правопорядка и общественной безопасности, осуществляемые в том числе органами внутренних дел, находятся в совместном ведении Российской Федерации и её субъектов (статья 72, пункт «б» части 1); кадры правоохранительных органов составляют предмет совместного ведения Российской Федерации и её субъектов (статья 72, пункт «л» части 1). Вместе с тем в соответствии со статьёй 77 (часть 2) Конституции Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в пределах ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и её субъектов образуют единую систему исполнительной власти.

По смыслу названных конституционных норм, регулирование порядка назначения руководителя органа внутренних дел субъекта Российской Федерации, который в силу возлагаемых на него функций входит в единую систему исполнительной власти в Российской Федерации, должно осуществляться с учётом организационно-функционального единства системы органов внутренних дел, включая территориальные управления. Поэтому приоритетное значение в кадровом обеспечении органов исполнительной власти, входящих в единую систему исполнительной власти в Российской Федерации, имеет решение федерального органа исполнительной власти (в данном случае — Министерства внутренних дел Российской Федерации), возглавляющего соответствующую систему.

В то же время орган внутренних дел в субъекте Российской Федерации имеет двойственную природу, так как выступает и в качестве органа исполнительной власти данного субъекта Российской Федерации, что обуславливает необходимость согласования кандидатуры его руководителя с субъектом Российской Фе-

дерации. Участие в процедуре согласования законодательного (представительного) органа государственной власти области не противоречит Конституции Российской Федерации, если такое участие будет предусмотрено федеральным законом.

Между тем оспариваемое положение предоставляет областной Думе полномочие «утверждать» руководителя органа внутренних дел области, что означает введение иной процедуры решения кадрового вопроса и делает областной правовой акт приоритетным по отношению к акту федеральному. «Неутверждение» в данном случае будет означать, что произведённое федеральным органом исполнительной власти (по согласованию с исполнительной властью субъекта Российской Федерации) назначение не состоялось, а акт (приказ Министра внутренних дел Российской Федерации) о таком назначении утрачивает силу.

Закрепляя приоритет полномочий субъекта Российской Федерации по отношению к полномочиям Российской Федерации в данной сфере совместного ведения Российской Федерации и её субъектов, пункт «л» части 1 статьи 54 Устава области противоречит статьям 5 (часть 3) и 77 (часть 2) Конституции Российской Федерации и с точки зрения разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и её субъектами не согласуется со статьёй 72 (пункты «б», «л» части 1) Конституции Российской Федерации.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 14 ДЕКАБРЯ 2004 Г. № 451-О «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЗАПРОСА ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 374 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. Вопросы налогообложения.

Из мотивировочной части:

Из взаимосвязанных положений статей 1 (часть 1), 55 (часть 3) и 57 Конституции Российской Федерации следует, что, осуществляя налоговое регулирование и устанавливая в соответствии со статьями 72 (пункт «и» части 1), 75 (часть 3) и 76 Конституции Российской Федерации общие принципы налогообложения и сборов, включая исчерпывающий перечень региональных налогов, федеральный законодатель связан требованиями обеспечения конституционных принципов справедливости и соразмерности в сфере налоговых отношений и вместе с тем располагает достаточной степенью усмотрения при установлении конкретных налогов: он самостоятельно определяет параметры основных элементов налога, в том числе состав налогоплательщиков и объекты налогообложения, виды налоговых ставок, продолжительность налогового периода, стоимостные и (или) количественные показатели, необходимые для определения налоговой базы, порядок исчисления налога.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 14 ЯНВАРЯ 2003 Г. № 20-О «ОБ ОТКАЗЕ В ПРИНЯТИИ К РАССМОТРЕНИЮ ЗАПРОСА АДМИНИСТРАЦИИ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЕЙ 9, 10 И 15 ФЕДЕРАЛЬНОГО

ЗАКОНА «О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО И СДЕЛОК С НИМ» И ПРИМЕРНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОБ УЧРЕЖДЕНИЯХ ЮСТИЦИИ ПО ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО И СДЕЛОК С НИМ».

Вопрос. Административное законодательство.

Из мотивировочной части:

Конституция Российской Федерации относит к совместному ведению Российской Федерации и её субъектов административное законодательство (статья 72, пункт «к» части 1), а значит, вопросы, связанные с регулированием государственной службы (за исключением федеральной государственной службы). Следовательно, правовое регулирование в этой сфере должно осуществляться субъектом Российской Федерации не на основе части 4 статьи 76 Конституции Российской Федерации, как утверждается в запросе, а на основе части 2 той же статьи, предполагающей право федерального законодателя устанавливать принципы, на которых должна строиться государственная служба в субъектах Российской Федерации.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 1 ОКТЯБРЯ 1998 Г. № 145-О «ПО ЗАПРОСУ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 6 КОДЕКСА РСФСР ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ».

Вопрос. Административное законодательство.

Из мотивировочной части:

Согласно Конституции Российской Федерации административное законодательство отнесено к совместному ведению Российской Федерации и её субъектов (статья 72, пункт «к» части 1); по предметам совместного ведения издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации (статья 76, часть 2). Из этих конституционных установлений следует, что субъекты Российской Федерации вправе принимать собственные законы в области административных правонарушений, если они не противоречат федеральным законам, регулирующим те же правоотношения. При отсутствии соответствующего федерального закона субъект Российской Федерации вправе осуществить собственное правовое регулирование, что следует из смысла статей 72, 76 (часть 2) и 77 (часть 1) Конституции Российской Федерации и вытекает из природы совместной компетенции. С принятием федерального закона закон субъекта Российской Федерации подлежит приведению в соответствие с ним. Данная правовая позиция нашла отражение в Постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 1995 года и от 1 февраля 1996 года, принятых в связи с запросами Калининградской областной Думы и Администрации Читинской области, а также в ряде других решений, сохраняющих свою силу.

Вместе с тем, как это следует из положений Конституции Российской Федерации и не противоречащих ей положений Федеративного договора, законодатель субъекта Российской Федерации, устанавливая административ-

ную ответственность за те или иные деяния, не вправе вторгаться в те сферы общественных отношений, регулирование которых составляет предмет ведения Российской Федерации, а также предмет совместного ведения при наличии по данному вопросу федерального закона, и обязан соблюдать общие требования, предъявляемые к установлению административной ответственности и производству по административным делам.

При возникновении споров, связанных с введением субъектом Российской Федерации административной ответственности, суды общей юрисдикции и арбитражные суды, рассматривающие конкретные дела, в соответствии со статьями 120 (часть 2), 76 (части 3, 5 и 6) Конституции Российской Федерации уполномочены решать, какой закон — федеральный или субъекта Российской Федерации подлежит применению в случаях противоречия между ними, обнаружения пробелов в правовом регулировании либо фактической утраты правовой нормой, не отменённой в установленном порядке, юридической силы.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТ 8 ИЮНЯ 2000 Г. № 91-О «ПО ЗАПРОСУ ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ИНГУШЕТИЯ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 2, СТАТЕЙ 5, 6, 7, 8, ПУНКТА 2 СТАТЬИ 9, СТАТЬИ 21 И ПУНКТА 4 СТАТЬИ 23 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОБЩИХ ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ) И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. Об общих принципах системы государственной власти.

Из мотивировочной части:

Общие принципы организации системы органов государственной власти устанавливаются также федеральным законом, в соответствии с которым принимаются законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации (статья 72, пункт «н» части 1, и статья 76, часть 2, Конституции Российской Федерации). В силу этого организация власти на уровне субъекта Российской Федерации в принципе должна соответствовать организации власти на уровне Российской Федерации, а потому установление полномочий законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации не может быть исключительной прерогативой субъектов Российской Федерации.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 23 АПРЕЛЯ 2004 Г. № 8-П «ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ЗЕМЕЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЗАПРОСОМ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ДУМЫ»// СЗ РФ, 2004, № 18, СТ. 1833.

Вопрос. О процедуре согласования с субъектами Российской Федерации проекта федерального закона по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Из мотивировочной части:

«...установление процедуры, предусматривающей направление Государственной Думой законопроектов в субъекты Российской Федерации, рассмотрение внесённых ими предложений и замечаний в комитетах Государственной Думы и создание согласительных комиссий, состоящих из депутатов Государственной Думы и представителей заинтересованных субъектов Российской Федерации, в случаях, когда значительное число субъектов Российской Федерации высказывается против законопроекта в целом либо в значимой его части, призвано обеспечить принятие федерального закона, отражающего интересы как Российской Федерации, так и её субъектов. Вместе с тем такого рода процедуры не должны препятствовать реализации вытекающего из статей 71 (пункт «а»), 94 и 105 Конституции Российской Федерации полномочия Федерального Собрания самостоятельно принимать федеральные законы, в том числе по предметам совместного ведения.

Процедура согласования имеет целью достижение взаимоприемлемого решения путём координации интересов всех её участников. Из этого однако не вытекает безусловная обязанность Государственной Думы удовлетворить требования, заявленные субъектами Российской Федерации. Проведение данной процедуры предполагает выяснение и обсуждение мнений субъектов Российской Федерации для выработки возможно более согласованного проекта федерального закона, но не получение со стороны субъектов Российской Федерации одобрения законопроекта в целом либо отдельных его положений. Согласительные процедуры не являются необходимым элементом конституционного процесса принятия федеральных законов, а отступление от них само по себе не может служить основанием для признания федерального закона не соответствующим Конституции Российской Федерации по порядку принятия».

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСАМ, СВЯЗАННЫМ С ПРОЦЕДУРОЙ ПРИНЯТИЯ ЗАКОНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМОЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пункт 100 Регламента Правительства Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 29 НОЯБРЯ 2006 Г. № 9-П ПО ДЕЛУ

«О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПУНКТА 100 РЕГЛАМЕНТА ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. О предоставлении от инициатора законопроекта заключения Правительства Российской Федерации и ряда иных материалов, включая финансово-экономическое обоснование.

Из мотивировочной части:

«Установление, исходя из требований Конституции Российской Федерации, процедуры принятия Государственной Думой решений, в том числе её закрепление в Регламенте Государственной Думы, и соблюдение такой процедуры являются существенным процессуальным элементом надлежащего, основанного на Конституции Российской Федерации порядка принятия актов; несоблюдение вытекающих из Конституции Российской Федерации процедурных правил, имеющих существенное значение и влияющих на принятие решения, позволяет констатировать противоречие этого решения Конституции Российской Федерации; соблюдение тех процедурных правил, которые непосредственно вытекают из предписаний статей 104–108 Конституции Российской Федерации, — безусловная обязанность Государственной Думы.»

Государственная Дума принимает федеральные законы в соответствии с Конституцией Российской Федерации, руководствуясь при этом своим Регламентом, утверждённым на основании статьи 101 (часть 4) Конституции Российской Федерации Постановлением Государственной Думы от 22 января 1998 года, действующим в редакции от 10 марта 2006 года и устанавливающим в части первой статьи 105, что при внесении законопроекта в Государственную Думу помимо заключения Правительства Российской Федерации по законопроектам, предусмотренным статьёй 104 (часть 3) Конституции Российской Федерации, субъектом (субъектами) права законодательной инициативы должны быть представлены финансово-экономическое обоснование (в случае внесения законопроекта, реализация которого потребует материальных затрат), пояснительная записка к законопроекту, содержащая предмет законодательного регулирования и изложение концепции предлагаемого законопроекта, текст законопроекта, перечень нормативных правовых актов, подлежащих признанию утратившими силу, приостановлению, изменению или принятию в связи с принятием данного закона, а при внесении законопроектов по определенным вопросам — также некоторые другие документы и материалы.

Согласно статьям 107 и 108 Регламента Государственной Думы Председатель Государственной Думы направляет зарегистрированный законопроект

с материалами к нему в профильный комитет Государственной Думы, который определяет его соответствие требованиям статьи 104 Конституции Российской Федерации и статьи 105 Регламента Государственной Думы; если, по мнению профильного комитета, законопроект не соответствует требованиям статьи 104 Конституции Российской Федерации и статьи 105 Регламента Государственной Думы, в том числе поскольку его инициатором не представлены все необходимые документы и материалы, Совет Государственной Думы по предложению профильного комитета принимает решение о возвращении законопроекта субъекту (субъектам) права законодательной инициативы для выполнения этих требований; такой законопроект не считается внесённым в Государственную Думу в соответствии со статьёй 104 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Таким образом, Регламент Государственной Думы в действующей редакции требует от инициатора законопроекта, относящегося к указанным в части 3 статьи 104 Конституции Российской Федерации, при его внесении в Государственную Думу представления одновременно заключения Правительства Российской Федерации и ряда иных материалов, включая финансово-экономическое обоснование, что само по себе и при соблюдении определённых условий может интерпретироваться как частное проявление реализации в процессе федерального законодательства конституционного требования о бюджетной сбалансированности, соответствующего конституционным принципам законодательного процесса. Данное требование, поскольку оно адресовано субъекту права законодательной инициативы, должно быть нормативно определённым по содержанию и пределам возлагаемой на него обязанности, устанавливаемой с учётом особенностей его конституционно-правового статуса в соотношении с правами и обязанностями других участников федерального законодательного процесса.

Регламент Государственной Думы, обязывая субъекты права законодательной инициативы представлять при внесении соответствующих законопроектов в Государственную Думу их финансово-экономическое обоснование, как и Регламент Правительства Российской Федерации, обуславливая выполнение обязанности, возложенной частью 3 статьи 104 Конституции Российской Федерации на Правительство Российской Федерации, представлением финансово-экономического обоснования инициатором законопроекта, не конкретизируют однако содержание этого понятия. Его определение даётся в утверждённых Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 2001 года № 576 Основных требованиях к концепции и разработке проектов федеральных законов, согласно пункту 12 которых это документ, содержащий финансово-экономическую оценку законопроекта, в том числе расчётные данные об изменении размеров доходов и расходов федерального бюджета, а также определяющий источники финансирования расходов по реализации будущего закона.

Следовательно, внесение в Государственную Думу законопроекта из числа указанных в части 3 статьи 104 Конституции Российской Федерации Регламентом Правительства Российской Федерации ставится в зависимость не от воли субъекта права законодательной инициативы, а от одностороннего усмотрения Правительства Российской Федерации или даже его Аппарата; при этом Государственная Дума, по существу, лишается возможности принимать к рассмотрению законопроекты, подготовленные к внесению, и тем самым — конституционной самостоятельности в осуществлении полномочий, принадлежащих ей как палате Федерального Собрания при реализации законодательной функции.

Между тем конкретизация нормативного содержания конституционного права законодательной инициативы уполномоченных субъектов, включая определение условий и порядка его реализации как стадии законодательного процесса, исходя из логики конституционного регулирования и системного толкования положений Конституции Российской Федерации (статья 10; статья 71, пункт «а»; статья 76 части 1 и 2), не может осуществляться нормативным актом, уровень которого ниже федерального закона. В связи с этим федеральному законодателю надлежит осуществить соответствующее регулирование, как того требует статья 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Земельный кодекс Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 23 АПРЕЛЯ 2004 Г. № 8-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ЗЕМЕЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЗАПРОСОМ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ДУМЫ».

Вопрос. О направлении Государственной Думой законопроектов по предметам совместного ведения субъектам Российской Федерации для дачи предложений и замечаний (процедура согласования).

Из мотивировочной части:

«Конституция Российской Федерации, осуществляя разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, определяет предметы ведения Российской Федерации (статья 71) и предметы совместного ведения Российской Федерации и её субъектов (статья 72). При этом её статьёй 76 (часть 2) установлено, что по предметам совместного ведения Российской Федерации и её субъектов, к которым относятся, в частности, вопросы владения, пользования и распоряжения землёй, недрами, водными и другими природными ресурсами, разграничение государственной собственности, природопользование, лесное законодательство (статья 72, пункты «в», «г», «д», «к» части 1), издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации. Само же принятие и изменение всех федеральных законов, как следует из статьи 71 (пункт «а») Конституции Российской Федерации, находится непосредственно в ведении Российской Федерации.

Тем самым не предполагается, что при принятии федеральных законов по предметам совместного ведения требуется обязательное направление соответствующих законопроектов субъектам Российской Федерации и специальное рассмотрение их предложений Федеральным Собранием. От субъектов Российской Федерации, в свою очередь, не требуется направление в Федеральное Собрание проектов законов, принимаемых ими в сфере совместного ведения. Вместе с тем, поскольку согласно Конституции Российской Федерации проекты федеральных законов вносятся именно в Государственную Думу (статья 104, часть 2) и федеральные законы принимаются Государственной Думой (статья 105, часть 1), сама Государственная Дума была вправе предусмотреть в своем Ре-

главном положении о направлении законопроектов по предметам совместного ведения субъектам Российской Федерации для дачи предложений и замечаний (статья 109 Регламента Государственной Думы).

В Российской Федерации как государстве, имеющем федеративное устройство, предоставление её субъектам возможности изложить Государственной Думе для обсуждения свою позицию относительно законопроекта по предмету совместного ведения способствует эффективному осуществлению Федеральным Собранием законотворческой деятельности в данной сфере. *Поэтому установление процедуры, предусматривающей направление Государственной Думой законопроектов в субъекты Российской Федерации, рассмотрение внесённых ими предложений и замечаний в комитетах Государственной Думы и создание согласительных комиссий, состоящих из депутатов Государственной Думы и представителей заинтересованных субъектов Российской Федерации, в случаях, когда значительное число субъектов Российской Федерации высказывается против законопроекта в целом либо в значимой его части, призвано обеспечить принятие федерального закона, отражающего интересы как Российской Федерации, так и её субъектов. Вместе с тем такого рода процедуры не должны препятствовать реализации вытекающего из статей 71 (пункт «а»), 94 и 105 Конституции Российской Федерации полномочия Федерального Собрания самостоятельно принимать федеральные законы, в том числе по предметам совместного ведения.*

Процедура согласования имеет целью достижение взаимоприемлемого решения путём координации интересов всех её участников. Из этого однако не вытекает безусловная обязанность Государственной Думы удовлетворить требования, заявленные субъектами Российской Федерации. Проведение данной процедуры предполагает выяснение и обсуждение мнений субъектов Российской Федерации для выработки возможно более согласованного проекта федерального закона, но не получение со стороны субъектов Российской Федерации одобрения законопроекта в целом либо отдельных его положений. Согласительные процедуры не являются необходимым элементом конституционного процесса принятия федеральных законов, а отступление от них само по себе не может служить основанием для признания федерального закона не соответствующим Конституции Российской Федерации по порядку принятия».

Положения федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О Федеральном бюджете на 2003 год», «О Федеральном бюджете на 2004 год» и приложения к ним

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 23 АПРЕЛЯ 2004 Г. № 9-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ «О ФЕДЕРАЛЬНОМ БЮДЖЕТЕ НА 2002 ГОД», «О ФЕДЕРАЛЬНОМ БЮДЖЕТЕ НА 2003 ГОД», «О ФЕДЕРАЛЬНОМ БЮДЖЕТЕ НА 2004 ГОД» И ПРИЛОЖЕНИЙ К НИМ В СВЯЗИ С ЗАПРОСОМ ГРУППЫ ЧЛЕНОВ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ И ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНИНА А.В. ЖМАКОВСКОГО».

Вопрос. О проекте Федерального закона о Федеральном бюджете.

Из мотивировочной части:

«Регламент Государственной Думы включает проект федерального закона о федеральном бюджете в число проектов, подлежащих, в отличие от основной массы законопроектов, внеочередному рассмотрению (подпункт «в» пункта 1 статьи 51), и предусматривает его рассмотрение не в трёх, как это предусмотрено для всех других законопроектов, а в четырёх чтениях (подпункт «б» пункта 4 статьи 40).

Согласно статье 104 (часть 3) Конституции Российской Федерации законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счёт федерального бюджета, могут быть внесены в Государственную Думу только при наличии заключения Правительства Российской Федерации. К проекту федерального закона о федеральном бюджете указанная процедура в силу статьи 114 (пункт «а» части 1) Конституции Российской Федерации неприменима, поскольку он разрабатывается и представляется Государственной Думе, а следовательно, и обосновывается непосредственно самим Правительством Российской Федерации.

Таким образом, в правовой системе Российской Федерации (статья 15, часть 4 Конституции Российской Федерации) федеральный закон о федеральном бюджете представляет собой законодательный акт особого рода. По смыслу статьи 104 (часть 3) во взаимосвязи с другими указанными положениями Конституции Российской Федерации и конкретизирующим их Бюджетным кодексом Российской Федерации в федеральный закон о федеральном бюджете — исходя из его природы и предназначения в правовом государстве — включаются на основе принципов сбалансированности, достоверности и реальности предписания, касающиеся доходов и расходов Российской Федерации и относящиеся к периоду, на который принимается данный закон.

Федеральный закон о федеральном бюджете создаёт надлежащие финансовые условия для реализации норм, закреплённых в иных федеральных законах, изданных до его принятия и предусматривающих финансовые обязательства государства, то есть предполагающих предоставление каких-либо средств и материальных гарантий и необходимость соответствующих расходов. Как таковой он не порождает и не отменяет прав и обязательств и потому не может в качестве *lex posterior* (последующего закона) изменять положения других федеральных законов, в том числе федеральных законов о налогах, а также материальных законов, затрагивающих расходы Российской Федерации, и тем более — лишать их юридической силы.

Из этого следует, что в Российской Федерации как правовом государстве — в силу вытекающих из Конституции Российской Федерации требований — федеральный закон о федеральном бюджете не может устанавливать положения, не связанные с государственными доходами и расходами».

Федеральный конституционный закон «О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации»

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 11 ИЮНЯ 2003 Г. № 10-П ПО ДЕЛУ
«О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОГО
КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЯ
И ДОПОЛНЕНИЯ В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ ЗАКОН
«О РЕФЕРЕНДУМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».**

Вопрос. О соблюдении процедуры голосования при принятии федеральных законов Государственной Думой.

Из мотивировочной части:

«Вопрос о значении соблюдения процедуры голосования при принятии федеральных законов Государственной Думой уже был предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. В Постановлении от 20 июля 1999 года по делу о проверке конституционности Федерального закона «О культурных ценностях, перемещённых в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» Конституционным Судом Российской Федерации выражена правовая позиция, согласно которой конституционными нормами о статусе Государственной Думы и порядке её деятельности обуславливается необходимость нормативно-правового закрепления в Регламенте Государственной Думы процедуры голосования при принятии федеральных законов, предполагающего обеспечение личного участия депутатов в заседаниях и голосовании в ходе законодательного процесса. Наличие такого рода правил и их соблюдение является существенным процессуальным элементом надлежащего, основанного на требованиях Конституции Российской Федерации порядка принятия федеральных законов и гарантирует соответствие принятого решения реальному волеизъявлению депутатов. Вместе с тем принцип личного участия депутата в голосовании не исключает внесения в Регламент Государственной Думы дополнений, касающихся передачи депутатом своего голоса в связи с отсутствием на заседании по обстоятельствам, имеющим исключительный характер.

В связи с этим в пункт 2 статьи 85 Регламента Государственной Думы её Постановлениями от 21 сентября 1999 г. № 4324-П Государственной Думы и от 23 октября 2002 г. № 3172-III Государственной Думы внесены изменения, закрепляющие возможность передачи депутатом Государственной Думы своего голоса другому депутату в случае отсутствия на заседании Государственной Думы. На основе данной нормы, как свидетельствуют материалы настоящего дела, в 1999–2003 годах приняты многие федеральные законы.

Конституция Российской Федерации содержит весьма фрагментарные положения о порядке принятия Государственной Думой федеральных конституционных законов. Лишь в её статье 108 (часть 2) предусмотрено общее требование о том, что федеральный конституционный закон считается принятым, если он одобрен большинством не менее двух третей голосов от общего числа депутатов Государственной Думы.

В этих условиях возрастает значение соблюдения положений о порядке принятия законов, установленных в соответствии с Конституцией Российской

Федерации (статья 101, часть 4) Регламентом Государственной Думы. Поэтому оценка конституционности закона по порядку принятия может быть дана только во взаимосвязи с положениями Регламента, имеющего общеобязательное значение. Именно посредством положений Регламента заявитель обосновывал неконституционность Закона по порядку принятия.

Доверенности депутатов Государственной Думы, отсутствовавших при принятии оспоренного Закона, при обнаружении неопределённости в конституционности федерального конституционного закона по порядку принятия могут иметь значение лишь в том случае, если в заседании Государственной Думы принимало непосредственное участие (фактически присутствовало) не менее 300 депутатов, то есть имелся кворум.

Порядок принятия законов, допускающий голосование при отсутствии кворума, не может быть признан соответствующим статье 108 (часть 2) Конституции Российской Федерации, даже если это предусмотрено Регламентом Государственной Думы.

В соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 12 апреля 1995 года при разъяснении понятия «общее число депутатов Государственной Думы» следует исходить из того, что согласно статье 3 (часть 1) Конституции Российской Федерации носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ. Конституционная характеристика Федерального Собрания как органа народного представительства предполагает, что возможная неполнота состава его палат не должна быть значительной, ибо в противном случае его представительный характер может быть поставлен под сомнение.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 1999 года установлено, что голосование за отсутствовавших в заседании депутатов нарушает предписание Регламента Государственной Думы о необходимости личного голосования. «Соблюдение этого предписания как направленного на урегулирование существенных элементов порядка принятия федеральных законов, — указывается в Постановлении, — по смыслу статьи 101 (часть 4) Конституции Российской Федерации, является обязательным... Конституционно-правовой смысл соблюдения требования Регламента Государственной Думы о личном участии депутата в голосовании является обязательным для всех участников законодательного процесса (статьи 79 и 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Это означает, что нарушение данного требования при принятии федерального закона, допущенное после вступления в силу настоящего Постановления, может служить основанием для признания его не соответствующим Конституции Российской Федерации по порядку принятия».

Кроме того, согласно пункту 8 статьи 87 Регламента Государственной Думы «если не зафиксирована техническая неисправность абонентского устройства депутата, то результаты голосования после их объявления пересмотру не подлежат». Во взаимосвязи с ним находится положение пункта 2 статьи 119 Регламента, в соответствии с которым, если по итогам голосования предложение о принятии законопроекта в первом чтении не набрало необходимого числа голосов, оно считается отклоненным без дополнительного голосования».

Постановление Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III Государственной Думы «О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 5 ИЮЛЯ 2001 Г. № 11-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ОТ 28 ИЮНЯ 2000 ГОДА № 492-III ГД «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЯ В ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ АМНИСТИИ В СВЯЗИ С 55-ЛЕТИЕМ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 ГОДОВ» В СВЯЗИ С ЗАПРОСОМ СОВЕТСКОГО РАЙОННОГО СУДА ГОРОДА ЧЕЛЯБИНСКА И ЖАЛОБАМИ РЯДА ГРАЖДАН».

Вопрос. О процедуре рассмотрения законопроектов в Государственной Думе.

Из мотивировочной части:

«Установление, исходя из требований Конституции Российской Федерации, процедуры принятия Государственной Думой решений, в том числе её закрепление в Регламенте Государственной Думы, и соблюдение такой процедуры является существенным процессуальным элементом надлежащего, основанного на Конституции Российской Федерации порядка принятия актов и гарантирует соответствие их содержания реальному волеизъявлению представительного органа. Несоблюдение вытекающих из Конституции Российской Федерации процедурных правил, имеющих существенное значение и влияющих на принятие решения, позволяет, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, констатировать противоречие этого решения Конституции Российской Федерации.

Согласно статье 116 и части первой статьи 182 Регламента Государственной Думы рассмотрение Государственной Думой проектов постановлений об амнистии, как и законопроектов, «осуществляется в трёх чтениях, если иное не предусмотрено действующим законодательством или настоящим Регламентом». Деление процедуры рассмотрения проектов на чтения и собственно каждое из чтений имеют значение как для обеспечения поиска наиболее адекватных нормативных решений, так и для проверки соответствия их текстуально оформленного содержания подлинному волеизъявлению законодателя в соответствии с положениями статей 3 и 94 Конституции Российской Федерации. Принятие акта последовательно в каждом из трёх чтений — при их различном назначении в едином нормотворческом процессе — является также гарантией учёта исходной позиции субъектов законодательной инициативы, поскольку изменение концепции акта не может происходить на этапе внесения поправок к нему, чтобы имеющие принципиальное значение изменения не появлялись в результате случайных, не связанных с обсуждением концепции решений. Нарушение же требований к чтениям в законодательной процедуре, приводящее к искажению изначального волеизъявления и тем самым влияющее на судьбу акта в целом, тем более если сам законодатель подтверждает неадекватность выражения соб-

ственной воли в принятых впоследствии нормах, свидетельствует о неконституционности такого акта не только по порядку принятия, но, в конечном счёте, и по его содержанию.

Поскольку согласно части первой статьи 118 Регламента Государственной Думы при рассмотрении Государственной Думой законопроекта в первом чтении «обсуждается его концепция, даётся оценка соответствия основных положений законопроекта Конституции Российской Федерации, его актуальности и практической значимости», принятие закона в первом чтении означает, что его концепция получила поддержку Государственной Думы и не может быть произвольно изменена. Применительно к акту, влияющему на конституционно-правовой статус субъектов права, концептуальным является определение круга субъектов, на которых он распространяется. Следовательно, по этому вопросу во втором чтении не должно приниматься иное, чем в первом, решение без возвращения к новому рассмотрению концепции акта».

Федеральный закон от 15 апреля 1998 года «О культурных ценностях, перемещённых в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 20 ИЮЛЯ 1999 Г. № 12-П ПО ДЕЛУ «О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 15 АПРЕЛЯ 1998 ГОДА «О КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЯХ, ПЕРЕМЕЩЁННЫХ В СОЮЗ ССР В РЕЗУЛЬТАТЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И НАХОДЯЩИХСЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. О личном участии депутата Государственной Думы в голосовании.

Из мотивировочной части:

«Из статей 94, 95 (часть 1), 97 (часть 3) и 100 (часть 2) Конституции Российской Федерации следует, что Государственная Дума как палата Федерального Собрания — Парламента Российской Федерации, являющегося представительным и законодательным органом Российской Федерации, состоит из депутатов, работающих на профессиональной постоянной основе, принимает решения коллегиально, в пленарных заседаниях; согласно статье 101 (часть 4) Конституции Российской Федерации каждая из палат принимает свой регламент и решает вопросы внутреннего распорядка своей деятельности. *Этим обуславливается необходимость нормативно-правового закрепления в Регламенте Государственной Думы соответствующих процедур принятия ею решений, в том числе установления порядка голосования при принятии законов, предполагающего обеспечение личного участия депутата в заседаниях и голосовании в ходе законодательного процесса. Наличие такого рода правил и их соблюдение является существенным процессуальным элементом надлежащего, основанного на требованиях Конституции Российской Федерации порядка принятия законов и гарантирует соответствие принятого решения реальному волеизъявлению депутатов. Вытекающие из Конституции Российской Федерации требования о соблюдении регламента и личном участии депутата в заседании палаты были закреплены также в статьях 2 и 12 Федерального закона от 8 мая 1994 года «О статусе*

депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и сохранились в ныне действующей редакции этого акта (Федеральный закон от 5 июля 1999 года «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»).

В соответствии с действовавшим на момент принятия Закона Регламентом Государственной Думы Федерального Собрания – Парламента Российской Федерации, утверждённым Постановлением Государственной Думы от 25 марта 1994 года № 80-1 ГД, депутат Государственной Думы обязан присутствовать на её заседаниях; о невозможности присутствовать на заседании палаты по уважительным причинам депутат заблаговременно информирует Председателя Государственной Думы (части вторая и третья статьи 41); при голосовании по каждому вопросу депутат имеет один голос, подавая его за или против принятия решения либо воздерживаясь от принятия решения; депутат лично осуществляет своё право на голосование; депутат, отсутствующий во время голосования, не вправе подать свой голос по истечении времени, отведённого на голосование (статья 75).

При этом в Регламенте Государственной Думы не была предусмотрена (и в настоящее время не предусматривается) возможность для депутата, находящегося вне Государственной Думы даже по уважительным причинам, выразить свою волю, передать свой голос другому депутату, а следовательно, голосование за отсутствующих парламентариев не допускается, хотя принцип личного участия депутата в голосовании не исключает того, чтобы на случай таких обстоятельств, как чрезвычайные ситуации на местах, болезнь, направление в командировку, необходимую для выполнения функций палаты, и других обстоятельств экстраординарного характера в Регламенте Государственной Думы была закреплена процедура передачи депутатом своего голоса другому депутату с указанием, как им распорядиться при голосовании.

Как следует из материалов дела, Государственная Дума принимала решение об одобрении оспариваемого Закона путём поименного голосования с использованием электронной системы подсчёта голосов; за его одобрение в ранее принятой редакции поименно проголосовали 308 депутатов; между тем 20 депутатов Государственной Думы, которые считаются проголосовавшими, 4 апреля 1997 года не могли находиться в зале заседаний Государственной Думы и лично участвовать в голосовании. Следовательно, общее число одобренных Закон путём личного голосования не достигает 300.

Таким образом, при принятии решения об одобрении Закона в Государственной Думе имело место голосование за отсутствовавших в заседании депутатов, и тем самым было нарушено предписание Регламента о необходимости личного голосования. Между тем соблюдение этого предписания, как направленного на урегулирование существенных элементов порядка принятия федеральных законов, по смыслу статьи 101 (часть 4) Конституции Российской Федерации, является обязательным.

Вместе с тем выявленный Конституционным Судом Российской Федерации конституционно-правовой смысл соблюдения требования Регламента Государственной Думы о личном участии депутата в голосовании является обязательным для всех участников законодательного процесса (статьи 79 и 80 Фе-

дерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Это означает, что нарушение данного требования при принятии федерального закона, допущенное после вступления в силу настоящего Постановления, может служить основанием для признания его не соответствующим Конституции Российской Федерации по порядку принятия. При этом не исключается внесение в Регламент Государственной Думы дополнений, касающихся порядка передачи депутатом своего голоса в связи с отсутствием на заседании по обстоятельствам, имеющим исключительный характер».

Статьи 103 (часть 3), 105 (части 2 и 5), 107 (часть 3), 108 (часть 2), 117 (часть 3) и 135 (часть 2) Конституции Российской Федерации

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 12 АПРЕЛЯ 1995 Г. № 2-П ПО ДЕЛУ
«О ТОЛКОВАНИИ СТАТЕЙ 103 (ЧАСТЬ 3), 105 (ЧАСТИ 2 И 5),
107 (ЧАСТЬ 3), 108 (ЧАСТЬ 2), 117 (ЧАСТЬ 3) И 135 (ЧАСТЬ 2)
КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».**

Вопрос. Об «общем числе депутатов».

Из мотивировочной части:

«Давая разъяснение понятия «общее число депутатов Государственной Думы», следует исходить из того, что согласно статье 3 (часть 1) Конституции Российской Федерации носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ. Часть 2 этой статьи устанавливает, что народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. В свою очередь, статья 32 (часть 1) Конституции Российской Федерации предусматривает, что граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей.

Представительным и законодательным органом Российской Федерации, представляющим весь многонациональный народ России и все субъекты Российской Федерации, является Федеральное Собрание, состоящее из Совета Федерации и Государственной Думы (статья 94 и часть 1 статьи 95 Конституции Российской Федерации).

Определяя численный состав Совета Федерации (по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации) и Государственной Думы (450 депутатов), Конституция Российской Федерации одновременно возлагает на законодательную власть и главу государства обязанность создать условия для замещения мандатов представителей субъектов Российской Федерации в Совете Федерации и депутатских мандатов в Государственной Думе (пункт «а» статьи 84, часть 2 статьи 96 Конституции Российской Федерации). Конституционное требование о численном составе палат Федерального Собрания Российской Федерации должно быть обеспечено.

Конституционная характеристика Федерального Собрания как органа народного представительства предполагает, что возможная неполнота состава его палат не должна быть значительной, ибо в противном случае его представительный характер может быть поставлен под сомнение.

Цель установления в статье 95 Конституции Российской Федерации числа мандатов в Совете Федерации и Государственной Думе — обеспечение представительного характера высшего законодательного органа Российской Федерации. Отсюда следует, что принятие предложенной Государственной Думой интерпретации понятия «общее число депутатов» как числа только фактически избранных в Государственную Думу депутатов, за исключением тех, чьи полномочия на момент голосования прекращены в установленном порядке, может привести к тому, что Государственная Дума будет правомочна принимать федеральные законы и иные важные для страны акты по вопросам своего ведения, даже если фактически утратит свой представительный характер вследствие вакантности значительной части депутатских мандатов. Такие законы и иные акты как нарушающие статью 94 Конституции Российской Федерации окажутся нелегитимными.

Акты парламента должны воплощать интересы большинства в обществе, а не только самого парламентского большинства. Конституция Российской Федерации не установила требований к численному составу избранных парламентариев, при котором палаты Федерального Собрания вправе осуществлять свои конституционные полномочия. В этих условиях представительный характер Государственной Думы (и Совета Федерации) и легитимность принимаемых законов могут быть гарантированы только истолкованием понятия «общее число депутатов» как конституционного их числа — 450 депутатов Государственной Думы (178 членов Совета Федерации). При определении порядка принятия законов и постановлений палатами Федерального Собрания Конституция Российской Федерации исходит из названного общего числа депутатов Государственной Думы (общего числа членов Совета Федерации). Принятые большинством от данного числа решения во всех случаях учитывают волю представителей не менее чем половины избирательного корпуса, вследствие чего наличие вакантных мандатов депутатов не может сказаться на итогах голосования.

Таким образом, предлагаемое в запросе Государственной Думы отождествление понятий «общее число депутатов» и «число фактически избранных депутатов» не отвечает требованиям Конституции Российской Федерации гарантировать народное представительство в Федеральном Собрании и может воспрепятствовать реализации конституционных положений об организации палат Федерального Собрания и законодательном процессе.

2. В статьях 107 (часть 3) и 135 (часть 2) Конституции Российской Федерации предусматривается принятие решений квалифицированным большинством голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы.

Понимание указанных положений как способа подведения итогов голосования, исходя из общей суммы голосов членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, противоречит Конституции Российской Федерации.

Федеративное устройство Российской Федерации обуславливает двухпалатную структуру Федерального Собрания и значительную самостоятельность Совета Федерации и Государственной Думы по отношению друг к другу. В своей организации и деятельности они призваны отразить разные стороны народного представительства в Российской Федерации — прямое представительство населения и представительство субъектов Российской Федерации. Различна и их компетенция.

Статья 100 (часть 1) Конституции Российской Федерации устанавливает, что Совет Федерации и Государственная Дума заседают раздельно. В силу статей 102 (часть 3), 103 (часть 3), 105, 108 (часть 2) Конституции Российской Федерации федеральные законы, постановления Совета Федерации и Государственной Думы принимаются палатами Федерального Собрания раздельно. В статье 107 (часть 3) Конституции Российской Федерации подчеркивается, что повторное рассмотрение федерального закона палатами Федерального Собрания осуществляется в установленном Конституцией Российской Федерации порядке, то есть также раздельно. В тех предусмотренных частью 3 статьи 100 Конституции Российской Федерации случаях, когда палаты собираются совместно, голосования не проводятся и решения не принимаются.

Таким образом, указание на общее число членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, содержащееся в тексте статей 107 и 135 Конституции Российской Федерации, должно пониматься только как единый для обеих палат принцип определения результатов голосования».

Положения части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 11 ДЕКАБРЯ 1998 Г. № 28-П ПО ДЕЛУ «О ТОЛКОВАНИИ ПОЛОЖЕНИЙ ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 111 КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Вопрос. О представлении Президентом Российской Федерации кандидатуры Председателя Правительства Российской Федерации в Государственную Думу.

Из мотивировочной части:

«Положение части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации о трёхкратном отклонении представленных кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации Государственной Думой во взаимосвязи с другими положениями данной статьи означает, что Президент Российской Федерации при внесении в Государственную Думу предложений о кандидатурах на должность Председателя Правительства Российской Федерации вправе представлять одного и того же кандидата дважды или трижды либо представлять каждый раз нового кандидата. Право Президента Российской Федерации предлагать ту или иную кандидатуру и настаивать на её одобрении, с одной стороны, и право Государственной Думы рассматривать представленную кандидатуру и решать вопрос о согласии на назначение — с другой, *должны реализовываться с учётом конституционных требований о согласованном функционировании и взаимодействии участников этого процесса, в том числе на основе предусмотренных Конституцией Российской Федерации или не противоречащих ей форм взаимодействия, складывающихся в процессе реализации полномочий главы государства и в парламентской практике.*

После трёхкратного отклонения представленных Президентом Российской Федерации кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации — независимо от того, представлялся ли каждый раз новый кандидат либо один и тот же кандидат дважды или трижды, — Государственная Дума подлежит роспуску».

**Правовые позиции
Конституционного Суда
Российской Федерации**

Редактор А. Д. Сидорова
Компьютерная вёрстка А. В. Чистяков

Подписано к выпуску 18.08.2011 г.
Электронное издание, 160 с.

Издательство ЗАО «Гриф и К»